ДБ
20
Б 91

В. Бурьянов

Прогулка по России

ч 4

Спб 1837.

АБ
20
591

ПРОГУЛКА

ПО

РОССІИ.

IV.

DB
20
B91

ПРОГУЛКА

СЪ

ДѢТЬМИ

ПО

РОССІИ.

Соч. Виктора Бурьянова.

1618/4

Часть IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

3-ком

отс. оглавлен.
20/VIII,85 Бабурин

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ 5 Іюля 1836 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

Государств. публичная историческая библиотека
657873

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

ПРОГУЛКА
СЪ ДѢТЬМИ ПО РОССІИ.

ГЛАВА I.

Губерніи: Пензенская, Симбирская, Саратовская, Тамбовская, Курская, Воронежская.

Скоро летитъ время! Губернія за губерніею изчезаютъ у насъ передъ глазами, городъ бѣжитъ за городомъ и вотъ уже мы проскакали большую часть Россіи, и вездѣ находили предметы для наблюденія, пищу для разговора занимательнаго и полезнаго, вездѣ встрѣчаемы были лицами веселыми, гостепріимными, готовыми раздѣлить съ нами послѣдній уголокъ, повсюду слышали имена Царя и Царицы, прославляемыя и благословляемыя!

Пріятно это для сердца каждаго Русскаго, пріятно ему видѣть, что старанія нашего добраго Государя, о благополучіи своихъ подданныхъ, не прилагаются о людяхъ безчувственныхъ, холодныхъ, но принимаются съ нѣжною благодарностью. — Вотъ и станція передъ нами; ямщикъ остановилъ своихъ борзыхъ лошадушекъ и заснувшій слуга *Ерема*, проснувшись отъ внезапнаго восклицанія выбѣжавшихъ къ намъ на встрѣчу ребятъ, сползаетъ лѣниво съ козелъ, чтобъ отворить намъ дверцы. — »« Дай ка намъ чего нибудь пообѣдать, бабушка«» просимъ мы у *Пензенской* старушкѣ, хозяйкѣ избы, въ которую мы пріѣхали и которая служитъ здѣсь вмѣсто станціи. »«Славныя поля у васъ«» начинаю я говорить съ сыномъ крестьянки. — »Да кажется баринъ, рожъ хорошо зачалась, отвѣчаетъ мужикъ, Богъ помиловалъ нашу сторонушку, и градъ побившій столько хлѣба въ *Калужской* то губерніи, прошелъ здѣсь стороною.« — »Ты говоришь, что градъ сдѣлалъ много вреда въ *Калужской* гу-

берніи; а въ какомъ городѣ онъ разразился особенно?« »Да въ *Мьщовскѣ*, баринъ, тамъ онъ былъ толщиною въ большой орѣхъ, а буря то такъ разыгралась, что рвала вѣковыя деревья; дождь лилъ, вишь какъ изъ ведра.« — Какое ужасное событіе! и мы не знали этого, посѣщая губернію, бывъ такъ близко отъ *Мьщовска!* Бѣдные поселяне, пропали всѣ ихъ старанія, и труды; и такъ здѣсь, въ простой избѣ *Пензенской губерніи*, отъ грубаго мужика мы узнали, то, объ чемъ вѣрно уже давно сокрушаются столичные жители, читавшіе описаніе этого произшествія въ какихъ нибудь газетахъ. Намъ же необразованный *Ванюха* служилъ на этотъ разъ *Сѣверною Пчелою.*« — »А чѣмъ вы охотнѣе занимаетесь, еще разъ начинаю я, земледѣліемъ или промышленностью?» »Да какъ Богъ велитъ, простодушно, отвѣчаетъ собесѣдникъ, иной разъ такъ съ поля жаль сойти, любо смотрѣть, да и работать то весело! А другой, какъ Богъ не пошлетъ краснаго лѣта, а вмѣсто него дожди взмо-

чутъ весь хлѣбъ, да привалятъ его къ землѣ, такъ по неволѣ, баринъ, пойдешь въ работу въ городъ, тамъ къ столяру какому, или начнешь гнать водку, или запряжешь клячу, да и потащишься съ добрыми людьми на ярмарку хоть въ подъ *Нижній-Ломовъ*, гдѣ много сбирается нашей братьи. Нечего сказать торгъ идетъ хорошо, купцы у насъ не бѣдны, и пути-то, особливо зимою, такъ и покроятся телѣгами со всякою всячиною: и хлѣбомъ, и кожами, и медомъ, и мыломъ и прочимъ другимъ. Вишь, баринъ, Богъ то не далъ намъ судоходной рѣчушки какъ родимая *Волга*, да *Ока* сребристая, а то бы торгъ нашъ куды далеко бы ушелъ; много у насъ воды-то, да толку мало; подъ бокомъ, кажись *Волга*, а польза то отъ того не велика; *Мокша* и *Сура* такъ мелки, что и порядочную барку не дотащутъ до матушки—рѣчушки. Какъ быть! по маленьку и безъ нихъ перебиваемся!« Словоохотный мужичекъ много бы нашъ еще разсказывалъ, да Ерема прервалъ его до-

кладомъ, что лошади готовы, и мы заплативъ гостепріимнымъ хозяевамъ за простой, но вкусный обѣдъ, и давъ *на водку* доброму Ванюхѣ, сѣли въ повозку, борзая шестерня съ громкимъ колокольчикомъ у дышла, и съ бойкимъ двѣнадцатилѣтнимъ форейторомъ впереди, — помчала насъ посреди золотыхъ полей, волнистая линія которыхъ иногда прерывалась цвѣтущими огородами, и въ живописномъ безпорядкѣ по гладкому мѣсту разбросанными избами. Скоро и они изчезли изъ нашихъ глазъ, забѣлѣлись вдали какія то зданія, блеснули кресты церквей яркими звѣздочками, пріятный, здоровый деревенской воздухъ началъ сгущаться отъ пыльныхъ облаковъ, воздымаемыхъ скрыпучими колесами телѣгъ, тяжело нагруженныхъ множествомъ мѣшковъ, на которыхъ небрежно дремали торгаши, отъ времени до времени просыпавшіеся, чтобъ вспугнуть усталую лошадь мановеніемъ плети, сопровождаемымъ побудительнымъ: »Ну, ты! Не дремли!« И веселыя пѣсни деревен-

скихъ дѣвушекъ, соединяющіяся съ рѣзкими голосами молодыхъ парней разгульною толпою съ сохами, да граблями спѣшившихъ съ работы въ родимыя избы, умолкли, изчезая вдали тихимъ, звонкимъ колокольчикомъ. Наша неутомимая спутница рѣка *Сура* соединилась съ подругою своею *Пензою*, въ тихихъ водахъ которой затрепетали деревянныя зданія города, и довольно высокая гора съ нѣсколькими церквами, безпорядочно разсѣянными между домами, выглядывающими изъ за густой зелени, и посреди которыхъ красиво возвышался Соборъ, пріятной наружности, окруженный толпою народа, столпившагося въ дверяхъ, вѣроятно по случаю какой нибудь свадьбы, показали намъ, что мы въ *Пензѣ*, главномъ городѣ всей губерніи. Но что же обратитъ наше вниманіе въ этомъ *главномъ городѣ?* что разсматривать? что вспоминать? Фабрики здѣсь есть, да не очень важныя, особливо въ сравненіи съ видѣнными уже нами, зданій примѣчательныхъ ни по древности, ни по кра-

сотѣ архитектуры, нѣтъ, а исторія также не оставила никакихъ видовъ въ *Пензѣ*, такъ что мы, отдавъ ей полную справедливость за дѣятельныя старанія о распространеніи промышленности, проѣдимъ далѣе, взглянемъ на торговый *Саранскъ*, маленькой, живой городокъ, на *Нижній Ломовъ*, очень успѣшно присоединяющій свои труды къ общимъ трудамъ, и много способствующій своею ярморочною дѣятельностью къ усовершенствованію и хорошему ходу *Пензенскаго* торга, перекупая, продавая, и надѣляя своими мѣхами, кожами, воскомъ и другими товарами. Жаль, что мы поздно пріѣхали, а то можетъ быть встрѣтили бы нашего словоохотнаго знакомца Ванюху, не земледѣльцемъ, а умнымъ и расторопнымъ купцомъ, зазывающимъ посѣтителей въ свою полотнянную лавку, старающимся о своихъ выгодахъ, и подъ вечеръ съ удовольствіемъ считающимъ деньги, полученныя имъ въ продолженіи дня и бережливо увязанныя въ кожан-

ную мошну, хранящуюся для предосторожности, за пазухою.

Уже замѣтно, что мы приближаемся къ южнымъ мѣстамъ; частехонько намъ попадаются на встрѣчу козаки, живущіе частью въ этой губерніи, угрюмые Татары съ обыкновенною важностью спѣшатъ въ мечети, выстроенныя ими здѣсь во многихъ мѣстахъ и неуклюжіе, сутуловатые Калмыки толкаются на ярмаркахъ. Здравствуй, родная дивная, *Волга!* Опять пришлось намъ увидѣть твои свѣтлыя воды, превратившіяся въ мелкія рѣки или ручьи во всѣхъ губерніяхъ, по которымъ мы проѣзжали послѣ Казанской, гдѣ потеряли тебя изъ виду. Какъ ты хороша, Царица Русскихъ водъ! Какъ пріятенъ шумъ твой, какъ сладко твое журчаніе! Съ какимъ восторгомъ смотрятъ на тебя, *Симбирскіе* жители, какъ они любуются твоею дѣятельностью и прекрасными мѣстами, орошаемыми твоими свѣтлыми струйками. Взгляни сама: что за зелень на долинахъ, по которымъ ты пробѣгаешь, что за цвѣты на холмахъ, съ которыхъ

ты стремишься какъ дитя, перебѣгающее съ горки на горку. Всѣ рѣчки здѣсь принадлежатъ тебѣ, ты ихъ всѣхъ надѣляешь водою, ты образовала этотъ прекрасный мысъ являющійся такъ неожиданно съ своею песчаною степью передъ глазами удивленнаго путника, привыкшаго видѣть въ *Симбирской губерніи* жирный черноземъ, ты распространяешь въ воздухѣ эту благодѣтельную прохладу, благословляемую стократъ изнуреннымъ пѣшеходомъ, ты же украшаешь своими водами здѣшнее холмистое мѣстоположеніе, на которомъ разливаешься такъ игриво, и разнообразно, и которое безъ тебя бы не имѣло никакой привлекательности. Благодѣтельнѣйшая изъ рѣкъ! Волнистое море ржи смотрится въ твоемъ зеркалѣ, любуясь само собою, макъ склоняетъ къ водамъ твоимъ свою легкую, алую головку, зеленѣющій горохъ играетъ твоими струями, и темный лѣсъ бросаетъ на твою сребристую пелену свою черную тѣнь. Тяжело тебѣ, рѣченька, нести на своихъ волнахъ эти грузныя

суда, тонущія въ твоей синеватой поверхности, и вытягивающія изъ нея свою грудь какъ бѣлая лебедь! Посмотри какъ *Симбирскъ* и *Самара* безжалостно тебя отягощаютъ, взгляни сколько барокъ поплывутъ въ слѣдъ за тѣми, которыя уже бѣгутъ по твоему синему полю, сколько работниковъ съ кожанными нагрудниками, отдыхая на твоихъ берегахъ, готовятся потянуть *бичевую;* сколько новыхъ парусовъ разыгралось съ легкимъ вѣтромъ, сколько острыхъ багровъ воткнулось въ твое глубокое дно! Жаль мнѣ тебя *Волга!* Вотъ *Симбирскъ*, отсюда, съ этой возвышенности будемъ мы любоваться прелестнымъ ландшафтомъ, раскинутымъ, по твоей милости, передъ нами. Какой роскошный великолѣпный видъ! Глазъ утопаетъ въ неизмѣримомъ пространствѣ, занимаемомъ этою матерью рѣкъ, то выплывая на берегъ, чтобъ полюбоваться живописною долиною, испещренною красивыми домиками, между которыми сверкаютъ главы церквей, и кое гдѣ снова

является очаровательная *Волга*, какъ бы желая сказать: что же не полюбуетесь мною? То слѣдуетъ за длинною и безпорядочною нитью судовъ, плывущихъ по водѣ, отражающей ихъ формы въ прелестномъ видѣ; иногда взоръ обращается къ небу, и блуждая въ его свѣтлой лазури изрѣдка встрѣтитъ бѣлое облачко, тихо плывущее по безпрепятственному голубому пути; обратится ли онъ на землю, и тутъ новое, пріятное зрѣлище прикуетъ его къ себѣ желѣзными, неразрывными цѣпями занимательности; наблюдатель оглушенъ шумомъ городской пристани, гдѣ кипитъ народъ съ своимъ обыкновеннымъ крикомъ, ослѣпленъ пестрою массою людей двигающеюся около него, перебѣгающею изъ одной широкой улицы въ другую, отъ одного дома въ другой, голова его кружится, онъ ищетъ отдыха и вездѣ злодѣйка *Волга* заставляетъ его останавливаться, вездѣ очаровываетъ его своими прелестями, то изнуряя дѣятельностью, царствующею на ея берегахъ, то какъ бы сжа-

лясь, давая ему минутный отдыхъ на цвѣтущихъ, но одинокихъ лугахъ, окружающихъ *Симбирскъ* зеленою лентою.— *Лишь только появляется Волга*, то все дурное изчезаетъ: нѣтъ болѣе ни кичекъ, ни паневъ—заведенныхъ не знаю чьимъ дурнымъ вкусомъ; узкія, черныя избы, гдѣ крестьяне живутъ грязно и бѣдно, превращаются въ чистые, просторные домики съ свѣтлыми окнами, и признаками довольства, вездѣ встрѣчаются веселыя лица, и раздаются родныя Русскія пѣсни, повторяемыя насмѣшливымъ эхомъ. Не хотите ли прогуляться по водѣ? Посмотрите какъ чисто ея зеркало, какъ заманчиво златоперыя рыбки всплываютъ на гладкую поверхность, ловя мошекъ, высокимъ столбомъ надъ нею кружащихся, какъ пріятно пестрые пѣвцы воспѣваютъ вамъ вечернюю прощальную пѣсню. Вижу по вашимъ глазамъ, что вы давно уже сбирались просить меня объ этомъ, вотъ и лодка уже готова! Весла ударили по хрусталю и онъ разбившись въ тысячу брызговъ, свернул-

ся въ струи, зашумѣлъ, побѣжалъ увлекая нашу лодку, и мы очутились посреди рѣки величественной, очаровательной. Какъ перемѣняются виды! То передъ вами тянется рядъ красивыхъ, деревянныхъ домовъ — принадлежность города, то зеленѣютъ сады, склоняя свои кудрявыя вѣтьви къ водамъ *Волги*, то представится деревня съ своими хороводами, пѣснями, сладкими звуками Русской свирѣли. Солнышко кажется нехотя удаляется изъ этой благословенной страны, и какъ бы наперекоръ несносной природѣ, не рѣшающейся отступить ни на шагъ отъ введеннаго ею порядка, бросаетъ послѣдніе лучи на свѣтлую *Волгу*, зажигаетъ въ ней безконечную, огненную полосу, трепещущую въ тихихъ водахъ, побагровѣвшихъ отъ небеснаго пожара и тихо, тихо склоняется къ западу, то вспыхивая изъ за частой рощи, то заглядывая въ родныя струи, скромно скрывшіяся за горою. Посмотрите въ лѣво: передъ вами бѣлѣется *Симбирскъ*, оставленный нами за минуту, въ право — за-

дичала, заглохшая пустыня раскинула свои дикія прелести, а тутъ—какой лугъ! далѣе поля потянулись золотою полосою, *рыбацкая слобода*, маленькая, неправильная, но оживленная пылающими кострами, и безпечными пѣснями веселыхъ рыболововъ, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ вкусной ушицы, на которую обращены ихъ глаза, и которая такъ заманчиво бурлитъ въ большомъ котлѣ; живописная слобода эта какъ бы насмѣхается надъ высокими горами, заслоняющими ей солнце, украдкой блеснувшее съ боку; при видѣ этой разнообразной, щедрой природы какъ не вспомнить стихи сладкозвучнаго поэта нашего *Дмитріева*, и не сказать съ нимъ вмѣстѣ:

Я плылъ, скакалъ, летѣлъ стрѣлою.
Тамъ видѣлъ горы надъ собою
И спрашивалъ: который вѣкъ
Засталъ ихъ въ молодости сущихъ?
Здѣсь, мимо городовъ цвѣтущихъ
И задичалыхъ пустынь текъ.

Тамъ вѣси, нивы благодатны,
Стада у кущи рыбарей,
Цвѣты и травы ароматны,
Растущи средь ея зыбей,
Влекли попеременно взоры.

∞

А тамъ сиренъ пернатыхъ хоры,
Подъ тѣнь кусточковъ уклонясь,
Пространство пѣньемъ оглашали
И два сайгака имъ внимали
Съ крутыхъ стремнинъ не шевелясь.

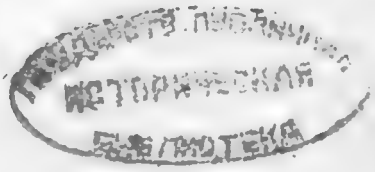
Счастливый очеркъ береговъ *Волги!* Отъ чего эта вода такъ пѣнится на этомъ мѣстѣ? Она клубится, кипитъ, свертывается въ бѣлыя кудри, шумитъ, отбрасываетъ брызги! Лодку нашу начинаетъ качать, тихая до сихъ поръ рѣка волнуется, и рыбки, какъ бы испуганныя этимъ явленіемъ, попрятались на днѣ. Кормчій нашъ круто повернулъ на лѣво, вода пришла въ свое прежнее состояніе, и лодка наша, разрѣзавъ ее своимъ острымъ носомъ, скоро побѣжала впередъ. Пороги остались далеко отъ насъ.

И такъ мы находились близь этихъ знаменитыхъ Волжскихъ пороговъ и теперь можемъ подтвердить слова, что они точно ужасны, но что вмѣстѣ составляютъ прекрасную картину, посреди спокойной, зеркальной поверхности рѣки. »Что значатъ эти синеватыя струи, чертящія круги свои около какихъ то невидимыхъ центровъ?« Спрашиваю я у одного изъ нашихъ гребцовъ, обращая его вниманіе на струистые круги, отдѣляющіеся отъ тихой, неколеблемой ни малѣйшимъ вѣтеркомъ *Волги.* »Это подводные камни *разбурились*« отвѣчаетъ гребецъ статный мужикъ съ бѣлымъ лицемъ и, про котораго по справедливости можно было сказать: бѣлъ и румянъ какъ кровь съ молокомъ. Должно вамъ замѣтить при этомъ случаѣ, что здѣсь крестьяне отличаются по своей бѣлой кожѣ, и даже называются: *бѣлотѣлыми*, что вѣроятно происходятъ отъ здороваго воздуха и легкой воды. Но мы заговоривъ о мужикѣ нашемъ, совсѣмъ забыли о подводныхъ камняхъ, оставшихся у насъ

далеко въ сторонѣ. Это небольшіе утесы, высовывающіеся изъ воды, а иногда, и скрывающіеся подъ ея поверхностью, что бываетъ чрезвычайно опасно для путешественниковъ, которые въ своихъ ночныхъ поѣздкахъ, не видя въ темнотѣ этихъ опасныхъ мѣстъ, наѣзжаютъ на нихъ, и очень часто погибаютъ. »Недавно еще« разсказывалъ намъ нашъ говорунъ гребецъ, «знатное судно было въ дребезги разбито объ эти камни.»

Что за веселье въ этомъ селѣ?

Во всѣхъ домахъ свѣтится огонь, берега покрыты рѣзвыми толпами, то кружащимися въ красивыхъ хороводахъ, то гуляющими руку объ руку по зеленой площадкѣ. Алые сарафаны, бѣлыя рубашки, золотыя ленты на головахъ дѣвушекъ, и богатые кафтаны мущинъ, опоясанные красными поясами, составляютъ красивый, пестрый обручь, то вертящійся на одномъ мѣстѣ, то растягивающійся длинною вереницею. Легкія фаты женщинъ играютъ съ вѣтеркомъ, и черныя шляпы пляшущихъ мущинъ раз-



махиваются въ воздухѣ какъ бы желая полонить его. А свирѣль, слышите ли, какъ хорошо она соединяется съ складными голосами дѣвушекъ, и какъ благозвучно переговаривается съ сельскимъ рожкомъ? Вотъ все веселое общество, разорвавъ вдругъ хороводную цѣпь, и прервавъ единообразную вереницу гуляющихъ, толпою устремилось къ какой то двигающейся массѣ; послѣдуемъ и мы за бѣгущими. Фу! Какія страшныя маски! и медвѣди, и лисицы и уроды хохлатые, да бѣлые, съ фонарями, рогатинами, палками! Что это за маскарадъ? Кажется у насъ не Святки чтобъ наряжаться! Растолкуйте мнѣ, добрые люди, что причиняетъ такое веселье въ вашемъ селѣ? »А вотъ, батюшко, капустку за утро дѣвки рубили, а теперь подъ вечеръ и расплясались,« отвѣчаетъ намъ почтенный старичокъ, нѣмой зритель всеобщаго веселья. «Ужъ у насъ такой обычай, баринъ, (да ты встрѣтишь это веселье повсюду вдоль нашей рѣчушки) какъ придетъ *время капустку рубить* такъ

и настанетъ въ селѣ, али въ городишкѣ какомъ незнатномъ, праздникъ. Еще до солнышка проснется молодежь, да и пойдетъ ходить изъ избъ въ избы, все вишь напрашиваясь капустку порубить. Хозяева то ради гостямъ, работа идетъ скоро, кадки подъ говоромъ родной пѣсеньки, то и дѣло что наполняются, въ смѣхахъ да росказняхъ не видишь какъ утро пройдетъ, и тутъ ужъ начинается пиръ горой: напекутъ пироговъ, заварятъ пива, и пойдетъ потѣха; гости сыты, хозяева довольны, что капустка срублена, и вечеръ пройдетъ весь, какъ ты теперь видишь: въ пляскахъ, играхъ, да пѣсняхъ. Радуется душа, смотря на радость молодости, была и наша пора да прошла, пройдетъ также и ихъ-то время, баринъ.« И такъ вотъ причина всеобщей веселости: рубили капусту. Да это уже совершенно похоже на собираніе *виноградныхъ лозъ* въ Германіи, тамъ бываетъ тотъ же сельскій праздникъ, царствуетъ также милая, привлекательная непринужденность. — Опять посколь-

зила наша лодка по гладкой поверхности рѣки, и только изрѣдка до слуха нашего легкокрылый вѣтерокъ доноситъ веселые отголоски пѣсень, и томные, сладкіе звуки свирѣли. Мы были въ *Симбирскѣ*, но вспомнили ли мы, кого онъ подарилъ нашей исторіи, кто родился въ его стѣнахъ, чей геній развился въ кругу его тихихъ, простыхъ нравовъ? — Нѣтъ мы не забудемъ, что *Симбирскъ* отчизна *Карамзина;* этого отца нашей исторіи, глубокаго, ученаго, и ревностнаго почитателя всего Русскаго. Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ благодарное отечество воздвигнетъ ему красивый памятникъ на самомъ мѣстѣ его рожденія; можетъ быть даже это скоро будетъ, потому что уже собрана для этого значительная подписка. Въ *Симбирской* же губерніи родился и знаменитый поэтъ нашъ *И. И. Дмитріевъ.* По мѣрѣ приближенія нашего къ *Саратовской губерніи* мы встрѣчаемъ все болѣе и болѣе *Калмыковъ;* вотъ *Самара*, торговый и дѣятельный городокъ, который былъ по-

строенъ для защиты противъ набѣговъ Калмыковъ въ 1591 году, вотъ *Ставрополь*, гдѣ засѣдаетъ начальникъ этого народа, а вотъ наконецъ и предѣлы *Саратовской губерніи* съ ея степями и заволжскими *Калмыками*, съ ея занимательностью и разнообразною, своенравною природою, которая то одѣвается въ миловидный черноземъ, орошаемый *Волгою*, то сбросивъ эту привлекательную одежду является каменистою, обнаженною, то вдругъ дѣлается главною степью изрѣдка прорѣзываемою *общимъ сыртомъ*, надѣляющимъ Сѣверъ своими холмистыми вѣтьвями, примыкающими къ самой рѣкѣ, и вдругъ превращается въ зеркальное, соленое *Ельтонское озеро*, представляющееся издали совершеннымъ моремъ, котораго хрустальная поверхность какъ будто поджидаетъ бури.

Чудное своенравіе! Здѣсь не увидите этихъ прекрасныхъ полей съ помятыми колосьями, колебаніемъ которыхъ вы такъ забавлялись въ предъидущихъ губерніяхъ, развѣ повеселятъ они васъ не много, по

ту сторону *Волги*, гдѣ земледѣліе составляетъ главное занятіе жителей, но большею частью встрѣчая кочующія стада принадлежащія Калмыкамъ, живописно разметанныя тамъ и сямъ. Здѣсь мы выйдемъ изъ нашей лодки потому, что мѣли и подводные камни, очень часто образуемые широкою, но перемѣнчивою *Волгою*, начинаютъ дѣлать наше путешествіе непріятнымъ, и мы предпочитаемъ продолжать его сухимъ путемъ, сперва однако не должно забыть приказать нашему Еремѣ, чтобы онъ велѣлъ хорошенько смазать нашу повозку, для защиты отъ *ядовитыхъ черныхъ пауковъ*, находящихся здѣсь во множествѣ, и которые часто ночью поднимаются съ земли, пробираются въ экипажъ, селятся въ одеждахъ бѣднаго путешественника, и безпрепятственно пускаютъ въ его тѣло свой смертоносный ядъ. Овцы здѣсь истребляютъ ихъ во множествѣ безъ всякаго для себя вреда. Въ *Саратовской губерніи* очень много разныхъ такого рода насѣкомыхъ: есть муравьи, но они не

очень опасны, есть тарантулы, маленькое но весьма злое животное; ужей же, ящериць, лягушекъ, змѣй, здѣсь и не перечтешь. Бросимъ теперь взглядъ на три Царства здѣшней природы; начнемъ съ растительнаго: взгляните на эту сочную траву, стелющуюся на необозримомъ пространствѣ, какъ пышный бархатный коверъ, — вотъ главное богатство этого царства, лѣса же здѣсь бѣдны; тонкая верба гнется близь чернаго и бѣлаго тальника, осокоръ и ветла присоединяютъ къ нимъ свои зеленыя вѣтьви, красиво отдѣляющіяся отъ изумрудной муравы, но обратите ваше вниманіе на здѣшнихъ животныхъ: какія тучныя стада пасутся на лугахъ, какое у нихъ мягкое, волнистое руно, какой веселый здоровый видъ! Но чьи глаза уставились въ этомъ кустарникѣ? А, это незваный гость, сѣрый волкъ изволитъ надзирать за овечками. Здѣсь много такихъ сторожей, да и въ ихъ лукавыхъ кумушкахъ также нѣтъ недостатка. Берегись, пастухъ! Лѣсъ наполненъ этими добросовѣстными сосѣдями —

волками, и стадо твое здѣсь не безопасно. Слышишь ли, какой вой подняли эти кроткія животныя? можетъ быть они другъ другу пересказываютъ свои пріятныя надежды на вкусный обѣдъ. Берегись! Что зашумѣло въ деревьяхъ? Это ястребъ поджидалъ благопріятной минуты, чтобы налетѣть на птенцовъ бѣлой лебеди, грѣющихся при солнечныхъ лучахъ на высокомъ берегу рѣки, но испуганный какимъ то шорохомъ, а можетъ быть страшась мщенія нѣжной матери, онъ взвился на воздухъ, тяжело потонулъ въ безоблачномъ пространствѣ и,

Онъ взвившись въ небѣ черпѣлся высоко.
Сперва казался воробьемъ,
Еще мгновенье — мотылькомъ,
Тамъ комаромъ еще мелькнулъ
И весь въ лазури потонулъ. —

Здѣшній воздухъ служитъ магнитомъ для птицъ, которыя во множествѣ, стаями слетаются сюда на лѣто и тутъ то взору наблюдателя представляется прелюбопытное зрѣлище: всѣ эти летающія

общества большіе охотники до рыбъ, которыхъ въ здѣшнихъ рѣкахъ очень много, и весною они, окруживъ озеро или заливъ удобный для хорошаго успѣха ихъ хитрости, составляютъ изъ себя длинную, неразрывную цѣпь, начинаютъ бить крыльями, кричать на разные голоса, и бѣдныя рыбы, не зная сѣтей, имъ подставленныхъ, но увлекаемыя любопытствомъ, выплываютъ къ самому берегу, длинные носы погружаются въ воду и водяные обитатели дѣлаются добычею лукавыхъ преслѣдователей. — Объ металлахъ и минералахъ я умолчу, потому что здѣсь ископаемое царство очень бѣдно, но за то чрезвычайно много соли на озерахъ. Лѣтомъ путешествіе по *Саратовской* губерніи довольно пріятно: луга, одѣтые живописною зеленью, покрыты прекрасными стадами овецъ, верблюдовъ, лошадей, коровъ; рѣка *Волга*, омывающая часть *Калмыцкихъ* владѣній, своенравно пробѣгаетъ по богатой зелени, то скрываясь за кустарниками, то съ шумомъ соединяясь съ *Камою* или гор-

деливо поглядывая на *Донъ*, ярящійся близь Царицина; ровное мѣстоположеніе, только отъ времени до времени перерѣзываемое *Иргенскими* горами, съ которыхъ въ изобиліи стекаютъ ручьи, происходящіе отъ таянія снѣговъ и образовывающіе хорошія озера, прерывается неправильными юртами *Калмыковъ*, на которыхъ вѣтеръ свободно балуетъ съ рогожами, укрѣпленными вмѣсто дверей. Караваны, общества пастуховъ, окружающія пылающіе костры, перекочевки семействъ — все это придаетъ нѣмой природѣ какой то странный голосъ и дѣятельный видъ, занимающій на нѣсколько минутъ путешественника, но зимою, когда все вокругъ него молчитъ, когда луга покрыты бѣлою снѣжною пеленою, изъ подъ которой бродящія стада съ трудомъ вырываютъ изсохшій корень какого нибудь растенія и лѣса непривѣтливо шевелятъ своими обнаженными вѣтьвями, обсыпанными хрустальнымъ инеемъ, когда часто цѣлый день глазамъ представляется одна голая

пустыня, надъ которой вдали возвышаются каменистыя горы, оледѣняющія однимъ видомъ своимъ, когда путникъ радъ радехонекъ попавшейся одинокой юртѣ *Калмыка*, гдѣ возлѣ огромнаго костра онъ надѣется отогрѣть остывшую кровь, когда совы и филины перегова-риваются въ пустыхъ дуплахъ и кровожадный кабанъ перебѣгаетъ отъ лѣса къ лѣсу, ища добычи, тогда *Саратовскія* степи совсѣмъ не занимательны и часто путешественникъ, проклиная любопытство, заведшее его въ эти снѣжныя пустыни, завидуетъ отъ души отсутствующимъ друзьямъ, которые вокругъ пылающаго камина и не думаютъ о непріятностяхъ зимняго путешествія. Но мы по счастью не застали здѣсь зимы и хотя солнце уже гораздо менѣе освѣщаетъ наше полушаріе, одѣляя болѣе и болѣе своими лучами другое, мы еще можемъ съ пріятностью провести здѣсь время между кочующими *Калмыками*. — Войдемте отдохнуть въ одну изъ этихъ юртъ, которая есть ничто иное

какъ кибитка, сколоченная изъ деревянныхъ рѣшетокъ и палокъ, соединенныхъ, въ видѣ конуса и покрытыхъ рогожами довольно искусно сплетенными и дѣланіемъ которыхъ занимаюся здѣсь женщины, потому что, какъ вы увидите послѣ, мущины живутъ здѣсь въ совершенной праздности за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которые по бѣдности нанимаются у богачей въ пастухи. Впрочемъ бо́льшая часть проводитъ время или охотясь въ полѣ или слушая сказки, или куря табакъ и перебирая четки, предоставляя всѣ прочія работы своимъ женамъ Но возвратимся къ кибиткѣ. По срединѣ стоитъ на таганѣ чугунный котелъ и все семейство, какъ мущины такъ и женщины, въ широкихъ и длинныхъ рубахахъ, чрезвычайно грязныхъ, поджавъ ноги и наполняя юрту табачными облаками, усѣлись около него; ребята полунагіе, присосѣдясь кучами къ отцу и къ матери, въ величайшемъ молчаніи, но съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ, когда имъ удастся пальцами

потаскать изъ горшка куски бараньяго или лошадинаго мяса; овцы, довершающія эту семейную картину и свободно облизывающія остатки вчерашняго обѣда съ стоящихъ тутъ же горшковъ, не столь терпѣливы какъ дѣти и частымъ блѣяніемъ вспоминаютъ, что бы господа и о нихъ не забыли. Противъ дверей, завѣшенныхъ рогожкою, стоитъ кровать, отстоящая отъ земли на четверть аршина, но столь неопрятная, что и взглянуть гадко, на лѣво возвышается что то въ видѣ столика — и на немъ множество уродливыхъ идоловъ или бурхановъ, на право, въ безпорядкѣ, кучами навалены чашки, *долбы* или кружки, *бартоги* для вина, *архоты* или кадочки, *уты*, иначе мѣшки, въ которыхъ хранится сухой пометъ скота, употребляемый вмѣсто дровъ, а на рѣшеткахъ, служащихъ основою кибиткѣ, развѣшаны бараньи и лошадиныя ножки, головы, сырыя кожи, ножи, ружья, сбруя и прочія домашнія принадлежности, распространяющія по всей юртѣ отвратительно тяжелый за-

пахъ, въ которомъ очень трудно должно быть жить. Привычка! Лишь только мы вошли въ юрту, все семейство встало, отошло къ дверямъ, стало на колѣна и потомъ сѣло на пятки — это значитъ что оно намъ отдало должное гостямъ почтеніе. — Какъ некрасивы *Каллыки!* Смуглое лице и тѣло не столько отъ природы, сколько отъ кибиточнаго дыма и огня, выдавшіяся скулы, носъ приплющенный, волосы и глаза черные, послѣдніе расположены нѣсколько вкось, прекрасные бѣлые зубы, ростъ средній, стройности же въ станѣ совершенно нѣтъ, хотя отъ природы они ею и одарены, но безпрестанная верховая ѣзда, заставляющая говорить про *Каллыка*, что онъ живетъ на лошади, дѣлаетъ имъ совершенно кривыя ноги, отъ чего ходить пѣшкомъ они почти не могутъ; вотъ общій, но вѣрный портретъ *Каллыковъ.* Вглядитесь же хорошенько въ лице одного изъ нихъ и вы замѣтите въ немъ доброту, понятливость, даже умъ, готовность къ услугамъ и благородную гор-

дость. Наблюдайте за *Калмыкомъ*, когда онъ говоритъ съ начальникомъ: вы замѣтите въ немъ, слѣпую покорность какъ бы говорящую вамъ: «*Цаганъ-ганъ*, (т. е. бѣлая кость, такъ называютъ они своихъ Князьковъ или *Нойновъ*) не можетъ намъ приказывать что нибудъ дурное». Но вмѣстѣ вы не увидите ни малѣйшихъ слѣдовъ униженія, которое вовсе неизвѣстно этому народу. Къ стыду его должно прибавить, что воровство у нихъ въ большой модѣ и что даже они не считаютъ его порокомъ, говоря, что оно есть ничто иное какъ маленькая шалость. Происходитъ эта страсть брать чужое вѣроятно отъ лѣности, которой предаются *Калмыки* съ такою силою и которая у мужчинъ гораздо сильнѣе чѣмъ у женщинъ. Еще странная черта въ ихъ характерѣ: они чрезвычайно привязаны къ своимъ степямъ и трудно, очень трудно имъ съ ними разставаться, несмотря на бѣдную жизнь лѣтомъ и на холодъ, которой должны переносить зимою въ своихъ маленькихъ и дурно вы-

строенныхъ кибиткахъ. Такая привязанность дѣлаетъ имъ большую честь. Но что за суматоха сдѣлалась въ юртѣ *Иджиля*, *Калмыка*, у котораго мы остановились? «*Ноxо!*» кричитъ старуха мать въ китайчатомъ кафтанѣ, очень похожемъ на Русской, въ сапогахъ на чрезвычайно высокихъ каблукахъ, и съ двумя длинными косами, заплетенными на вискахъ, зашитыми въ китайку и падающими на грудь, бѣги къ сосѣду *Чону*, да скажи ему, чтобъ прислалъ мнѣ лучшаго барана для угощенія гостей, а я пока сварю имъ чаю.» Все это относилось къ мальчику лѣтъ семи, въ красной рубашкѣ, съ бритою головою, на макушкѣ которой оставленъ только небольшой хохолокъ; красная рубашка, какъ сказалъ мнѣ отецъ его, есть признакъ того, что этотъ мальчикъ посвященъ духовному сану, въ слѣдствіе *Калмыцкаго* закона, повелѣвающаго каждому семейству, имѣющему трехъ сыновей, одного изъ нихъ дѣлать членомъ *Хуврака* или духовенства.—Какія смѣшныя имена здѣсь да-

ютъ: *Тоно* да *Нохо*, да *Иджиль!* кажется, что первое изъ нихъ значитъ *волкъ*. Какъ же можно такъ называть людей? Не удивляйтесь, мои милыя; развѣ вы забыли, что и у *Самоѣдовъ* имена даются дѣтямъ по первымъ предметамъ, бросившимся въ глаза отца, такъ точно и здѣсь: отецъ мальчика, побѣжавшаго къ *Тону* т. е. *волку*, вѣрно при рожденіи сына взглянулъ на собаку, отъ чего такъ и назвалъ его, а самъ можетъ быть родился близь *Волги*, почему и названъ былъ *Иджилелиъ*. Между тѣмъ какъ мы разсуждаемъ о происхожденіи именъ *Калмыцкихъ*, мать *Ноха*, *Элгень* т. е. старуха, составила котелъ съ тагана, вылила бывшую въ немъ пищу въ какое то корыто, къ которому тотчасъ и нахлынули ребята, собаки, телята и бараны, вытерла его старою и очень грязною кошмою, налила воды, нарѣзала на кусочки кирпичный чай, который мы уже пробовали въ *Китаѣ* и который есть не что иное какъ стебли и испорченные листочки обыкновеннаго чая, соединен-

ные посредствомъ клейкаго вещества и высушенные въ формѣ, положила кусочки въ котелъ и опять поставила на таганъ. Покуда этотъ невкусный, хотя и очень здоровый, напитокъ закипитъ, мы попросимъ добраго *Иджиля* кое-что разсказать про свою родину и своихъ соотечественниковъ.

«Мы, *Калмыки*, начинаетъ онъ, усѣвшись на полъ, поджавъ ноги и приглашая насъ сдѣлать тоже, происходимъ отъ *Монголовъ* и съ давняго времени (*) приняли подданство Россіи пришедъ изъ *Азіи* съ горной стороны. Много Русскихъ удивляются, что мы не хотимъ перемѣнять образа жизни, что предпочитаемъ нашу, какъ они говорятъ, безпокойную кочевую жизнь ихъ *спокойной*, постоянной; что степи наши милѣе намъ ихъ великолѣпныхъ городовъ и *Далай-Лама* (**), слу-

---

(*) *Калмыки* не знаютъ лѣтосчисленія нашего, но я вамъ скажу, что они наши подданные съ 1655 года по Р. Х.

**) Все равно что Папа у Католиковъ.

жащій священнымъ *Бурханомъ* (Иджиль указалъ на уродливыя, шестирукія куклы, поставленныя на возвышеніи въ видѣ столика) имѣетъ въ насъ покорныхъ поклонниковъ воли его и нашихъ боговъ; но для чего станемъ мы мѣнять нашъ образъ жизни? Предки наши жили счастливо. Лишь бы имѣли мы много овецъ, хорошихъ верблюдовъ, лошадей да добрую и прилежную жену, а прочее намъ все равно. — Что за скука жить все на одномъ мѣстѣ, кажется всякое дерево приглядится, съ каждою травкою ужъ ознакомишься. То ли дѣло по нашему. Не достало стадамъ пищи или нашему старшему мѣсто не нравится какъ разъ сломаешь кибитку, снимешь рѣшетки или *термины*, сдерешь *харачи* или круги, сорвешь крышку, нагрузишь добраго верблюда, да съ благословленіемъ *Бурхановъ* и пустишься искать благопріятнаго для кочеванія мѣста; да вотъ какъ нарочно мимо нашего улуса тянется караванъ сосѣдняго Ноина». —»Выйдемте, милыя дѣти, изъ кибитки и взглянемъ на

эту перекочевку: взгляните какая суматоха въ томъ владѣніи, стадо котораго почувствовало недостатокъ въ пищѣ: возлѣ кибитки *Ноина* воткнута его пика—знакъ къ отъѣзду и кибитка за минуту красовавшаяся своею опрятностью и даже роскошью, потому что владѣтельскія кибитки этимъ особенно отличаются отъ прочихъ, теперь разметана по землѣ и подданные старательно укладываютъ ея остовъ на верблюдовъ, которые съ покорнымъ видомъ преклонили колѣна. Одни разбираютъ кибитки, другіе загоняютъ стада, третіе ловятъ горбатыхъ верблюдовъ и затягиваютъ на нихъ веревками грузныя ноши, четвертые запрягаютъ своихъ малорослыхъ лошадокъ въ двухъколесныя телѣги, гдѣ помѣстятся дѣти Ноина и мѣсто, за минуту населенное и довольно похожее на деревню, теперь сдѣлалось обнаженною, голою степью, гдѣ даже путешественникъ не имѣетъ удовольствія полюбоваться саженною травою, выщипанною стадами. Но вотъ караванъ тронулся. — Всадникъ

на лошади везетъ владѣльческую пику и открываетъ процессію; за нимъ тянется семейство *Ноина* на лошадяхъ и въ двухъколесныхъ телѣгахъ, къ оглоблямъ которыхъ привязаны коробы въ видѣ колыбелей, закрытые со всѣхъ сторонъ войлоками и въ которыхъ лежатъ самыя меньшія дѣти; а это что везутъ въ ящикахъ на этихъ бѣлыхъ верблюдахъ? »Священныхъ *Бурхановъ*, отвѣчаетъ намъ *Иджиль* и верблюды, нарочно выбираемые этого цвѣта, пользуются особенными преимуществами, получаютъ лучшее содержаніе, не употребляются ни въ какую работу и уже никто не осмѣливается ихъ убивать.» Счастливые бѣлые верблюды! Ихъ собратья имъ бы очень завидовали, если бы могли разсуждать! Далѣе появляются неуклюжіе бурые верблюды, по обѣимъ бокамъ которыхъ висятъ коробы, гдѣ качаются дѣти простыхъ *Калмыковъ;* старики помѣстясь между вьюками пекутся о безопасности внуковъ и правнуковъ, а молодые люди, какъ мущины такъ и женщины, на лучшихъ

лошадяхъ и въ самыхъ нарядныхъ платьяхъ, хвастаются другъ передъ другомъ своей ловкостью и богатою сбруею, тщательно на этотъ разъ вычищенною. Смотрите какъ мастерски эта молодая женщина въ шелковомъ кафтанѣ, въ желтой съ мѣховымъ околышемъ шапкѣ, изъ подъ которой свисли на грудь длинныя косы, зашитыя въ шелковую матерію, умѣетъ управлять своею малорослою, но очень борзою лошадкою, на которой сбруя блеститъ какъ золото. Молодая наѣздница лукаво посмѣивается надъ мущиною въ богатомъ кафтанѣ, четвероугольной синей шапкѣ также съ мѣховымъ околышемъ, изъ подъ которой виденъ подбритый лобъ и торчитъ коса, заплетенная на затылкѣ, съ усами и безъ бороды; онъ также ловко держится на конѣ, но сопутница его перегоняетъ и смѣется усиліямъ, которыя употребляетъ бѣдный товарищъ, чтобъ ѣхать впереди ея. Все напрасно! Молодая женщина перещеголяла его! Это не рѣдко здѣсь случится видѣть, потому что *Калмычки*

преискусныя наѣздницы, бывъ пріучаемы къ тому съ самыхъ малыхъ лѣтъ. За этою смѣшенною кавалькадою зачернѣлись необозримыя стада, прерываемыя охотниками, скачущими съ *балабанами* (замѣняющими здѣсь соколовъ) и ястребами на рукахъ. Стаи собакъ охраняютъ весь караванъ, то забѣгая въ самый передъ, то тихо слѣдуя за охотниками, то загоняя отставшую овцу. Крикъ верблюдовъ, скрыпъ телѣгъ, крикъ дѣтей, лай собакъ блѣяніе овецъ и ржаніе коней смѣшивается въ какой то неясный, непріятный шумъ; но вотъ караванъ прошелъ и Иджиль опять приглашаетъ насъ въ свою кибитку, къ тому же чай готовъ, *Элгеня* влила въ него молока изъ этого кожаннаго мѣшка, положила горсть соли и когда напитокъ порядочно вскипѣлъ разлила его по деревяннымъ чашкамъ. Вижу, что вамъ не очень то хочется пробовать кушанья столь неопрятно приготовленнаго, но неужели вы захотите обидѣть добрыхъ хозяевъ, такъ радушно васъ угощающихъ? Хотя отвѣ-

дайте. Вамъ не нравится? А *Калмыки* считаютъ кирпичный чай за очень лакомую пищу и не всѣ изъ нихъ въ состояніи его пить. Впрочемъ онъ точно чрезвычайно питателенъ и можетъ очень хорошо замѣнить нашъ бульонъ. Но нашъ разскащикъ *Иджиль* насъ ожидаетъ. »Разсказывай добрый человѣкъ, мы тебя слушаемъ.» »Мы дѣлимся на 9 *улусовъ*, а улусомъ называются нѣсколько *хотоновъ*... да вамъ и это непонятно: хотонъ означаетъ нѣсколько кибитокъ, стоящихъ вмѣстѣ обыкновенно вокругъ одного колодца, чтобы стада не имѣли недостатка въ водѣ и всѣ такіе то хотоны одного *Калмыцкаго* племени называются улусами и управляются, какъ вы видѣли, *Ноинами* иначе *Цаганъ--Ясакъ* т. е. *бѣлою костью*, потому что мы, *черная кость*, самими *Бурханами* назначена быть у нихъ подъ властью и должна видѣть въ нихъ существа близкія къ нашимъ богамъ. Люди, охранявшіе въ этомъ караванѣ семейство *Ноина*, называются *Зайсангали* и также величаются

бѣлою костью, бывъ всегда столь близки къ Князьямъ. Духовенство же наше иначе *Хувракъ*, не есть потомственный классъ и находится подъ властью *Далай-Ламы* какъ ближайшаго служителя священныхъ *Бурхановъ*. *Ламы* же и *Гелюнги* или жрецы исполняютъ только его волю. Церквей у насъ особенныхъ нѣтъ, но священныя письмена, начертанныя на *Тунгузскомъ* съ примѣсью *Индійскаго* языка, *Бурханы* и всѣ сосуды служащіе при обрядахъ хранятся въ кибиткѣ, расположенной близъ *юрты* владѣльца, куда ни подъ какимъ предлогомъ не впускаются женщины. — Образованіе все наше состоитъ въ искусствѣ ѣздить на лошади, охотиться, да пасти скотъ; другое все у насъ справляютъ жены, которыя даются намъ въ работницы для подмоги, а не для того, чтобы сидѣть только поджавъ ноги да трубку курить. Не хотите ли прогуляться по нашимъ степямъ? «Вы вѣрно согласны принять это предложеніе, милыя дѣти, пойдемте съ добрымъ *Иджилемъ*.

Какая прекрасная здѣсь трава, право я думаю, что всадникъ на конѣ можетъ въ ней легко спрятаться, такъ она густа! Видите ли вдали огонь, пробѣгающій по этому травяному лѣсу? Здѣсь нарочно выжигаютъ траву точно такъ же какъ у насъ лѣса, чтобы не давать ей слишкомъ много разрасчиваться и густѣть. Ахъ! бѣдный малютка! Какъ онъ кричитъ! А мать преспокойно шьетъ себѣ кафтанъ, даже и не примѣчая его крика. Она положивъ его въ ящикъ, зашнуровала, чтобъ не могъ вывалиться и всунула въ ротъ бѣдняжки кусокъ сыраго сала, а болѣе и заботиться объ немъ не хочетъ, говоря, что ей нѣкогда его утѣшать, да убаюкивать и ребенокъ видя, что никто не обращаетъ вниманіе на его плачь, засыпаетъ сося сало. «А затѣмъ этотъ мальчикъ, еще не имѣющій довольно силы, чтобы ходить, привязанъ веревкою къ дереву?« — Для того, чтобы не могъ заползти по глупости въ горячую золу или въ воду; у него нѣтъ вѣдь заботливой нянюшки, кото-

рая бы не сводила съ него глазъ. Какая это процессія къ намъ приближается? А, похороны! Богатыя носилки, покрытыя шелковою матерісю, на которыхъ сидитъ покойникъ, открываютъ шествіе по обѣимъ сторонамъ идетъ духовенство, а сзади толпа родственниковъ, пріятелей и подчиненныхъ. Послѣдуемъ за ними. На ровномъ мѣстѣ вырыта яма, полная дровъ. Носилки опускаютъ въ ровъ, слышится трескъ, пламя съ чернымъ дымомъ вырывается изъ ямы и тѣло умершаго превращается въ прахъ. Быть можетъ завтра или даже сегодня на этомъ мѣстѣ воздвигнется памятникъ, въ которомъ будутъ положены круглыя палочки, сдѣланныя изъ пепла и глины и называемыя *цяця*, быть можетъ завтра памятникъ этотъ покростся приношеніями проѣзжающихъ *Калмыковъ* т. е. кусками мяса, матеріями а иногда просто кастями или камнями, потому что но одинъ степной житель не проѣдитъ мимо такого возвышенія. не оставивъ на немъ хотя чего нибудь потому

что иначе, онъ говоритъ навлечетъ на себя гнѣвъ покойниковъ и никакъ не станутъ жить въ той кибиткѣ, гдѣ кто нибудь умеръ; громъ, молнію и бурю почитаютъ знакомъ величайшаго гнѣва *Бурхановъ;* къ колдуньямъ и колдунамъ имѣютъ чрезвычайную вѣру, прибѣгая къ нимъ при малѣйшей неудачи. Что означаетъ этотъ кусокъ матеріи, повѣшанный на палкѣ въ видѣ флага близь этой кибитки? О, владѣлецъ ея есть счастливѣйшій изъ *Калмыковъ*, отвѣчаетъ намъ нашъ провожатый, теперь онъ не будетъ знать скорби, богатство польется къ нему рѣкою и оспа не изуродуетъ ни однаго изъ членовъ его семейства — онъ удостоился получить отъ *Гелюнга* кусокъ ткани, одаренной властью уничтожать всѣ умыслы злыхъ духовъ. Отъ чего *Иджиль* упомянулъ объ оспѣ съ такимъ страхомъ? Отъ того, мои милыя, что эта болѣзнь, не смотря на всѣ старанія нашего Правительства распространять между *Калмыками* оспопрививаніе, бываетъ здѣсь въ ужасной степени и несчастный, стра-

дающій оспою, нетолько не получаетъ никакихъ пособій, но совершенно бываетъ бросаемъ на произволъ судьбы и многіе умираютъ не столько отъ болѣзни сколько отъ голода. Не то ли самое мы видѣли во время посѣщенія *Солоповъ?* За то другихъ недуговъ они не знаютъ, можетъ быть отъ того, что ведутъ безпечную, спокойную и праздную жизнь.

Въ одномъ мѣстѣ веселятся, а въ другомъ плачутъ! Давно ли мы проводили до могилы тѣло какого то богатаго *Калмыка*, (говорю богатаго, потому что бѣдные, не бывъ въ состояніи приглашать Гелюнговъ, бросаютъ по просту покойника въ воду, кладутъ на деревья или оставляютъ тамъ гдѣ онъ умеръ), а теперь приближаемся къ юртѣ, откуда далеко по степи разносятся пѣсни и *ятгы* (*) по случаю сватьбы. Войдемте и мы. Что это? За что всѣ эти дѣ-

(*) Инструментъ сходный съ гуслями, но имѣющій 7 мѣдныхъ струнъ.

вушки съ такимъ остервененіемъ бросились на молодыхъ *Калмыковъ*, очень неучтиво защищающихся? Это подруги невѣсты, которая сидитъ сзади сражающихся и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ конца борьбы; онѣ защищаютъ дѣвицу отъ нападеній ея жениха и его товарищей, которые силою хотятъ вырвать ее изъ ихъ рукъ. Толчки, кулаки, и удары нагайками сыплются съ обѣихъ сторонъ, защитницы начинаютъ ослабѣвать, женихъ ободряетъ товарищей и вотъ, разорвавъ тѣсную толпу дѣвушекъ, онъ бросается къ невѣстѣ, выноситъ ее на рукахъ изъ избы и въ безпорядкѣ, съ крикомъ посадивъ на лошадь мчится съ нею. . . . . Куда? Въ свою юрту, гдѣ Гелюнгъ уже ожидаетъ ихъ. Послѣдуемъ и мы за побѣдителями. Вотъ кибитка, гдѣ будетъ теперь жить невѣста, кошма, служащая дверью, поднимается и жрецъ взявъ за руки жениха и невѣсту сажаетъ ихъ противъ двери. Но для чего далъ онъ имъ каждому по бараньей кости? Въ знакъ изобилія, которое онъ

призываетъ въ ихъ юрту. Церемонія уже кончена, они обвѣнчаны и теперь начинается пиръ. Вотъ всѣ мущины затянули пѣсню, которой унылый напѣвъ скорѣе изображаетъ грустъ чѣмъ веселіе, дѣвушки имъ вторятъ звуча струнами ятги и побрякивая балалайкою; это единственные инструменты, которые здѣсь извѣстные и употребленіемъ которыхъ занимается предпочтительно женскій полъ, потому что мужской слишкомъ лѣнивъ даже для этого. Мы видѣли кибитку *Калмыковъ* и она намъ дала очень дурное мнѣніе объ опрятности жителей, но нельзя ли заглянуть въ юрту владѣльца, которая, говорятъ, отличается своимъ пріятнымъ видомъ и даже роскошью. Почему нѣтъ; пойдемте. Всѣ эти кибитки, окружающія самую большую, нарядно убранную шелковою матерією и имѣющую передъ дверями вверхъ остріемъ воткнутую пику, принадлежатъ *Ноину* здѣшняго *Улуса*, потому что онъ тѣсно жить не умѣетъ и долженъ имѣть кибитку для своей прислуги, для семей-

ства и наконецъ для самаго себя. Караулъ, оберегающій жилище своего властелина, не хочетъ насъ впустить, но нѣсколько словъ, сказанныхъ нашимъ проводникомъ главному солдату, отворяютъ намъ входъ въ владѣльческую кибитку, внутренность которой совершенно отвѣтствуетъ нарядному убранству наружности. Рѣшетки, кошмы, унины скрыты здѣсь подъ богатыми шелковыми обоями, красиво натянутыми и расположенными. Противъ дверей, также какъ и у *Иджиля*, стоитъ постель, но на ней не навалены кое какъ грязныя кошмы, а порядочно положено хорошее одѣяло и пологъ въ видѣ балдахина осѣняетъ владѣльца во время его сна; стѣны уставлены сундуками, накрытыми кошмами и коврами, а посреди ихъ возвышается разукрашенный столикъ и на немъ множество безобразныхъ *Бурхановъ* съ четырьмя, съ шестью и даже съ восьмью руками, изображающими можетъ быть власть этихъ мнимыхъ божковъ. Земляной полъ устланъ кошмами и коврами

и на самой серединѣ пылаетъ костеръ для раскуриванія трубокъ. Ружья, сѣдла и богатыя сбруи блестятъ вдоль шелковыхъ стѣнъ. *Даржа*, владѣлецъ кт, которому мы пришли въ гости, въ глубокомъ молчаніи сидитъ на богатомъ коврѣ, поджавъ ноги и выпуская густыя табачныя облака изъ небольшой короткой трубки. На немъ шелковый кафтанъ шитый золотомъ, красные сапоги на высокихъ каблукахъ скрыты подъ широкою одеждою; золотая серьга блеститъ въ одномъ ухѣ и длинные усы, расходясь надъ толстыми губами, свились на подбородкѣ; вообще вся его физіономія представляетъ смѣсь *Китайскаго* съ *Манжурскимъ* и *Даржа*, имѣя ужасно выдавшіяся скулы, чрезвычайно широкой и приплющенный носъ и очень бѣлые зубы, считается первымъ *Калмыцкимъ* красавцемъ, хотя у насъ онъ почитался бы самымъ дурнымъ мущиною. Не смотря на этотъ совершенный недостатокъ въ красотѣ *Даржа* имѣетъ добрыя черты, располагающія каждаго

въ его пользу. Нѣсколько пріятелей, одѣтыхъ также очень богато, окружаютъ Князя, но никто ничего не говоритъ, бывъ занятъ кто трубкой, кто перебираніемъ четокъ, а кто увлеченный природною страстью ко сну, оставивъ чашку *арьки* (*), склонился на близъ стоящій сундукъ и сладко задремалъ, забывъ даже, что онъ не у себя дома. Когда мы вошли, то *Даржа* всталъ, привѣтливо къ намъ подошелъ и тотчасъ предложилъ свою любимую *арьку;* однако намъ совсѣмъ не хочется пробовать этого напитка, котораго по его вкусу очень хорошъ, но намъ вѣрно не понравится; объяснивъ причину нашего прихода, *Даржа* поспѣшилъ удовлетворить дорогихъ гостей, показывая намъ свое жилище и стараясь занять сколько можно. Одинъ изъ *Зайсанговъ* пришелъ объявить Князю, что лошадь его готова и что охотники ожидаютъ своего властелина, —

(*) Крѣпкой напитокъ, изъ молока приготовляемый.

Жирная, небольшая, но съ огнемъ въ въ глазахъ лошадка, грызя повода и омывая бѣлою пѣною золотистую сбрую, стоитъ у дверей кибитки, стараясь вырваться изъ сильныхъ рукъ конюшаго и взлетая на дыбы при свистѣ нагайки; множество собакъ грѣются на солнцѣ или смирно окружаютъ охотниковъ, какъ бы ожидая веселаго пира. Лошади нетерпѣливо роютъ землю, а ястребы и балабаны клюютъ руки, на которыхъ удерживаютъ ихъ неумолимыя цѣпи, какъ будто хотятъ спросить: скоро ли придетъ наша очередь полетать на свободѣ подъ голубымъ небомъ? Но вотъ *Даржа* въ богатой шапкѣ вышитой золотомъ съ мѣховымъ околышемъ вышелъ изъ кибитки сопровождаемый друзьями, изъ которыхъ многіе протираютъ глаза со сна, прерваннаго столь неожиданно. Смотрите какъ не ловко ходитъ *Даржа*, право можно подумать, что онъ впервый разъ становится на ноги, столько онъ кажется слабъ и неловокъ, но вотъ уже онъ и на лошади.

Какая разница въ осанкѣ! Прямо, гордо держится онъ на конѣ, красующемся подъ нимъ; одною рукою небрежно поддерживаетъ повода, другою рукою дразнитъ балабана, прикованнаго золотою цѣпью; богатое ружье виситъ на ремнѣ и нагайка заткнута за поясомъ. Наѣздникъ ударилъ каблуками въ бока лошади и она, поднявъ голову и вытянувъ шею, понеслась по гладкой дорогѣ, поднявъ пыль столбомъ. За нею помчалась вся кавалькада. Славно ѣздятъ *Калмыки!* Вотъ изчезли за горою и только эхо доноситъ до нашего слуха лай нетерпеливыхъ собакъ, забѣгающихъ, то впередъ, то назадъ лошадей. Прощай добрый, гостепріимный народъ, пора намъ оставить твои степи и переселиться въ шумные, дѣятельные города. Но и тамъ встрѣтимъ мы не разъ твои караваны, еще успѣемъ погостить у твоихъ добродушныхъ собратьевъ, вѣдь и *Астраханская губернія* и *Донская земля* служатъ тебѣ мѣстами кочеванія. Неси насъ голубая Волга, къ тѣмъ берегамъ, на ко-

торыхъ стоитъ *Саратовъ*, гдѣ тебя покрываютъ грузными судами. Какъ не быть *Саратову* торговымъ городомъ! Онъ лежитъ почти въ центрѣ Россіи, близъ благодѣтельнѣйшей изъ рѣки, которая служитъ ему для собщенія съ первыми торговыми городами нашего отечества, иногда сама собою, а иногда посредствомъ другихъ въ нее впадающихъ рѣкъ, его заваливаютъ товарами со всѣхъ сторонъ и изъ *Вятки* и изъ *Сибири*, и изъ *Сарепты* и изъ земли *Киргизовъ*, а природа то сама не способствуетъ ли къ его цвѣтущему состоянію? Не наполнила ли она его рѣки множествомъ рыбы лучшихъ сортовъ? Не покрыла ли *Саратовскія* окрестности солеными озерами? Не произрастила ли эту прекрасную сочную травку, чтобы привлечь сюда *Калмыковъ*, которые торгуютъ своими стадами—въ *Саратовъ*? Трудно ли послѣ этого, что *Саратовъ* вѣчно полонъ торгующихся гостей, что суда его плаваютъ и по *Черному морю* и въ *Таганрогъ* и по *Дону* и въ *Сибирь*? Онъ

есть, такъ сказать, рынокъ Россіи, на который стремится каждый. Его можно сравнить съ лавкою, которую купецъ не хотѣлъ завести въ многолюдной и полной уже подобныхъ лавокъ улицѣ, но удалился туда, гдѣ его торга никто не можетъ перебить и гдѣ всякой узнавъ о появленіи лавки, въ которой можетъ закупить все себѣ нужное, не идя для этого слишкомъ далеко, будетъ спѣшить къ благоразумному купцу и торговля его процвѣтетъ. — Какъ хорошъ видъ съ *Волги* на городъ! Широкая синеватая лента вьется между правильными улицами, отражая въ своей поверхности золотые куполы церквей, большіе сады и прекрасныя зданія, то носящіе отпечатокъ новѣйшаго вкуса и какой то роскоши, то показывающіе, что они созданы для одной торговли, а о великолѣпіи своемъ вовсе не заботятся; далѣе она омываетъ каменистыя подошвы синеватыхъ горъ, обсаженныхъ лѣсами, нависшими надъ рѣкою, потомъ вдругъ пробѣгаетъ по обширной степи, жилищу

Каллыкосъ, и теряется въ отдаленности. Берега ея покрыты суетящимся народомъ; челноки, барки, параходы, досчаники тянутся, летаютъ, плаваютъ взадъ и впередъ по ея зеркалу. Тамъ нѣсколько мужичковъ, перекрестясь, потянули бичевую, здѣсь барочники вонзаютъ острые багры въ высокій берегъ и останавливаютъ купеческое судно, нагруженное пшеницею, далѣе *Калмыки* везутъ множество скота, а вонъ вдали задымился параходъ—новое явленіе, не виданное путешественникомъ уже очень давно. Что за дѣятельность въ *Саратовѣ*, куда не загляни, вездѣ толкуютъ о торговлѣ, но за то общественнаго образованія здѣсь совсѣмъ не знаютъ, и городъ этотъ, ставшій на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ мануфактуромъ отношеніи, очень отсталъ отъ просвѣщенія своихъ товарищей, занимаясь все только однимъ, любимымъ предметомъ—торговлею. Однако *Макарьевская*, что нынѣ *Нижегородская* ярмарка снабжаетъ его Русскими книгами; иностранныхъ же почти совсѣмъ нѣтъ. Какое

это строеніе передъ нами? Соборъ. Какъ? Это некрасивое, четвероугольное, съ однимъ куполомъ зданіе называется Соборомъ? Да въ этой церкви должно быть зимою очень холодно. По этому тогда служатъ въ погребахъ храма, отвѣчаютъ намъ. Нѣтъ, эта архитектура не дѣлаетъ чести зодчему и мы взглянули на Соборъ только мимоходомъ. Главное, что обращаетъ наше вниманіе въ *Саратовѣ*, есть безъ сомнѣнія его обширная торговля какъ сухопутная такъ барочная и мы съ величайшимъ удовольствіемъ смотримъ на его шумный и богатый *Гостиный* дворъ, на суетящуюся и вѣчно полную трудолюбивымъ народомъ гавань и вообще на оборотливый и дѣятельный характеръ города. *Нѣмецкія колоніи*, окружающія *Саратовъ*, очень много способствуютъ его торговлѣ, разводя множество картофеля и табаку. Какая чистота царствуетъ въ этихъ селеніяхъ! Право мило смотрѣть. Брусчатые домики съ магазинами и тесовыми кровлями такъ опрятны; а садики съ какимъ ста-

раніемъ содержаны! Огороды обнесены заборами и доставляютъ *Саратоскимъ* фабрикамъ во множествѣ выше упомянутыя растенія; да вообще эти Нѣмецкія деревни очень красиво расположены по *Волгѣ* и напоминаютъ намъ селенія Германскія своею правильностью и чистотою. Нѣмцы престарательные колонисты, они какъ муравьи капошатся на своихъ поляхъ, обработанныхъ очень тщательно и весною нанимаютъ себѣ въ помощники Русскихъ батраковъ, которые и уходятъ осенью. По всей дорогѣ Саратовской Губерніи мы встрѣчаемъ безпрестанно на необозримыхъ степяхъ какіе то курганы, какъ будто насыпанные кѣмъ нибудь. Многіе полагаютъ до сихъ поръ, что здѣсь погребены тѣла *Татаръ Золотой Орды*, убитыхъ во время нападенія на Россію, но это навѣрно неизвѣстно. — Вы давно жалуетесь на жажду и съ нетерпѣніемъ ожидаете встрѣчи съ какимъ нибудь *Калмыцкимъ* хотономъ, чтобы напиться, но зачѣмъ искать такъ долго, когда во-

да передъ вами. Гдѣ же? Видите ли этотъ хребетъ постепенно возвышающихся холмовъ, между которыми лежатъ влажныя долины, покрытыя кустарниками, травою и кое гдѣ деревьями? Покопайте не много землю на этихъ долинахъ и вамъ представится чистѣйшая и самая свѣжая вода.—Вы утолили вашу жажду, теперъ скажите знаете ли, гдѣ вы находитесь? На *Рынъ-пескахъ*, этомъ знаменитомъ урочищѣ, про которое вѣрно вы не разъ слыхали. Оно получило свое названіе отъ *Калмыцкаго* слова *Нарынъ* т. е. узкій песокъ, но Русскіе уже переименовали его въ *Рынъ - пески* и это имя сохранилось имъ до сихъ поръ. Мѣсто это состоитъ изъ большихъ, покрытыхъ зеленью песчаныхъ глыбъ, возвышающихся на сухой, соленой и глинистой степи, вокругъ которой стоятъ высокіе наносные холмы и изрѣдка виднѣются довольно большія горы. Здѣсь множество солончаковъ и соляныхъ топей такъ что, по словамъ многихъ наблюдателей, эта песчаная степь

совершенно неспособна къ обработыванію. Однако отъ чего же столь дурная, по ихъ мнѣнію, земля могла произрастить такія сочныя травы, былія и кустарники? Отвѣчаютъ, что это происходитъ отъ множества ключей, находящихся подъ землею и поддерживающихъ растительную силу, такъ пускай попробовали бы засѣять этотъ участокъ земли, авось либо сѣмена вышли бы съ помощью внутренней воды. Попытка не шутка, а спросъ не бѣда! Издали какъ мы увидѣли здѣшнюю траву такъ почли ее за лѣсъ, такъ она высока, а какія деревья возвышаются изъ ея середины? Это дикія маслины, не приносящія столько пользы, сколько удивляющія своею рѣдкостью. — Зачѣмъ такъ гоняютъ этихъ лошадей, привязанныхъ одна сзади другой? Онѣ молотятъ пшеницу. Здѣшнія лошади, Киргизской породы, совсѣмъ не красивы, худощавы, малы, но вовсе не прихотливы, потому что всю зиму не знаютъ другаго корма какъ подножный т. е. тотъ, кото-

рый онѣ копытами вырываютъ изъ подъ снѣга и къ тому же чрезвычайно крѣпки, почему и употребляются въ молотьбѣ пшеницы; вотъ какъ это дѣлается: выбирается самая здоровая лошадь, которой за узду привязываютъ веревку; съ другой стороны за шею къ ней прицѣпляютъ другую, къ этой третью и такъ далѣе. Когда лошади такъ связаны, то человѣкъ беретъ за узду первую изъ нихъ и вставъ середи тока, устланнаго снопами, погоняетъ ее кругообразно; прочія ея подруги слѣдуютъ за нею. Видите ли какъ веревка завертывается вокругъ тока? Вотъ передняя лошадь дошла до самаго конца; крестьянинъ оборачиваетъ ее въ другую сторону и веревка развертывается тѣмъ же самымъ порядкомъ. Способъ такой молотьбы еще получилъ начало у древняго Римскаго народа, какъ разсказываетъ преданіе, но вѣдь нельзя всѣмъ разсказамъ вѣрить.—Странно и больно видѣть рѣзкую противуположность Нѣмецкихъ жилищъ и Русскихъ избъ. Въ первыхъ чис-

тота царствуетъ кажется во всякомъ уголкѣ, во вторыхъ, не смотря на безбѣдное состояніе мужиковъ, видна неопрятность, столь часто, увы, встрѣчаемая у нашихъ крестьянъ. Прежде чѣмъ посѣщать въ *Калышкинѣ* магазины, устроенные для складки *Ельтонской соли*, должно знать, что такое называется *Ельтономъ*?—Видите ли это обширное озеро, лежащее посреди пространной степи, и издали при солнечныхъ лучахъ, кажущееся золотистымъ полемъ? Это то и есть *Ельтонское озеро*, источникъ большаго и неисчерпаемаго богатства для Россіи, надѣляющій ея бо́льшую часть своимъ произведеніемъ, необходимымъ въ жизни человѣка — солью. Испаренія, поднимающіяся со дна этого озера, наполняютъ воздухъ сыростью и непріятнымъ запахомъ и вообще вода всѣхъ восьми рѣкъ, втекающихъ въ *Ельтонъ*, отличается купоросным, квасцовымъ и соляным вкусомъ; эти то воды, наполняя все пространство, оставляютъ на днѣ осадку, содержащихся въ нихъ ча-

стицъ которыя густѣютъ, слипаются и образуютъ такъ называемый *тузлукъ*, падающій внизъ въ видѣ кристалловъ или очень твердыхъ череповъ соли; но эта соль не можетъ быть употребляема въ пищу, а настоящая Ельтонская поваренная крѣпка, ледяниста, темносиняго цвѣта, не горька и находится обыкновенно на западной сторонѣ озера, между двумя небольшими рѣчками. Хотите ли видѣть разработку соли? Пойдемте. Вотъ плоскодонныя суда называемыя здѣсь *дощениками*, выплываютъ на середину озера, множество работниковъ сидятъ на нихъ, ожидая мѣста, гдѣ бы удобно можно было начать ломку слоевъ. Что они дѣлаютъ? Ай, ай! Крестьяне вышли изъ судовъ и бросились въ воду, да они потонутъ; озеро такое широкое, никто не придетъ къ нимъ и на помощь. Не бойтесь, мои милыя, *Ельтонъ* такъ мелко, что эти люди могутъ преспокойно гулять по его дну; посмотрите сами: вошедъ въ воду они лопатами принялись разбивать слои соли и

между тѣмъ какъ одни разбиваютъ, другіе захватываютъ желѣзными лопатами отбитые куски, а третіи относятъ въ досчаникъ, на которомъ скоро возвышаются соляныя горы. Разбиваніе кончено, люди входятъ въ судно и начинается новая работа, а именно раздробленіе слишкомъ большихъ кусковъ и промываніе соли. Досчаники причалили къ берегу, но не думайте, чтобы все было кончено и что въ такомъ видѣ *Калышинскіе* магазины разошлютъ соль по *Тульской*, *Тамбовской*, *Рязанской*, *Нижегородской*, *Казанской* и многимъ другимъ губерніямъ. О нѣтъ, еще много дѣла. Вотъ выгрузивъ соль на берегъ работники опять принимаются ее промывать и очищать отъ всѣхъ лишнихъ частей, потомъ складываютъ кучами и когда она хорошенько высушится на солнцѣ тогда нагрузятъ ею фуры и свезутъ въ магазины, откуда она разойдется по губерніямъ; по домамъ и наконецъ по рукамъ поваровъ. — Разработкою этого вещества занимаются здѣсь чрезвы-

чайно много и всѣ крестьяне, живущіе отъ *Саратова* до *Камышина*, упражняются въ этой работѣ, но такъ какъ было еще слишкомъ мало людей, то съ 1803 года къ нимъ прибавлено нѣсколько семействъ, такъ что теперь число работниковъ, кромѣ наемныхъ, доходитъ до 20,000 человѣкъ. Вотъ и *Царицынъ* дѣятельный, торговый городокъ при *Волгѣ*; онъ очень много пострадалъ отъ грабежа разбойника Пугачева, но въ немъ есть остатки болѣе драгоцѣнные по своему воспоминанію для сердца Русскаго, а именно: картузъ и палка Петра I.—Этотъ картузъ служилъ можетъ быть Царю въ то время, когда онъ, выпедъ изъ Сената, гдѣ рѣшалъ самыя затруднительныя дѣла, бѣжалъ домой кушать *утку съ луковъ*, его любимое купанье, на дорогѣ заходилъ въ полуразвалившійся домикъ узнать о здоровьѣ бѣднаго каменьщика, которому онъ вчера пустилъ кровь и уставъ отъ такой дѣятельности, останавливался минуты на двѣ у своего любимца, Кня-

Меньщикова, выпить рюмку анисовой водки для подкрѣпленія силъ. А этою палкою, извѣстною подъ названіемъ *пива*, Петръ не разъ наказывалъ несправедливаго утѣснителя и защищалъ невиннаго бѣдняка; вотъ и надпись: *Бейте ею непріятелей какъ я билъ пріятелей.*—Какой городъ окруженъ этимъ *Калмыцкимъ* лагеремъ? А, это хорошенькая *Сарепта*, нѣмецкій городокъ, мѣстопребываніе братьевъ *Гернгутеровъ*, которые, руководимые Христіанскимъ духомъ, вышли изъ *Германіи*, покинули родныя поля и долины, чтобъ замѣнить ихъ безлюднымъ, безплоднымъ съ суровымъ климатомъ пространствомъ, заселеннымъ дикими идолопоклонниками. Ихъ встрѣтили опасности и труды, но они этого то и искали, въ такихъ то мѣстахъ порывались они водрузить крестъ Христіанскій и не взирая на безпокойныхъ сосѣдей *Киргизовъ* и *Калмыковъ* поселились въ двухъ верстахъ отъ *Волги* близъ рѣчки *Сарпы*. Вотъ происхожденія этого торговаго, красиваго городка. Можно ли повѣрить, что онъ возникъ

посреди степи и болоть, въ суровомъ климатѣ, на почвѣ чрезвычайно небла годарной, которая долгое время не хотѣла вознаграждать стараній трудолюбивыхъ поселенцевъ. Нѣмцы, народъ очень старательный и терпѣливый, а потому и явились у нихъ хорошенькіе садики съ яблонями, грушами, виноградомъ и грецкими орѣхами; зеленѣющіе огороды съ табакомъ и картофелемъ окружили чистенькіе домики такъ что теперь и узнать нельзя въ этой прелестной игрушкѣ, степнаго дикаго пространства. Этотъ городокъ съ своими добрыми, союзными жителями, съ чистотою зданій, съ нарядною простотою булеваровъ, шоссе, фонтановъ, обсаженныхъ ровно хорошими деревьями, съ своимъ истинно Христіанскимъ духомъ и съ своею промышленностью пріятно и совсѣмъ неожиданно радуетъ взоръ путешественника, изнуреннаго видомъ *Калмыцкихъ* улусовъ и голыхъ, нѣмыхъ степей; онъ не разъ отъ души скажетъ спасибо добрымъ *Гернгутеромъ* за трудъ,

ими предпринятый. Войдемте въ этотъ деревянный домикъ въ 2 этажа, выштукатуренный и внутри и снаружи, крытый желѣзомъ и осѣненный тѣнистыми тополями. Не воображаете ли вы, что находитесь въ Германіи? Это гладкое шоссе съ каналами и тротуарами, обсаженными деревьями, эти чистыя лавочки съ свѣтлыми окнами, на которыя спускаются длиннолиственныя раины, не переносятъ ли васъ воображеніемъ на тихія воды Одера и на зеленые берега Рейна. Войдемте въ комнаты. Все уютно, мило, опрятно. Солнце весело играетъ на чистомъ полу, разбрасывая лучи свои по стульямъ, по столамъ, по шкапикамъ краснаго дерева, вылакированнаго какъ зеркало и упавъ на душистые цвѣты, уставленные на окнахъ, заставляетъ ихъ, распускаясь, клониться къ стеклу, какъ бы требуя воздуха, который такъ пріятно освѣжаетъ ихъ сосѣдей, — тополей. Отворивъ дверь мы услышали звуки фортепіано, вылетающіе изъ комнаты и первый предметъ, бросившійся

намъ въ глаза, былъ—достойная зависти семейственная картина: отецъ, глава всего дома, засучивъ рукава, разъигрываетъ сонату *Моцарта* въ четыре руки съ миловидною дѣвушкою лѣтъ шестнадцати: своею дочерью доброю *Бертою*. У окна, жена его шьетъ бѣлье, окруженная тремя дочерьми, изъ которыхъ каждая чѣмъ нибудь занята: одна вяжетъ кошелекъ, другая вышиваетъ по атласу, третья точетъ кружева. При входѣ нашемъ музыка умолкла и хозяинъ, вставъ изъ за фортепіано, дружески подалъ намъ руку, прося простить безпорядокъ, въ которомъ видимъ его жилище: добрый Нѣмецъ называетъ безпорядкомъ нѣсколько обрѣзковъ атласа, упавшихъ изъ подъ ножницъ на полъ. Куда же дѣлась хозяюшка? Она пошла прибавить кое что къ обѣду, которымъ хочетъ насъ попотчивать и который приготовляетъ сама, потому что здѣсь ни въ одномъ домѣ вы не найдете служанокъ. По словамъ *Гернгутеровъ* это роскошь. Знаете ли кто владѣтель этого хорошенька-

го домика? Простой мельникъ, за минуту моловшій муку на близъ стоящей мельницѣ, а теперь разъигрывающій сонату *Моцарта* съ тою же ловкостью и съ тѣмъ же искуствомъ, съ которымъ онъ сейчасъ приготовлялъ хлѣбный матеріалъ. Какъ не вспомнишь при этомъ видѣ описаніе Г-на *Владиміра Измайлова* города *Сарепты*. Читали ли вы эту прекрасную статью? Ужъ вѣрно не разъ старшіе братцы и сестрицы прочитывали ее въ слухъ. Помните ли, какъ почтенный сочинитель посѣтилъ калашню и только узналъ, куда зашелъ въ гости, по шкапу краснаго дерева, въ которомъ увидѣлъ — хлѣбы вмѣсто ожидаемыхъ имъ книгъ? Помните ли, какъ онъ любовался чистотою и благоустройствомъ *Сарептскихъ* домиковъ и какъ удивился когда хозяинъ одного изъ нихъ, мельникъ, перемѣнивъ свое забѣлѣвшее платье на лучшее, сѣлъ за фортепіано и толстые, кажется вовсе не для музыки, пальцы извлекли пріятнѣйшіе звуки. Не толи случилось и съ нами?

Не попали ли мы въ домъ мельника, не нашли ли его за фортепіано и не были ли столько же удивлены этимъ зрѣлищемъ какъ почтенный путешественникъ? Колонія состоитъ изъ 500 человѣхъ и вездѣ встрѣчается одна простота нравовъ, одинъ радушный пріемъ, одна дѣятельная жизнь.—Видя, что земля не можетъ произрастать хорошія растенія и что на столь безплодной почвѣ трудно заниматься хлѣбопашествомъ, *Гернгутеры* прибѣгли къ промышленности, завели фабрики, начали дѣлать на *братскомъ заводѣ*, гдѣ работаютъ одни мущины, полушелковыя ткани, чулки, свѣчи, разноцвѣтные бумажные колпаки для *Донскихъ* козачекъ, а *сестры* т. е. женскій полъ принялся ткать, вязать, шить, помогая своими трудами мущинамъ и работая всегда для блага общества. Это замѣчательно въ обычаяхъ здѣшнихъ жителей: ни одинъ изъ нихъ не трудился для себя, никто не имѣетъ своего собственнаго, но все хранится въ общей кассѣ, изъ которой каждый по надобности можетъ

брать, отдавая только въ томъ отчетъ Начальнику или *Директору* колоніи.— Такое заведеніе даетъ очень хорошее мнѣніе о честности и трудолюбіи *Гернгутеровъ*. Добрый *Францъ*, хозяинъ нашъ, приглашаетъ гостей своихъ заглянуть въ здѣшній храмъ Божій, гдѣ теперь идетъ служба. Вотъ здѣсь, въ этомъ домикѣ, отличающемся отъ прочихъ домовъ только небольшою башенькою съ часами на крышѣ, молятся колонисты. Какая простота снаружи какъ внутри! Только одинъ образъ Спасителя виситъ въ цѣлой церкви и болѣе нѣтъ никакихъ украшеній. Но Богъ не требуетъ роскоши: ему нужна искренняя молитва, а не пышность. — Внизу расположились мущины, а вверху женщины. Какая благопристойность и тишина царствуютъ въ храмѣ, не слышится ни малѣйшаго шороха, всѣ молчатъ, только раздается громкій голосъ чтеца, ясно читающаго главы изъ священнаго Писанія. Онъ умолкъ на минуту и пріятный хоръ женщинъ замѣнилъ его. Какое согласіе и

благозвучіе въ пѣніи! Какая Ангельская гармонія! Добрые *Гернгутеры!* какъ очарователенъ вашъ образъ жизни, какъ достойна зависти простота вашихъ нравовъ. Здѣсь праздность неизвѣстна и каждая минута посвящена какимъ нибудь занятіямъ: одни работаютъ на фабрикахъ, другіе поправляютъ подземныя трубы, посредствомъ которыхъ вода проходитъ изъ фонтановъ во всѣ кухни, третіи относятъ на суда, отправляющіяся въ *Саратовъ*, ящики, полные банокъ съ горчицею, столь много употребляемою во всей Россіи, коробы полные, бумажхыхъ и шерстянныхъ матерій, табаку, пряниковъ; четвертые трудятся надъ часами и разными машинами, которыя бывъ готовы поплывутъ по *Дону* и *Волги*, пятые пекутся о нуждающихся братьхъ, которыхъ старость или недугъ лишили способовъ собственными руками пропитать себя: но они въ свое время трудились и теперь ихъ товарищи, наслаждающіеся всѣми благами, поставляютъ себѣ въ обязанность беречь ихъ то

надѣляя избыткомъ своей промышленности, то прилагая возможныя попеченія объ ихъ здоровьѣ. *Гернгутеры* умѣли съ пользою употребить сосѣдство свое съ *Калмыками*, которыхъ они нанимаютъ за весьма умѣренную плату для всякихъ работъ. Въ недальнемъ разстояніи отсюда находится минеральный ключь, который прежде былъ очень много посѣщаемъ, но съ тѣхъ поръ какъ открылось удобное сообщеніе съ *Кавказомъ*, всѣ пользовавшіеся начали ѣздить въ *Пятигорскъ* такъ, что скоро *Царицынскія воды* совершенно были забыты и теперь самые *Колонисты* ѣздятъ на *Кавказъ*, хотя тамошняя дорога очень непріятна потому, что идетъ вдоль *Калмыцкой*, на которой ничего не найдешь и водой должно запасаться. Теперь намъ на нѣкоторое время должно проститься съ *Калмыцкими* степями и, поднявшись вверхъ по *Волгѣ*, поворотить на лѣво, а потомъ мы уже и очутимся въ *Тамбовской губерніи*. Досчаникъ, на которомъ мы отправимся, готовъ, *Кал-*

лыки, управляющіе имъ, ожидаютъ только нѣсколькихъ *Колонистовъ*, отправляющихся въ *Саратовъ*; да вотъ и они; весла ударили по *Волгѣ* и наше плоское судно разомъ отлетѣло отъ *Сарепты*, только издали синѣютъ еще кое гдѣ горы, кресты *Астраханскихъ* церквей блестятъ въ отдаленіи и городъ, напоминающій видомъ *Московскій Кремль*, потонулъ въ голубыхъ волнахъ. — Скучная дорога! но она сдѣлается еще скучнѣе когда должно будетъ ѣхать сухимъ путемъ, потому что нѣкоторое разстояніе мы будемъ тащиться на дурныхъ лошадяхъ и на козлахъ, вмѣсто ямщика, видѣть лѣниваго, соннаго *Калмыка*. Насилу то доѣхали мы до Русской станціи! Господинъ смотритель, отпусти намъ пожалуйста хорошенькую шестерку, вотъ наша подорожная! И станціонный дворъ покрылся ямщиками, которые схвативъ палку, по ней хотятъ узнать, кому жребій назначилъ съ нами ѣхать. Кулакъ молодаго парня въ синемъ кафтанѣ очутился на самомъ верху палки; а это

значитъ, что ему вышло съ нами ѣхать и онъ схвативъ шапку побѣжалъ за лошадьми, вывелъ порядочную тройку и вотъ мы уже мчимся по дорогѣ къ *Тамбову* подъ звуками веселой Русской пѣсни, насвистываемой ямщикомъ.— *Тамбовъ* былъ построенъ въ XVII столѣтіи для того, чтобы служить защитою противъ *Ногайцевъ*, но теперь въ немъ не осталось ни укрѣпленій, ни какихъ примѣчательныхъ зданій, одинъ соборъ *Казанской* Божьей Матери возвышаетъ свои деревянныя колокольни надъ другими строеніями, да суконная фабрика и нѣсколько каменныхъ казенныхъ заведеній украшаютъ немного городъ, впрочемъ не имѣющій ничего примѣчательнаго.— Много городовъ проѣдишь, но ничто въ нихъ не обратитъ особаго нашего вниманія и потому поспѣшимъ въ многолюдный городокъ *Липецкъ* и отвѣдаемъ его минеральныхъ водъ. Исторія *Липецка* основывается на преданіи, относящемся ко временамъ Петра Великаго, перваго испробовавшаго эти воды. Вотъ

въ чемъ дѣло: нѣкогда жила здѣсь одна боярыня *Горѣлова* (тогда минеральный ключь еще не былъ извѣстенъ), у которой было двѣ воспитанницы, именъ ихъ, право, не помню, назовемъ ихъ, одну *Евдокіей*, такъ какъ она названа въ статьѣ, изъ которой я извлекаю эти подробности, а другую—ну хотя *Пелагеей*, боярыня *Горѣлова* нѣжно любила ихъ обѣихъ и не имѣя дѣтей старалась устроить какъ можно лучше ихъ благополучіе. Но старшая изъ двухъ дѣвушекъ, *Евдокія* была характера завистливаго и разъ осердясь за что то на свою бѣдную подругу, можетъ быть вообразивъ, что благодѣтельница ихъ предпочитала ей ее, потому что зависть видитъ очень часто то, чего никогда не бывало, рѣшилась во что бы то не стало, отомстить невинной дѣвушкѣ, не подозрѣвавшей ни мало злаго умысла *Евдокіи*. Скоро представился удобный случай для мстительности послѣдней. Однажды все семейство сидѣло около чайнаго стола; *Пелагея* должна была разливать. Самоваръ заки-

пѣлъ и молодая хозяйка подставивъ чайникъ подъ кранъ, отворила его..... о! ужасъ! Изъ самовара хлынула черная вода. *Евдокія* первая замѣтила эту странность и поспѣшила разгласить, что *Пелагея*, эта дѣвушка, которую боярыня *Горѣлова* такъ любила, о которой имѣла столь нѣжныя попеченія, не извѣстно по какимъ причинамъ рѣшилась ее отравить. Началось слѣдствіе. Все было противъ обвиняемой и бѣдняжка полумертвая отъ страха при видѣ ужасныхъ орудій пытки, которой ее хотѣли подвергнуть, потерявъ совершенно разсудокъ отъ столь неожиданнаго обвиненія призналась—что у ней точно было намѣреніе отравить свою благодѣтельницу, но произнеся эту ложь на себя она упала безъ чувствъ на полъ въ глазахъ всѣхъ судей. Перенеся терпѣливо постыдное наказаніе, назначенное за ея мнимое преступленіе, она сослана была въ *Сибирь*, гдѣ исполняла всѣ тяжкія работы ссылочныхъ. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого произшествія и слухъ объ

немъ совершенно умолкъ. Но Провидѣніе не хотѣло оставить въ забытьѣ дѣло, гдѣ страдала невинность и торжествовалъ порокъ: Петръ, обозрѣвая свои владѣнія и проѣзжая къ бывшему здѣсь чугунному заводу, замѣтилъ въ одномъ кустарникѣ ключь чистѣйшей, студеной воды. Имѣя обыкновеніе объяснять все, что ему казалось страннымъ, онъ отвѣдалъ воды и къ величайшему своему удовольствію нашелъ въ ней совершенное сходство во вкусѣ съ тою водою, которую пилъ въ чужихъ краяхъ для здоровья и которой, до сихъ поръ не могъ отыскать въ своемъ отечествѣ. Начались опыты; увидѣли, что бывъ сварена вода *Липецкая* принимала совсѣмъ черный цвѣтъ, но что вкуса желѣзныхъ и сѣрныхъ частицъ не теряла; Петръ захотѣлъ ее пить и почувствовалъ чрезвычайную пользу, тогда приглашены были лучшіе доктора и всѣ нашли, что это ключь очень цѣлительной, минеральной воды. Тутъ возобновились толки о произшествіи съ *Пелагеей* и дошедъ до Царя нашли въ

немъ старательнаго изслѣдователя, рѣшившагося обнаружить истину. Случай помогъ доброму Государю: *Евдокія* сдѣлалась при смерти больна и тревожимая голосомъ своей совѣсти, открыла тайну духовнику своему при послѣднемъ издыханіи. Священникъ поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ *Петра* и *Пелагеи*, уже не надѣявшаяся возвратиться на милую родину, вдругъ получаетъ извѣстіе, что невинность ея узнана и что награда ожидаетъ бѣдную страдалицу. Но возвратясь изъ ссылки, она упала предъ Царемъ на колѣна и умоляла Его позволить ей удалиться отъ свѣта, злобу котораго она такъ тяжко испытала. Государь не противился ея волѣ и *Пелагея* черезъ нѣсколько времени умерла въ монастырѣ, гдѣ была пострижена въ монахини. Вотъ повѣсть, можетъ быть, украшенная многими вымыслами, но служащая основаніемъ открытія здѣшнихъ водъ, которыхъ польза узнана теперь по тысячамъ опытовъ.

Лѣтомъ *Липецкъ* дѣлается сборищемъ и здоровыхъ и больныхъ. Каждый стремится подышать его чистымъ, ароматнымъ воздухомъ, погулять въ его цвѣтущихъ, прекрасныхъ садахъ и возвратясь въ столицу сказать: я былъ въ *Липецкѣ* и сознаюсь съ Княземъ *Шаховскимъ*, что:

Липецкъ рай земной!

Взгляните на его приличное мѣстоположеніе посреди живописной долины, орошаемой быстрою *Липовкою*, взгляните на озеро, стелющееся, какъ чистое зеркало между высокими горами, являющимися то дикими утесами, то покрытыми кустарниками, послушайте шумъ этого множества ключей, бьющихъ изъ разсѣлинъ, омывая подошву бѣлою пѣною, и вы скажете: какъ хорошъ *Липецкъ!* Но не одно романическое, очаровательное мѣстоположеніе привлекаетъ сюда такое множество посѣтителей, нѣтъ, эти кислосѣрныя, столь невкусныя воды манятъ какъ магнитъ всѣхъ больныхъ. Посмотрите, какъ много народа въ этомъ зданіи, вы-

строенномъ въ видѣ храма, съ краснымъ куполомъ; солдатъ, съ длиннымъ ковшемъ въ рукѣ, черпаетъ воду изъ колодезя, находящагося внутри строенія; подайте вашъ стаканъ. Вотъ онъ и полонъ прозрачной, студеной воды. Вы морщитесь, вамъ противенъ ея чернильный и желѣзный вкусъ, а какъ же многіе изъ пользующихся пьютъ до 8 стакановъ въ день. Садъ, принадлежащій къ водамъ, мало по малу наполняется гуляющими, вотъ ужъ всѣ дорожки запестрѣлись народомъ, сядемте на этой скамейкѣ и начнемъ разборъ посѣтителей: къ намъ на встрѣчу, опираясь на молодую дѣвушку, идетъ старушка, которой неровный шагъ ясно показываетъ чрезвычайную слабость. Что я вижу? Это *Г-жа Н.*, всегдашняя жительница Петербурга, страдавшая ужасно несносною ломотою во всемъ тѣлѣ, не позволявшею ей сходить съ постели. А теперь вдругъ она разхаживаетъ, хотя и слабо, по здѣшнему саду. Какова *Липецкая* вода! Недалеко отъ нея двое молодыхъ людей сопрово-

ждаютъ даму среднихъ лѣтъ. Ни на одномъ изъ этихъ лицъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда болѣзни и я увѣренъ, что они заѣхали въ *Липецкъ* для пріятнаго препровожденія времени. Здѣсь много такихъ посѣтителей потому, что воздухъ, общество, мѣстоположеніе хоть кого заманятъ. А вотъ видите ли эту дѣвушку, догоняющую мальчика лѣтъ семи, который употребляетъ всѣ силы, чтобы она не могла его догнать? Эта двоюродная сестра *Надиньки П.*, такъ часто бывающей въ вашихъ маленькихъ обществахъ; она бѣдненькая никогда не могла сопровождать свою *кузину* на эти веселые вечера, потому что судороги одолѣли ею и не покидали ее ни на минуту. Маменька *Полиньки* ужъ истощила всѣ средства къ излѣченію милой дочери и наконецъ ей присовѣтывали свезти ее въ *Липецкъ* и пользовать тамошними водами. Сказано, сдѣлано. Трудно было бѣдной страдалицѣ переносить эту длинную дорогу, но молодость помогла ей; она пріѣхала въ *Липецкъ*, начала пить

воду, дѣлать ванны и взгляните на нее теперь; можно ли узнать въ этой полненькой, краснощеконькой дѣвушкѣ, слабую, худую и блѣдную Полиньку? А вотъ къ намъ приближается почтенный старичокъ, покрытый сѣдинами. Это Генералъ К.... скій; служивъ со славою на бранномъ полѣ и покрытый ранами, свидѣтельствами его храбрости, онъ взялъ отставку, удалился въ деревню, но чувствуя примѣтное ослабленіе въ здоровьѣ рѣшился начать лечиться. Раны его открылись и семейство страшилось уже за жизнь, столь для него драгоцѣнную; Липецкія воды возвратили дѣтямъ отца, а женѣ супруга. Бодрый видъ и всѣ признаки здоровья, замѣчаемые на почтенномъ лицѣ старичка, подтверждаютъ мои слова. Однако солнце начинаетъ скрываться, тучка набѣжала на голубое небо и вѣрно . . . . . да вотъ ужъ и дождь накрапываетъ. Ай, ай! онъ дѣлается сильнѣе. Посмотрите какъ скоро опустѣлъ садъ; куда же спрятались всѣ гуляющіе? Они ходятъ теперь вотъ въ этой пре-

красной галлереѣ, въ которую обыкновенно собираются посѣтители водъ, когда погода дурная, а послѣ принятія воды должно нѣсколько времени непремѣнно ходить. Здѣсь даже бываютъ балы и тогда то *Липецкъ* оживляется еще болѣе: каждый, кажется, забываетъ свою болѣзнь и веселится сколько хочетъ до одиннадцати часовъ, потому что позже танцуютъ только 22 Іюля въ день Тезоименитства покойной Государыни Маріи Ѳеодоровны, когда бываетъ обыкновенно во всемъ городѣ очень хорошенькая иллюминація. — Однимъ словомъ лѣто проходитъ въ *Липецкѣ* не примѣтно и посѣтитель, столько одолженный здѣшнимъ водамъ, видя паденіе желтыхъ листьевъ, покрывающихъ дорожки садовъ, не смотря на прилежаніе работничьихъ метелъ, со вздохомъ произноситъ: прощай *Липецкъ!* Ему кажется, что съ возвращеніемъ въ прежнее мѣсто его пребыванія возвратятся къ нему и несносные недуги, уснувшіе только въ прекрасномъ здѣшнемъ кли-

матѣ. Какъ мило обстроенъ этотъ прелестный городокъ! Взгляните на Дворянскую улицу, идущую вдоль по горѣ: какія хорошенькія зданія выглядываютъ изъ за пестрыхъ цвѣтниковъ и зеленыхъ садовъ; дорога по ней не совсѣмъ пріятна, по причинѣ крутизны горы, но это охотно забываешь, бывъ окруженъ такими красивыми предметами. И сколько здѣсь мѣстъ для общественныхъ гуляній: хотите ли вмѣшаться въ пеструю толпу—идите въ садъ, принадлежащій къ водамъ; ищете ли уединенія — пройдите 3 версты и вы въ прелестномъ паркѣ на дорогѣ въ *Воронежъ*, желаете ли вспомнить милый Васильевскій островъ —направьте ваши шаги къ Дворянской улицѣ;— стараетесь ли избѣжать городскаго шума—гуляйте по живописнымъ окрестностямъ *Липецка*, гдѣ ключи, бьющіе съ шумомъ изъ разсѣлинъ, опушенныхъ зеленью лѣсовъ горы, дикіе утесы, крутизны, долины доставятъ обильную пищу для вашей кисти, если вы любите живопись, и вашему воображенію,

если вы любитель до наблюденій. Однако пора намъ оторваться отъ *Липецка*, съ которымъ мы въ короткое время нашего въ немъ пребыванія, такъ свыклись, какъ будто вѣкъ въ немъ жили, пора удѣлить нѣсколько времени и другимъ мѣстамъ.

Вотъ еще прекрасный Губернскій городъ! Это *Курскъ*. Уже его окрестности, богатыя села, обширныя поля, на которыхъ златистая рожь волнуется какъ море, довольство крестьянъ обѣщали намъ пріятный городъ и мы, заохочивая ямщика обѣщаніемъ *на водку*, летѣли какъ изъ лука стрѣла, скоро заблистали передъ нами свѣтлыя рѣчки *Сеймъ*, *Куръ* и *Тускоръ*, сверкнули златыя главы Собора надъ лазуревымъ куполомъ, усѣяннымъ милліонами звѣздъ и *Курскъ* представился намъ съ его красивыми зданіями, живописнымъ мѣстоположеніемъ на двухъ горахъ, съ плодоносными садами и живыми рѣчками, сверкающими то тамъ то сямъ. Весь городъ одна прелестная картинка. Высокія горы воз-

носятъ его на своихъ хребтахъ какъ бы желая показать его всей Россіи и какъ бы завидуя, что есть мѣста возвышеннѣе, которыя заслоняютъ *Курскъ;* быстрый, шаловливый *Куръ* стремится съ горы и раздѣляетъ городъ на двое, а потомъ обхватываетъ зеленые сады, заглядываетъ въ рощи, приближается къ *Сейму* какъ бы желая ему что то сказать и вдругъ отдаляется, бѣжитъ далѣе, превращается въ ручеекъ и—изчезаетъ. Глазъ наблюдателя покидаетъ его въ этомъ мѣстѣ и спѣшитъ къ тому, гдѣ онъ такъ красиво разрѣзываетъ городъ; тутъ ему представляется новый, прелестный ландшафтъ: прекрасная, широкая улица тянется за рѣчкою, но въ ней не видно той утомительной правильнасти въ зданіяхъ, которую считаютъ лучшимъ украшеніемъ многихъ городовъ, нѣтъ, въ безпорядкѣ разбросанныя строенія перемѣшиваются съ хорошенькими садами; то выглянетъ крестъ церкви, то зарумянится кровля дома, то вытянется высокой каменный домъ и возлѣ него скромненькое деревянное, но чистое

зданіе украдкой, разширя вѣтьви густыхъ деревъ заглянетъ на свѣтъ Божій; а это какой храмъ такъ величественно вознесся къ небесамъ? Это Соборъ, архитектура котораго могло бы украсить лучшій городъ въ Россіи. Какъ красиво возвысился онъ надъ другими строеніями, какая легкость въ положеніи купола, усѣяннаго златыми звѣздами; мы, кажется, видимъ надъ собою твердь небесную, спустившуюся на святую обитель и накрывшую ее въ видѣ свода; множество церквей окруживъ сребристыми и златыми вѣнцами величественную главу его, слили съ нимъ въ одинъ протяжный звукъ удары своихъ колоколовъ; *Сергѣевская Церковь*, оспорившая преимущество въ великолѣпіи у другихъ храмовъ, уступила первенство Собору: а *Мужескій Монастырь*, ставъ въ въ отдаленіи, какъ будто полный святаго умиленія, любуется этимъ собраніемъ разнообразныхъ главъ. Но отъ чего народъ такою длинною и черною верениею потянулся къ вратамъ этой оби-

тели? Глубочайшее молчаніе царствуетъ въ толпѣ, соединившейся въ одну темную массу; но вотъ она заволновалась, слышенъ запахъ ладона и между рѣдѣющимъ народомъ заблисталъ погребальный свѣтъ факеловъ. Похороны, что ли? Нѣтъ, пѣнье дышетъ веселіемъ и какою то высокою торжественностью. — Вотъ процессія къ намъ приближается. А, выносятъ явленный и чудотворный Образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы изъ церкви, чтобы препроводить его на мѣсто *коренной ярмарки*, которая производится въ продолженіи 3-хъ недѣль въ 30-ти верстахъ отсюда. Все духовенство по чинамъ слѣдуетъ за иконой, несомой съ величайшимъ торжествомъ впереди всего хода. Согласный хоръ пѣвчихъ воспѣваетъ хвалебные стихи, то гремя въ басѣ, то замирая въ дишкантѣ, весь *Курскъ* соединясь въ одну пеструю толпу сопровождаетъ шествіе, храня молчаніе и благоговѣя предъ его святостью. Окна во всѣхъ домахъ отворены и множество головъ изнуренныхъ лѣтами

и цвѣтущихъ дѣтскою красотою выглядываютъ изъ нихъ; изхудалая рука старушки набожно поднимается ко лбу и пятилѣтній внукъ ея, не понимая еще какъ благоговѣютъ предъ святынею, но единственно по врожденному чувству дѣлать то, что дѣлаетъ бабушка, крестится тоже, поглядывая на старушку какъ бы желая спросить: »Такъ дожно креститься?» Какъ зрѣлище этой процессіи исполнено святости, какое непонятно — пріятное чувство вкрадывается въ нашу душу при звукахъ этого торжественнаго пѣнія, при видѣ этого блѣднаго свѣта факеловъ сливающагося въ днсвной солнечный свѣтъ и этой разнообразной толпы, изъ которой каждый членъ проникнутъ тѣмъ же самымъ благоговѣніемъ, которое и насъ преисполняетъ; послѣдуемъ за шествіемъ, оно насъ приведетъ на мѣсто ярмарки, столь извѣстной во всей Россіи подъ именемъ *Коренной*. А знаете ли, почему она такъ называется? Потому, что давно, еще въ XIV^мъ столѣтіи одинъ дровосѣкъ, рубя дрова въ лѣ-

су, замѣтилъ очень толстый дубъ; довольный этою находкою онъ поднимаетъ топоръ, но вдругъ видитъ на корнѣ дерева образъ Знаменія Богородицы; тогда бывъ твердо увѣренъ, что Самъ Богъ покровительствуетъ дубу и боясь уже его рубить, набожный крестьянинъ объявляетъ о своей находкѣ въ городѣ; мало по малу слухъ объ этомъ произшествіи распространился по всей Россіи и богомольцы во множествѣ стекались на поклоненіе Святой иконѣ; вскорѣ былъ построенъ здѣсь монастырь, число благочестивыхъ людей умножилось, а купечество, надѣясь найти свои выгоды въ этомъ стеченіи народа, начало устроивать по немногу ярмарку, ежегодно перевозило сюда свои товары и сколотивъ досчатыя лавки принялося торговать, особенно лошадьми. Картина этой дѣятельности, жизни, суматохи вамъ не нова; вы уже не разъ бывали на ярмаркахъ, однако вѣрно еще съ удовольствіемъ погуляете по этимъ узкимъ рядамъ, обставленнымъ полотнян-

ными палатками и ели-сли сколоченными лавками, гдѣ товаръ лежитъ пестрыми грудами, гдѣ расторопный купецъ съ обыкновенною ловкостью умѣетъ изо-всего вытянуть себѣ барышь, гдѣ деньги какъ золотая и серебренная вода переходятъ изъ кармановъ покупщиковъ въ конторки продавцевъ, и гдѣ разнообразность въ нарѣчіяхъ, одеждѣ, чертахъ дѣлаетъ такую пріятную смѣсь для глазъ и для слуха. Здѣсь Цыганъ съ загорѣлымъ лицемъ, съ черными, огненными глазами, въ которыхъ отражается такъ ясно его лукавство, съ жесткими курчавыми волосами и въ изношенной грязной рубашкѣ, схвативъ сильною рукою дикое дитя степей, порывающееся высвободиться изъ неволи, заставляетъ имъ любоваться проходящихъ; тамъ добрый Нѣмецъ съ большимъ запасомъ честности предлагаетъ покупщику ящикъ сигаръ по самой умѣренной цѣнѣ; далѣе Русскіе мужички, собравшись въ кружокъ, слушаютъ воинскіе разсказы стараго инвалида про батюшку *Суворова*,

да про походъ на *Бусурмановъ*; тутъ бородастый *Тульскій* купецъ выхваляетъ передъ *Венгерцемъ* доброту сабли и иностранецъ внимательно разсматриваетъ, не зазубрено ли гдѣ оружіе, прельщающее своею красотою. А вотъ длинная вереница дѣвушекъ, сопровождаемая маменьками и папеньками, потянулась къ лавкѣ, гдѣ вмѣсто вывѣски развѣшено множество красивыхъ тканей, платочковъ, пелеринокъ и прочихъ этого рода приманокъ. А, старый знакомый! *Калмыкъ* сюда же притащилъ свой скотъ, а съ нимъ вмѣстѣ и все семейство свое, которое преспокойно отдыхаетъ куря трубку недалеко отъ пасущихся верблюдовъ и терпѣливо ожидаетъ пока глава окончитъ свою торговлю. Берегитесь! Статный *Черкесъ* пробуетъ пылкаго коня, сторгованнаго у этого *Цыгана*; онъ бойко вскочилъ на гордаго бѣгуна и разрѣзавъ воздухъ нагайкою полетѣлъ по ровному мѣсту. Смотрите какъ взвился подъ нимъ летунъ, грива и хвостъ разметались по воздуху, пѣна клубится

у рта и огонь пышетъ изъ глазъ. Славно сынъ *Кавказа*, славно управляешь ты ретивымъ конемъ. Взгляните какъ плавно конь началъ выступать, какъ гордо выгнулъ шею. Торгъ заключенъ и лошадь принадлежитъ *Черкесу*.

Чего только нѣтъ на Коренной ярмаркѣ?—И *Курскъ* снабдилъ ее произведеніями своихъ многочисленныхъ фабрикъ и село *Глушково* прислало сюда множество прекрасныхъ суконъ своего издѣлія и *Азія* присоединила свои караваны къ Русскимъ возамъ и *Астрахань* нагрузила лавки рыбою, словленною въ матушкѣ *Волгѣ* и *Саратовская степь* пригнала съ *Калмыкаліи* единственное свое богатство — скотъ и *Колоніи* надѣлили ярмарку своими товарами, однимъ словомъ, кажется вся *Россія* и *Европейская* и *Азіатская* согласилась снабжать ее своими издѣліями; ужь за то и торгъ то славно идетъ, каждый годъ продается на нѣсколько милліоновъ рублей и ежегодно торговля увеличивается. Выѣхавъ изъ *Курска* мы проѣдимъ

прямо въ *Бѣлгородъ*, одно изъ главныхъ мѣстъ здѣшней торговли, куда собираются купцы, ѣдущіе въ *Харьковъ* изъ *Воронежа* и *Курска*, такъ что городъ этотъ, бывъ поставленъ между ими, невольно долженъ процвѣтать, съ ихъ содѣйствіемъ, заглянемъ въ *Рыльскъ* на его многочисленные заводы, много способствующіе къ цвѣтущему состоянію всей губерніи и потомъ начнемъ приближаться къ мѣсту, освященному воспоминаніемъ о Петрѣ и о святомъ Его совѣтникѣ — Чудотворцѣ *Митрофанѣ*. Мы недалеко отъ *Воронежа*. Не здѣсь ли, не въ этихъ ли стѣнахъ Преобразователь Россіи положилъ первое основаніе морской силѣ своего Государства, не отсюда ли приплыли корабли къ берегамъ *Азова* и громъ ихъ пушекъ раздался передъ *Турецкою* крѣпостью, не въ этомъ ли городѣ, *Митрофанъ*, движимый любовью къ отечеству и благодарностью къ Царской милости, пожертвовалъ наличною своею суммою, для скорѣйшаго сооруженія флота, произнеся: »Всякій

сынъ отечества долженъ посвящать остатки отъ издержекъ своихъ, нуждѣ Государственной: прими Государь деньги, оставшіяся отъ моихъ издержекъ и употреби ихъ противъ враговъ «Не здѣсь ли святый сподвижникъ Петровъ, закрылъ глаза на вѣки, чтобъ въ послѣдствіи нетлѣннымъ, по Божьей милости, тѣломъ творить многія чудеса?— Торжество погребенія было сдѣлано со всевозможнымъ великолѣпіемъ, и всѣ присутствующіе были тронуты до слезъ, когда Самъ Государь, желая показать народу, сколько онъ почиталъ Святаго мужа, послѣ окончанія погребальнаго пѣнія, подошелъ ко гробу и произнеся: «Стыдно намъ будетъ, если мы не засвидѣтельствуемъ нашей благодарности, благодѣтельному сему Пастырю, отданіемъ ему послѣдней чести,» съ помощью важнѣйшихъ чиновниковъ, поднялъ гробъ и вынесъ изъ собора, въ придѣлъ Архангела *Михаила*, гдѣ уже была приготовлена для него могила, а потомъ точно такъ же предалъ землѣ останки добро-

дѣтельнаго *Митрофана.* Когда всѣ обряды были соблюдены печальный Монархъ, отирая слезы, извлеченныя уваженіемъ и признательностью къ памяти покойнаго, воскликнулъ: «не осталось у меня такаго старца!»

И точно, теряя преосвященнаго Митрополита, Петръ терялъ въ немъ умнаго совѣтника, ревностнаго сына столь милой ему Россіи, на помощь которой всегда первый спѣшилъ *Митрофанъ*, утѣшителя въ душевныхъ скорбяхъ Государя, на которыя онъ умѣлъ проливать бальзамъ нѣжнѣйшей дружбы, старательнаго попечителя о благѣ родины и вѣрнаго, всегда искренняго друга, не прибѣгавшаго къ лести, столь часто встрѣчаемой у мнимыхъ друзей, не страшившагося гнѣва Царя, когда онъ ему говорилъ правду, но видѣвшаго въ немъ простаго Русскаго, требующаго помощи и совѣтовъ, а не великаго Монарха. Кто изъ васъ читалъ *Дѣтскій Павильонъ*, изданный прилежнымъ *Г-мъ Ѳедоровымъ*, тотъ вѣрно замѣтилъ особенную одну

изъ его статей, а именно: Анекдотъ про Петра I во время Его пребыванія въ *Воронежѣ*. Забыли; ну такъ я вамъ напомню, тѣмъ болѣе что мы нечувствительно достигли до самаго мѣста дѣйствія. Передъ вами *Адмиралтейство*, исполненное драгоцѣнныхъ воспоминаній о Великомъ, гдѣ онъ, забывъ Свой санъ и думая только о славѣ своей, милой Россіи, такъ часто являлся простымъ работникомъ и однимъ словомъ, однимъ взгля умѣлъ возжечь погаснувшую дѣяте ость, гдѣ Онъ не разъ съ величайшимъ удовольствіемъ разсматривалъ, вновь выстроенный корабль, говоря Его окружающимъ подданнымъ: «онъ посыплетъ смерть на *Турецкія* галеры» и гдѣ нѣсколько разъ посѣщалъ съ Митрополитомъ *Митрофаномъ* корабельныя верьфи, разсказывалъ старцу свои надежды, дѣлилъ съ нимъ радости и спрашивалъ совѣтовъ. Тутъ, противъ этого то гнѣзда воспоминаній, на небольшомъ островѣ рѣчки *Воронежѣ* возвышается скромный дворецъ Петра, изъ оконъ

котораго онъ любилъ смотрѣть на работы и гдѣ *Митрофанъ*, часто посѣщавшій Его, всегда находилъ Царя занятаго или составленіемъ новаго узаконенія, долженствовавшаго подкрѣпить благосостояніе государства или начертаніемъ плана для военныхъ дѣйствій. Желая украсить свой дворецъ миѳологическими изображеніями, Петръ велѣлъ поставить у воротъ нѣсколько мраморныхъ статуй, а передъ входомъ въ Его палату, назначилъ мѣста для *Нептуна*, бога воды, которую такъ тщательно Царь покрывалъ судами и *Марса*, покровителя войны, производимой въ то время съ *Турками*.—Однажды *Митрофанъ*, собравъ по обыкновенному всѣ деньги, которыми могъ располагать въ пользу воинства Русскаго, располагался вручить ихъ Государю, но вдругъ увидя передъ входомъ въ его дворецъ языческихъ боговъ, святой мужъ не дошелъ до своей цѣли и воротился домой. Петръ, видѣвшій изъ окна идущаго Пастыря и не понимая причины столь страннаго и ско-

раго возращенія послалъ его просить къ себѣ. Тогда *Митрофанъ* съ свойственною ему кротостью отвѣчалъ посланному: «не пойду, покуда Его Величесство не сниметъ языческихъ идоловъ, приближеніемъ къ которымъ не хочу себя осквернить.» Пылкій Царь, принимая этотъ отвѣтъ за одно упрямство и имѣя непремѣнную нужду въ совѣщаніяхъ съ Митрополитомъ, приказалъ напомнить ему о послѣдствіяхъ его непослушанія. Но *Митрофанъ*, ни мало не смущаясь отъ этихъ угрозъ, повторилъ уже прежде сказанное и думая, что смерть его неизбѣжна, началъ къ ней приготовляться, желая умереть какъ истинный христіанинъ. Петръ между тѣмъ размысливъ объ отвѣтѣ Преосвященнаго приказалъ снять статуи и на мѣсто ихъ поставить вазы съ цвѣтами; когда же повелѣніе Его было исполнено, то онъ намѣревался послать снова къ *Митрофану*, но вдругъ колокольный звонъ въ соборѣ поразилъ Его. «Какой завтра праздникъ?» спро-

силъ Государь у стоящаго близъ него придворнаго. — «Кажется никакаго нѣтъ Ваше Величество,» отвѣчалъ спрашиваемый. «Поди и узнай отъ самаго Архіерея, по какой причинѣ сегодня звонятъ,» прибавилъ Царь, и посолъ возвратился съ словами, что Преосвященный приготовляется къ смерти, обѣщанной ему отъ Царя за ослушаніе, и что желая умереть добрымъ христіаниномъ, онъ назначилъ быть всенощной службѣ. Тронутый Монархъ отправился къ *Митрофану* и увѣрилъ его въ своемъ совершенномъ прощеніи и съ тѣхъ поръ уваженіе къ благочестивому пастырю, со стороны Монарха возросло чеезвычайно.

Глубокая неизвѣстность покрываетъ первыя лѣта этого Архіерея. Откуда пришелъ онъ, гдѣ родился, кто были его родители совершенно отъ насъ скрыто и біографы могли только открыть то, что съ малаго возраста уже *Митрофанъ* показывалъ явную привязанность къ своей Вѣрѣ и всегда искалъ удаляться отъ свѣта, провождая дни въ ученіи и

одиночествѣ или посѣщая святыя обители, гдѣ не разъ прельщался тихою, смиренною жизнію иноковъ; имѣя 40 лѣтъ онъ удалился въ пустыню, находившуюся недалеко отъ *Суздаля*, вскорѣ избранъ былъ главою братства монастыря, лежащаго близъ *Владиміра*, потомъ переведенъ былъ по желанію Святѣйшаго Патріарха *Іоакима*, въ монастырь преподобнаго *Макарія* и здѣсь руководимый примѣромъ этого Святаго Угодника, онъ все болѣе и болѣе укрѣплялся въ благочестіи. Ни разу *Митрофанъ* не измѣнялъ своей святой жизни, никакія блага земныя не могли его отвлечь отъ небесныхъ и когда хитрый лжеучитель *Никита*, предводительствуя толпою раскольниковъ, началъ распространять свое ложное ученіе въ народѣ, когда движимый злобнымъ мщеніемъ противъ святыхъ и мужественныхъ защитниковъ православной Церкви *Никита* въ неистовствѣ началъ бросать каменьями въ Первосвятителя, тогда *Митрофанъ* явился ревностнымъ сыномъ Вѣры, тогда вос-

пламененный негодованіемъ при видѣ такаго безчинства онъ сильными доводами и языкомъ, внушеннымъ ему свыше, началъ упрекать возмутителей спокойствія и съ этихъ поръ благочестивый мужъ содѣлался особенно извѣстнымъ Петру, бывшему тогда еще ребенкомъ, но умѣвшему уже цѣнить достоинства людей. Съ этой минуты онъ получилъ всю довѣренность молодаго Царя и удостоился Его дружбы, которой онъ, какъ мы уже видѣли, явился столько достойнымъ. Тридцать лѣтъ тѣло Святаго Угодника лежало въ землѣ и когда при Епископѣ *Іоакимѣ* оно было перенесено въ Соборную церковь, то нашли что нималѣйшее тлѣніе не попортило священныхъ останковъ и толпы вѣрующихъ притекли къ его гробу, кто для полученія исцѣленія, кто отъ желанія почтить память праведника. Минута перенесенія драгоцѣнныхъ останковъ въ новую великолѣпную раку была чрезвычайно торжественна. Это было лѣтомъ въ 1833 году. Улицы *Воронежа* покрылись народомъ, пылавшимъ жела-

ніемъ приложиться къ святымъ, всѣ окрестные города опустѣли, потому что жители ихъ отъѣхали въ *Воронежъ*, колокольный, радостный благоговѣстъ раздавался со всѣхъ сторонъ, смѣшиваясь съ хвалебнымъ пѣніемъ духовенства, облаченнаго въ свѣтлыя ризы. Не доставало только Царской фамиліи, чтобы возвести торжественность этого дня до самой высокой степени, но она не могла присутствовать при церемоніи, что много уменьшало радость народа, такъ горячо любящаго своего Царя и Царицу и уже въ послѣдствіи Государь Императоръ удостоилъ *Воронежъ* Своимъ посѣщеніемъ, во время котораго заходилъ въ соборъ и прикладывался къ мощамъ, цѣли предпринятаго имъ путешествія. Поклонимся и мы святымъ останкамъ праведника и помолимъ Его благословить нашъ путь, дабы мы могли окончить его столь же счастливо какъ начали .Вотъ здѣсь съ южной стороны, въ вышнемъ первомъ мѣстѣ въ углу, въ этой великолѣпной серебреной ракѣ, накрытой богатою пар-

чею, почиваетъ святой Угодникъ. Гробница его была сооружена спомоществованіемъ многихъ благочестивыхъ людей, которые всѣ избытки свои присылали на украшеніе послѣдней обители того, кто столько лѣтъ жертвовалъ всѣмъ для блага Россіи; жаль, что скромность дающихъ скрыла отъ насъ ихъ имена, потому что деньги, присылаемыя въ *Воронежъ*, не имѣли никогда подписей, но общее названіе *пожертвователей на гробницу святаго Митрофана* всегда будетъ сопровождаться искренною благодарностью.

Многія чудеса угодника переданы къ свѣдѣнію современниковъ и потомства въ житіи его, напечатанномъ въ 1834 году; тамъ можете вы, юные друзья, удовлетворить ваше любопытство и увидите, до какой степени Богъ прославлялъ своихъ избранныхъ!—

О *Воронежѣ* давно уже упоминаютъ Географы, но *Петръ*, выстроивъ въ немъ корабельныя верфи и основавъ *Адмиралтейство*, возвысилъ его чрезвычайно;

съ тѣхъ поръ городъ процвѣлъ, а со временъ появленія мощей Св: *Митрофана* примѣтно населился, потому что чудеса, творимыя священными останками, зазывали благочестивыхъ людей изо всѣхъ Губерній. И теперь взгляните на него: широкія красивыя улицы пересѣкаются во всѣхъ направленіяхъ, выказывая одна изъ за другой хорошія зданія, уже изрѣдко прерываемыя неуклюжими лачугами, которыя, какъ бы стыдясь своей бѣдности, прячутся въ самыхъ отдаленныхъ переулкахъ, чуть-чуть осмѣливаясь выглядывать изъ за запущенныхъ нѣкогда можетъ быть красивыхъ садовъ. Къ стати о садоводствѣ: посмотрите какъ тщательно здѣсь занимаются этою отраслью промышленности, сколько прекрасныхъ фруктовыхъ деревьевъ осѣняютъ своими густыми, пестрѣющими плодами вѣтками, свѣтлыя окна чистыхъ домовъ, какъ прилежно искусный садовникъ ищетъ средства улучшить своей садъ, какъ зрѣлы эти вишни, а виноградъ какими пышными

кистями повисъ надъ этой переkладиной. Сама природа видимо способствуетъ къ распространенію садоводства, надѣля въ изобиліи здѣшніе лѣса яблонями, грушами и вишневыми деревьями, которыя однако мало здѣсь обработываются потому, что жители болѣе прилагаютъ старанія о размноженіи разнаго рода растеній, являющихся только въ южныхъ краяхъ. —

Съ населеніемъ города процвѣла и торговля. Трудолюбивый *Донъ*, вспомомоществуемый глубокою *Воронежею*, принялъ на себя обязанность передавать суда, идущія въ Черное море, а каждые три мѣсяца тяжело нагруженные возы и желѣзомъ и сукномъ и саломъ тащутся по дорогѣ въ Сибирь, гдѣ разъѣзжаются кто въ *Тобольскъ*, кто въ *Кяхту*, кто по разнымъ ярмаркамъ; взгляните на *Гостиный дворъ*, онъ не успѣваетъ пустѣть, посмотрите на гавань — она кипитъ народомъ и всѣ дороги изъ *Воронежа* покрыты телѣгами, полными разныхъ товаровъ, на Адмиралтействѣ без-

престанно образуются корабли и рѣка узкая и незначительная съ перваго взгляда какъ лучшій работникъ, то отвозитъ барки во внутреннія губерніи, то принимаетъ отъ *Дона*, встрѣтившаго ихъ при впаденіи въ Черное море, то запѣнясь взлетаетъ множестаомъ брызгъ на воздухъ, образуя тысячи круговъ около шумныхъ колесъ машинъ, работающихъ на фабрикахъ. — Что предприняли строить на этомъ обширномъ мѣстѣ? Ужъ не памятникъ ли Петру I, Которому конечно весьма свойственно украшать *Воронежъ*, столько одолженный этому Монарху? Вы отгадали, здѣсь точно намѣрены соорудить монументъ Великому, но вмѣстѣ съ тѣмъ выстроить Церковь во имя Святителя Митрофана для поминовенія души Царя, учредить Инвалидный домъ для успокоенія престарѣлыхъ и раненыхъ воиновъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по преданіямъ извѣстно, что находился кабинетъ Петра, потому что зданіе это нѣкогда, какъ говорятъ, было Его дворцемъ, украсить въ тогдашнемъ вкусѣ, а по стѣнамъ

развѣсить портреты Преобразователя Россіи, близкихъ къ нему подданныхъ и также нѣкогорые планы морскихъ дѣйствій, тутъ же посѣтитель встрѣтитъ много вещей, принадлежавшихъ Петру, на островѣ же желаютъ насадить садъ и здѣсь то гуляющій, взойдя на гору, съ которой представляется прелестный видъ, встрѣтитъ обелискъ, посвященный памяти Петра. Скоро ли приведется въ исполненіе этотъ прекрасный планъ, скоро ли можно будетъ ревностному почитателю Великаго взойти въ Его кабинетъ, гдѣ благодарное потомство постарается устроить все во вкусѣ временъ этого Царя, и пробѣгая вещи, принадлежавшія Ему, утѣшаться мыслею что онъ не умеръ еще въ памяти Своихъ подданныхъ. О съ какимъ чувствомъ онъ посѣтитъ *Инвалидный домъ*, гдѣ изувѣченные, покрытые ранами матросы вспомнятъ ему, что Петръ первый открылъ тайну мореходства, что при немъ впервые Русскіе корабли выплыли на безграничное море; какъ искренно будетъ

молить онъ Святаго Угодника въ учрежденной въ Его имя Церкви, да содѣлаетъ, онъ преемниковъ Петровыхъ достойными исполнителями Его Великихъ намѣреній! Какъ пріятно ему будетъ гулять по красивымъ дорожкамъ, явившимся на мѣстѣ столь богатомъ воспоминаніемъ о Петрѣ. 1725 годъ надѣлъ трауръ на всю Россію — скончался Петръ и Государство Его пріуныло, но перенеситесь ровно черезъ сто лѣтъ и какая перемѣна замѣчается въ Россіи: на ея престолѣ Николай I, ревностный почитатель всего Русскаго, и стремящійся подобно своему предку къ тому, чтобы однажды Его отечество могло совершенно обходиться безъ помощи иностранцевъ и до сихъ поръ это благое намѣреніе вѣнчается быстрыми успѣхами. Дай Богъ, чтобы мы могли съ Государемъ сказать: Россіи не нужны болѣе иностранцы!

Сколько чудесъ въ природѣ! Она какъ рѣзвый ребенокъ по своей волѣ играетъ и водами и землею и огнемъ

и небомъ. Теперь мы также приближаемся къ странномуявленію, сработанному затѣйливою старушкою. Городъ *Острогожскъ* ничѣмъ особенно не примѣчателенъ и не одинъ путешественникъ не вздумаетъ заглянуть въ него, такъ нѣтъ, своенравная природа захотѣла непременно привлечь и къ нему путника какъ бы соболѣзнуя о его забытомъ состояніи и настояла на своемъ: теперь ни одинъ любопытный не проѣдитъ по *Воронежской* губерніи безъ того, чтобы не взглянутъ на эти величественно прекрасныя мѣловыя пирамиды, украшающія самую середину этой высокой горы, лежащей недалеко отъ *Дивногорскаго* Монастыря, котораго главы привѣтно блистаютъ изъ за этихъ огромныхъ бѣлыхъ махинъ. Вижу ваше удивленіе, потому что вы вѣрно приняли ихъ за древнія колосальныя статуи, на которыя онѣ довольно похожи, особенно издали, но нѣтъ это точно пирамиды, составленныя изъ мѣла искусною природою. Ихъ неправильный видъ даетъ вамъ ужъ достаточное

доказательство, что тутъ ничего не дѣлалось руками людей. Гора, на которой онѣ расположены числомъ почти до двадцати, также состоитъ изъ мѣла, но лѣсъ покрылъ ее и тѣмъ придалъ еще болѣе странности этому неожиданному явленію. Вотъ главная изъ пирамидъ: она стоитъ недалеко отъ *Монастыря* и примѣчательна какъ по своей величинѣ, такъ по выстроенной въ ней Церкви, и подземному ходу; въ прочихъ близъ ея находящихся пирамидахъ встрѣчаются кельи, но рука неумолимаго времени во многихъ мѣстахъ уже каснулась этихъ обителей, основаніе которыхъ должно относить къ глубокой древности, потому что нигдѣ нельзя отыскать истиннаго года ихъ учрежденія. Самъ *Монастырь Дивногорскій* получилъ это названіе отъ странности нагорнаго явленія:

ГЛАВА II.

Земля Донскихъ Казаковъ и Астраханская губернія.

Донская земля, въ которую мы теперь въѣзжаемъ, лежитъ по теченью рѣки *Дона*, отъ которой и получила свое названіе, Посмотрите какими изгибами пробѣгаетъ здѣсь эта величественная рѣка, какъ своенравно она, то съуживается, то разширяется, то затекая въ озеро, то раздѣляясь на рукава, изъ которыхъ одинъ образуетъ островъ *Фанагорію;* но объ немъ послѣ, а теперь обратимъ вниманіе на страну, нами проѣзжаемую; вообще она орошаема множествомъ рѣкъ дѣлающихъ чрезвычайную пользу и ея

климату, и почвѣ и промышленности, но жители, военный народъ, *Казаки* и *Кочующіе Калмыки* не умѣютъ пользоваться этими благодѣяніями природы и право жаль смотрѣть на широкой, судоходный *Донъ*, водамъ котораго можетъ быть такъ были бы рады многія Губерніи, покрытый утлыми и дурно выстроенными казачьими судами. Малѣйшій вѣтеръ взволнуетъ ли рѣку и эти чолны, обыкновенно тяжело нагруженные, и занятые 20 человѣками, а иногда и болѣе, начинаютъ плыть въ сторону, теряютъ прямую черту, колеблются, но безстрашный *Казакъ* и не думаетъ объ опасности; парусъ дуется, неуклюжій корабликъ несется прямо въ *Азовское море*, гдѣ кажется ожидаетъ его неизбѣжная смерть, а хозяинъ попѣваетъ пѣсеньку, да безпечно пускаетъ табачныя облака изъ короткой трубки, надѣясь на покровительство Св: Чудотворца Николая, защитника *Донской земли*. Здѣсь вовсе не занимаются судостроеніемъ, верфей нѣтъ и весьма неискусные

въ кораблестроеніи Русскіе плотники никогда не пробовавшіе строить барки, сколачиваютъ эти разнокалиберныя, неуклюжія лодки безъ палубъ, изъ ветхаго дерева и съ тремя парусами, сдѣланными изъ дурной парусины. Вообще вы замѣтите, что *Казаки* не охотно занимаются работою; напримѣръ взгляните на ихъ деревни: онѣ всѣ стоятъ спиною къ дорогѣ и путешественникъ, выѣзжающій изъ *Воронежа*, встрѣчаетъ только одну безпредѣльную степь, прерываемую изрѣдка въ безпорядкѣ разбросанными мазанками или красивыми хижинами, но станцій вы здѣсь не увидите, вамъ негдѣ будетъ порядочно отдохнуть; нигдѣ васъ не угостятъ порядочнымъ обѣдомъ. Очень скучная дорога! Потому то я впередъ запасся и хлѣбомъ и водою и съѣстными припасами, что бы потомъ не быть принужденнымъ посылать черпать воды за нѣсколько верстъ въ какой нибудь *Казацкой станицѣ* т. е. большомъ селѣ.—Но эти непріятности вознаграждаются для путешественника здоровымъ

климатомъ, въ которомъ онъ чувствуетъ себя совершенно перерожденнымъ, бодрымъ, веселымъ. Наши сѣверныя стужи неизвѣстны *Казакамъ* и холодъ рѣдко доходитъ даже до 25 ° ;лѣто же наступаетъ такъ постепенно, такъ пріятно, что перехода отъ зимы къ жарамъ почти не примѣтно, а прохладные, но вовсе не сырые вечера, представляютъ лучшее время для гулянья, когда поля, покрытыя хлѣбомъ, дышутъ свѣжестью, когда небольшіе лѣса, изрѣдка здѣсь встрѣчаемые, оглашаются пѣснями соловьевъ, малиновокъ, чижей, коноплянки; когда *Калмыцкія* стада домашняго скота и верблюдовъ, утомленныя дневнымъ зноемъ, наслаждаются вечернею тѣнью, покоясь на мягкигъ лугахъ или взбираясь на небольшія возвышенности, лежащія по берегамъ главныхъ рѣкъ, когда заходящее солнце набрасываетъ багровый покровъ на окрестности и въ отдаленіи городскія церкви, краснѣя отъ его лучей, призываютъ колокольнымъ звономъ христіанъ къ вечерней молитвѣ. Тогда пріі-

ѣзжій забываетъ, мало по малу, скуку, наведенную на его воображеніе видомъ степи и съ удовольствіемъ насладится настоящимъ, съ удовольствіемъ вмѣшается въ рѣзвыя пляски *Казаковъ* и образъ жизни, нравы, привычки этого народа все доставитъ ему тьму пріятныхъ минутъ, основанныхъ на наблюденіяхъ.

Почва здѣсь чрезвычайно разнообразна: то она бѣдна водою, возвышенна и не представляется удобною для хлѣбопашества, которымъ впрочемъ здѣсь мало и занимаются, то дѣлается прекрасною, тучною землею, достоинство которой поняли даже *Козаки* и преодолѣвъ лѣнь начинаютъ разводить порядочныя поля, то вдругъ является безводною, растворенною солью степью, представляющеюся издали безпредѣльнымъ моремъ, отъ этого и произведенія здѣсь чрезвычайно разнообразны и всего богаче здѣшняя природа Царствомъ животнымъ особенно рогатымъ скотомъ, верблюдами и лошадьми, пасущимися во множествѣ

на лугахъ; не буду вамъ упоминать всѣ разные рода овецъ, здѣсь разведенные, но замѣчу, что здѣсь плодятся и мериносы, покрывающіе возвышенности *Донской земли*, гдѣ араматическая и сухая трава служитъ имъ прекрасною пищею. Вообще на *Дону* занимаются исключительно скотоводствомъ, которое и приноситъ большія выгоды, но жаль, что *козаки* и *Калмыки* не охотники предпринимать что нибудь новенькое, не любятъ дѣлать опытовъ, хотя земля ихъ очень способна къ размноженію всѣхъ породъ скота.

Имѣя уже нѣкоторое понятіе о *Калмыкахъ*, которыхъ впрочемъ здѣсъ очень мало, мы займемся исключительно *Казаками* и на ихъ образъ жизни обратимъ все наше вниманіе. До временъ Царя *Алексѣя Михайловича Казаки* вели жизнь рыцарскую, полудикую, разбойническую, все занятіе ихъ состовляли грабежи и отраженія непріятслей особенно *Азовцевъ*, являвшихся ихъ главными врагами. Еще до сихъ поръ *Дон-*

ской казакъ съ удовольствіемъ говоритъ объ удальствѣ предковъ своихъ дошедшихъ до него по преданіямъ и съ нетерпѣніемъ прибавляетъ, бросивъ объ полъ шапку. А мы—то? Что мы? Бабы; и нагайки порядочно не умѣемъ въ руки взять и зипуна бы у пріятели не могли отнять, и конь не по прежнему слушается уже теперешнихъ *Казаковъ*. Не то бывало, когда *Атаманы*, по извѣстіямъ, полученнымъ отъ вѣрныхъ *Есауловъ*, собравъ молодцовъ, неслись на встрѣчу непріятелю. Легкіе кони летѣли чуть касаясь до земли, шаловливая нагайка свистала по воздуху и *козакъ* гаркнувъ, свиснувъ яснымъ соколомъ бросался на врага, отнималъ зипунь да и былъ таковъ. Бывало чуть шелохнется *Азовецъ* за рѣкою, а *козакъ* и смекнулъ дѣло: ногу въ стремя, повода въ руки, да между кустарникомъ и пробирается чуть дыша, чуть переводя духъ; вѣрный конь, чуя цѣль господина, ужъ никакъ бывало не измѣнитъ ему ржаніемъ, ели-ели копытами до земли касается, а голову то опуститъ

низко такъ, что изъ за кустарника или оврага или забора припавшаго къ сѣдлу всадника и не видать было. Не *Казаковъ* было учить хитрости. А теперь, взглянулъ бы прадѣдъ на своего правнука, посмотрѣлъ бы какъ онъ безпечно живетъ въ большихъ мазанкахъ, которыхъ не состроишь въ полъ-часа какъ примемъ бывало, если непріятель спалитъ цѣлый городокъ; взглянулъ бы какъ лѣниво берется за нагайку и какъ сладко пьетъ, да ѣстъ. «Баба ты баба, сказалъ бы онъ, промѣнялъ борону на ружье и поле на разгульный станъ. Тому ли учитъ тебя примѣръ твоихъ предковъ?» И точно, современъ Царя *Алексѣя Михайловича Донскихъ козаковъ* и узнать нельзя: куда дѣлавась эта страсть къ хищничеству, гдѣ это удальство и молодечество, гдѣ этотъ воинственнъй или скорѣе рыцарскій характеръ? — Бывало *козакъ* не спокоенъ, коли онъ въ цѣлый день не отличится какимъ нибудь хищничествомъ и *Есаулъ*, мчащійся съ знаменемъ въ рукахъ къ стану главнаго войска, былъ

всегда предсказателемъ пріятной вѣсти т. е. скораго нападенія на непріятеля, теперь же онъ хотя и любитъ еще порисоваться на знатномъ бѣгунѣ и похвастаться мѣткостью въ стрѣльбѣ, однако уже довольно охотно берется и за соху, какъ бы сожалѣя, что плодоносная почва остается безъ воздѣлыванія. Теперь каждый *Казакъ* имѣетъ свою собственность, пріобрѣтенную уже не разбоемъ, а заслугами и трудами, живетъ своимъ хозяйствомъ въ порядочной хотя и тѣсной избѣ, но которая покрайней мѣрѣ стоитъ крѣпко на своемъ мѣстѣ и не можетъ быть перестроена въ полчаса какъ бывало когда *Азовцы* сжигали *казацкіе городишки*, особливо деревни, окружающія города, очень порядочно расположены и представляютъ взору путешественника, что то подобное *Азіатскому* вкусу: тотъ же безпорядокъ въ разстановкѣ, то же разнообразіе въ строеніи и только Русская простота замѣняетъ здѣсь *Азіатскую* роскошь. «А когда *Донъ* разливается, спрашиваю я у *казака*, въ домѣ котораго

мы остановились, ваши жилища чрезвычайно много должны терпѣть?» — «Такъ что же? отвѣчаетъ безпечный хозяинъ, зальетъ одну избу, такъ другую выстроемъ. Это намъ не въ диво.» Вотъ что дѣлаетъ привычка! Мало по малу *Донской земли* и узнать нельзя будетъ: жители уже перемѣнили нравы, къ чему особенно способствовалъ опытный *Атаманъ Графъ Платовъ*, ознаменовавшій себя столькими заслугами, а теперь и страна ихъ начинаетъ принимать благоустроеннѣйшій видъ по стараніямъ правительства, предложившаго уже планъ для постройки домовъ.—Не забудте, что Наслѣдникъ Всероссійскаго престола Великій Князь Цесаревичь Александръ Николаевичь есть *Атаманъ* всѣхъ *Казаковъ*, какъ *Донскихъ*, такъ и другихъ наименованій.

Вы съ любопытствомъ разсматриваете одежду нашего хозяина находя въ ней, что то Польское, Русское и *Татарское*; точно, мои милые, безпрестанныя сношенія со всѣми этими народами чрезвы-

чайно разнообразили ихъ одежду, но вообще въ ней видно еще, что то старинное. Однако сознайтесь, что этотъ шелковый кафтанъ унизанный серебренными пуговицами и подпоясанный поясомъ, богато вышитымъ серебромъ, очень красивъ и что эта суконная *Черкеска* съ разрѣзными рукавами и обложенная золотымъ позументомъ придаетъ много красы наряду *казацкому?* А шапка изъ краснаго яркаго бархата шитая золотомъ и обложенная позументомъ какъ молодецки надѣта нашимъ *Казакомъ*, котораго высокій ростъ, стройный станъ и пріятныя черты заставляютъ каждаго назвать его молодцомъ. А куда сбирается онъ, что такъ принарядился? Да сосѣдъ пригласилъ на рукобитье своей дочери. «Женка! готова ты штоли?» спрашиваетъ *Казакъ* свою жену, съ которою идетъ на праздникъ и женка, довольно красивая женщина, является передъ нами въ суконномъ *кавракѣ* или кафтанѣ, изъ подъ котораго выглядываетъ короткой тюникъ, по здѣшнему *кобелекъ*,

перехваченный широкимъ богатымъ кушакомъ; широкіе атласные шаровары напоминаютъ *Турцію*, а въ повязкѣ изъ розоваго атласа выглядываетъ, что то родное, что то Русское. Наша *казачка* изъ богатыхъ, смотрите какъ роскошно блеститъ ея нарядъ золотыми и серебреными позументами. Вотъ хозяева наши и собираются уже въ путь, но мы не ужели упустимъ столь хорошій случай полюбоваться весельемъ *Казаковъ*. Нѣтъ, мы не отстанемъ отъ нихъ и съ ними вмѣстѣ тихохонько заберемся на рукобитье, гдѣ вѣрно насъ радушно примутъ, потому что *Казакъ* всегда радъ гостямъ, а тѣмъ паче въ такой торжественный день.

Мы рано пришли, еще никого нѣтъ, но тѣмъ лучше, успѣемъ осмотрѣться, да ознакомиться. Просторная и очень чистая изба безъ всякаго украшенія кромѣ нѣсколькихъ деревянныхъ скамей да большаго длиннаго стола, будетъ служить мѣстомъ, гдѣ отецъ предъ всѣми гостями назоветъ дочь свою невѣстою;

вотъ и онъ. Видите ли этого старика, который съ лѣтами ничего не потерялъ изъ своей свѣжести, у котораго черный съ просѣдью усъ повисъ надъ бородою какъ у *Малороссіянина*, а ноги не могутъ забыть прошлой молодости и онъ горячо разговарившись съ какимъ то знакомымъ такъ кажется и хочетъ пуститься плясать въ присядку, вспомнивъ былое времечко золотое! Старичокъ разсказываетъ про *свое время* судя по его движеніямъ и вѣрно прибавляетъ: »Не то тогда было! тото веселились, скуки не не знали и только однѣ пляски и были въ головѣ. Лихо! Славно!» Онъ подбоченился, высокій каблукъ ударилъ по полу, но вошедшіе гости помѣшали пляскѣ. Гдѣ же невѣста? Она позже покажется. Вы видите, что еще и жениха нѣтъ.

Мало по малу начинаютъ собираться родственники и родственницы, мать какъ хозяйка суматошится, принимаетъ, усаживаетъ, но часто въ разговорѣ съ пріятельницей невольно слезы покажутся

въ ея глазахъ при мысли о скоромъ разставаніи съ милою дочерью. — Изба наполнилась: каждый надѣлъ свое лучшее платье и часто богато шитыя повязки мѣшаются съ бѣдными разноцвѣтными колпачками, купленными въ *Сарептѣ* и повязанными *торкачемъ* или платкомъ, высокія страусовыя перья гордятся передъ розономъ, скромно воткнутымъ въ голову молодой дѣвушки, не имѣющей ни жемчуга, ни золота, ни богатыхъ перьевъ; шелковыя рубашки шершатъ по *кобенякамъ*, унизаннымъ жемчугомъ и обшитомъ блестящими позументами, короткіе синіе кафтаны рядовыхъ пестрятъ между богатыми зипунами, часто дѣлаемыми изъ парчи или другой дорогой матеріи и солдатская шапка лежитъ подлѣ бархатной съ широкимъ позументомъ. Но вотъ женихъ пріѣхалъ съ своими родными. — «Дѣтина хоть куда! говорятъ старики, и росл и статенъ и ловокъ и богатъ. Вишъ какой кафтанъ-то у него: такъ и горитъ золотомъ, а поясъ — что жаръ пылаетъ, кинжалъ и шашка такъ

и блестятъ. Молодецъ хоть куда. Надвинулъ алую шапку на бекрень, выставилъ желтый сапогъ, да и въ усъ никому не дуетъ.» И въ самомъ дѣлѣ женихъ, ставъ по обычаю посреди комнаты, подбочснился и гордымъ, орлинымъ взоромъ обглядываетъ всѣхъ предстоящихъ, улыбаясь однимъ, переговаривая съ другими. Вотъ и невѣста. Жемчугъ бѣлѣется и на повязкѣ и на нагрудникѣ и на шеѣ; онъ скользитъ по кобеляку, разсыпается по поясу, унизываетъ голубую шапку, надѣтую поверхъ повязки, и длинными нитками спускается по *чикиликамъ*, выбѣгающимъ изъ подъ нея надъ ушами. «Славная дѣвушка!» шепчутъ старики. «Славная пара!» поговариваютъ старушки, набожно крестясь, чтобъ не сглазить. Мать подвела дочь къ жениху и поставила по лѣвую сторону; вотъ подходитъ отецъ, онъ не плачетъ, нѣтъ: онъ не баба, чтобъ хныкать, говоря по *казацки* и шутливо взявъ за руки дѣтей своихъ: »дочь! вотъ тебѣ женихъ, а тебѣ мой сынъ невѣста« произноситъ

добрый старикъ и поднявъ молодыхъ, упавшихъ ему въ ноги, онъ нѣжно ихъ цѣлуетъ. Теперь пойдутъ поздравленія: слышите ли какъ громко возглашаютъ заздравный тостъ невѣстины родственники въ честь жениха, подчующаго ихъ виномъ, а его то родня въ свою очередь не уступаетъ въ крикѣ и шумѣ, принимая изъ рукъ невѣсты полный стаканъ *Донскаго.*—А что тамъ въ углу такъ пристально разсматриваетъ молодая? Заглянемъ мы ей черезъ плечо: А! это подарокъ жениха: деньги! хорошій знакъ, дай Богъ имъ ихъ много имѣть и въ будущее время; но чѣмъ же отдарила она его? Этимъ кисетомъ, такъ красиво ею вышитымъ бисеромъ. Какъ искусно подобраны цвѣта и какой пестрый узоръ! «Мастерица *Марожика!*» поговариваютъ родные и гости, поглядывая на подарокъ и каждый старается одинъ передъ другимъ похвастаться своею щедростью, одаривая невѣсту перстнями, кольцами, жемчугомъ, бусами, и проч. Теперь начнется балъ. Раздались веселыя пѣсни

подъ звукъ родной балалайки и изба огласилась шумными восклицаніями радости. Пара летаетъ за парою, прихлопывая каблуками, подбоченясь и щелкая пальцами. Рѣзвый *казачекъ* зашумѣлъ какъ первенецъ всякаго праздника и веселое общество, упитанное удовольствіемъ, не примѣчаетъ даже какъ и ночь начинаетъ спускаться на землю. Но мы пойдемъ, намъ нуженъ отдыхъ. Слышите ли какъ далеко залетаютъ звуки свадебныхъ пѣсень, внимая ихъ рѣзкимъ веселымъ переливамъ невольно представляешь себѣ ловкую пару; кажется такъ и видишь какъ мущина, уткнувъ руки въ бока, молодецки пристукивая, да прикрикивая, летитъ по простому полу, то сходясь съ своею дамою, рисующею быстрые полукруги по землѣ, то удаляясь отъ нея и вдругъ, желая показать свое искусство, онъ становится на каблуки, поднимаетъ руки и скоро скользитъ по неровному мѣсту какъ будто по самому лучшему паркету.

Много при свадьбахъ у нихъ водится обычаевъ, да всѣхъ вѣдь не перечтешь, потому что все почти время, заключающееся между сватовствомъ и бракосочетаніемъ, проходитъ въ различныхъ чрезвычайно многосложныхъ обрядахъ; должно только замѣтить, что во всѣхъ нихъ замѣтна большая набожность *Казаковъ* и слѣпая покорность волѣ родительской. Здѣсь дѣвушка никогда не рѣшится сказать, что за кого нибудь хочетъ выйти; но оставляетъ равно какъ и молодой человѣкъ совершенную свободу родителямъ выбирать кто имъ по сердцу. Они переговариваются со сватомъ, даютъ слово и только передъ рукобитьемъ будущіе молодые видятъ другъ друга въ первый разъ, но противорѣчить отцу и матери никакъ не смѣютъ. Это похвальный остатокъ старины.

Самый пріятный изъ всѣхъ ихъ праздниковъ есть безъ сомнѣнія *Великій день* т. е. свѣтлое Христово Воскресенье, торжественность котораго они вполнѣ чувствуютъ по своей набожности и кото-

рый стараются проводить какъ можно веселѣе. Лишь только въ церкви раздастся восклицаніе Священника: *Христосъ Воскресъ!* какъ вся *Донская земля* приходитъ въ движеніе какъ бы пробудясь отъ глубокаго сна, въ который была повержена продолжительнымъ постомъ. Храмъ огласится всеобщимъ цѣлованіемъ безъ всякаго разбора, по улицамъ застучатъ экипажи, ставни домовъ отворятся и изъ дверей высыпятъ старые и малые, не бывшіе въ силахъ выдержать цѣлой заутрени; богачъ забудетъ свое превосходство предъ бѣднымъ, нищій, услышавъ движеніе, невольно протянетъ ветхую суму, наполняющуюся скоро деньгами, хлѣбомъ, одеждою. *Атаманъ* говоритъ съ простымъ Казакомъ какъ съ братомъ, а заключенный при наступленіи торжественнаго дня увѣренъ, что завтра онъ не будетъ болѣе страдать и что великодушіе заплатя его долгъ отворитъ двери его тюрьмы. Какъ послѣ этого каждому не радоваться? И этотъ день, столь счастливо

начинаемый, кончается также по возможности пріятно. Городскіе дома освѣщаются, изъ оконъ слышна музыка, видны мѣлькающія пары, раздается живой разговоръ пирующихъ, а деревни также не молчатъ: весь день качели скрыпятъ на желѣзныхъ кольцахъ, возносся высоко молодежь и вдругъ бросая ее къ самой землѣ; дѣти бьются на кулачки, безпощадно колотя другъ друга и смѣясь сквозь невольно текущія слезы, получаемымъ ударамъ; старость, собравшись въ кружокъ около нѣсколькихъ бутылокъ меда, поговариваетъ о былломъ, сравнивая его съ настоящимъ и хвастаясь подвигами, украшенными очень часто замысловатою выдумкою, а дѣвушки обнявшись руками или ходятъ плавными хороводами, напѣвая голосистыя пѣсеньки, или бросаются мячами, бѣгая быстрѣе серны за упавшими игрушками, а иногда забавляясь въ *Кулючки*. Знаете ли что это значитъ? Такъ называется игра, въ которой дѣвушки раздѣлясь на двѣ партіи по парамъ

прячутся и точно также ищутъ другъ друга. Можете себѣ вообразить какой бываетъ смѣхъ, когда двѣ молодицы, отыскивая своихъ подругъ за кустами, зацѣпятъ за вѣтку или проворныя дѣвушки, желая поболѣе помучить искательницъ, ловко перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто такъ что не успѣютъ бѣдняжки заглянуть за березу, гдѣ подсмотрѣли синій кобенякъ, а онъ ужъ кричитъ: ау! изъ за противоположнаго куста; туда побѣгутъ, а шелковая рубашка другой подруги мелькнула за частоколомъ. Ну такъ что изъ силъ выбьешься! А зрителямъ тото и весело, тому то они и смѣются! Часто любопытная луна застаетъ *Казаковъ* въ этихъ занятіяхъ, но они не примѣчаютъ ея присутствія и только ночной, рѣзкій холодъ загоняетъ ихъ домой, гдѣ долго еще слышится и смѣхъ и пѣсни и музыка.—

Какой нынче у насъ мѣсяцъ? Іюнь, да это обыкновенный мѣсяцъ *Троицкихъ Святокъ на Донской землѣ;* завтра же должно идти смотрѣть какъ *Козаки* гу-

ляютъ по водѣ, по тихому *Дону* и какъ вѣнчаютъ они Царицу.

Май и Іюнь мѣсяцы, въ которые *козаки* предаются всей своей свободной жизни, когда забывъ всѣ труды и заботы они вспоминаютъ природную свою безпечность и едва луга опушатся зеленью и цвѣтами старъ и младъ выползаетъ изъ своего жилища, чтобы отпраздныватъ на воздухѣ *Троицкія святки.* Взгляните какъ живописно эти добрые люди расположились многочисленными и пестрыми группами по муравчатымъ коврамъ на поляхъ или подъ прохладною тѣнью дуба осѣняющаго хорошенькій садъ. Тутъ опять полная свобода старичкамъ перелетать на крылышкахъ неостывшаго воображенія въ золотое прошлое время, пировать на старинныхъ полевыхъ охотахъ съ храбрыми *Атаманами*, ѣсть ихъ хлѣбъ да соль, молодецки подстрѣливать дикаго свирѣпаго кабана и рѣзвую серну мелькавшую между деревьями, ликовать на всѣхъ праздникахъ и проч. и проч. Въ это время

конь оставлястся въ покоѣ, нагайка лѣниво спитъ подлѣ осиротѣвшаго кинжала и шашка прячется въ богатыхъ ножнахъ, борона забыта, овцы, какъ дѣти къ новой игрушкѣ, бѣгутъ на новую зелень и поселяне располагаются съ семействами по лугамъ, долинамъ и полямъ. Вотъ подъ этою грушею расположилась молодежь и изъ ея зеленыхъ вѣтьвей перемѣшанныхъ съ полевыми цвѣтами плетутъ вѣнокъ для *Царицы*, т. е. для той красивой дѣвушки, которая, потупя черныя очи и закраснѣвшись отъ стыдливости, присѣла къ матери только изрѣдка поднимая глаза, чтобы выбрать ими добраго молодца, достойнаго наслѣдника этого вѣнца. Одна изъ подругъ поднесла ей бутылку меду и красавица, украсившись сельскою короною, съ *кандыйкою* или кружкою въ рукѣ подчуетъ медомъ каждаго по очередно и громкой хоръ сопровождаетъ минутную Царицу веселою пѣснью:

Грушица, грушица моя
Грушица зеленая моя;
Подъ грушею дѣвица стоитъ и проч:

Кого же теперь выберетъ черноокая дѣвица себѣ въ наслѣдники? Долго прохаживается она въ нерѣшимости и вдругъ улыбнувшись снимаетъ вѣнокъ, приближается къ столпившейся молодежѣ съ нетерпѣніемъ ожидающей ея рѣшенія и вѣнчаетъ молодаго красиваго парня роднаго брата своего. Вотъ и изчезла въ толпѣ бывшая Царица, она опять сдѣлалась простою *Казачкою* и теперь уже присоединяетъ свой звучный голосъ, къ прочимъ голосамъ воспѣвая брата, молодаго Царя.

Взгляните же на *Донъ*, шумящій у самыхъ вашихъ ногъ: онъ нынѣшній мѣсяцъ наполненъ полой т. е. высокой воды и его зеленые островки, выглядывающіе изъ подъ зеркальной поверхности, покрыты пирующими или обставлены лодками съ разноцвѣтными зонтиками, по здѣшнему *Кандолетами*, которыя высадивъ на островки счастливыхъ

Казаковъ плывутъ съ надутыми парусами на другой берегъ за другими гуляками. Слышите ли веселые звуки *Донскихъ пѣсенъ*, слышите ли игривый звучный напѣвъ родной пѣсни:

Золотой, тихой Донъ и проч.

Какая пріятная сельская картина! Сколько въ ней простыхъ красотъ, какъ она разнообразна, игрива! Добрые *казаки!* съ какимъ наслажденіемъ упиваетесь вы удовольствіемъ на этой роскошной зелени, какъ живо ваши игры вспоминаютъ намъ пастушескую жизнь, когда искуство не вмѣшивалось въ веселье человѣка и одна природа доставляла имъ его. На лугахъ, въ своихъ сельскихъ играхъ *Казакъ* дѣлается добрымъ, простодушнымъ крестьяниномъ, но подведите ему коня, дайте въ руки нагайку, ружье черезъ плечо и укажите на дикую серну какъ вашъ *Донецъ* вспомнитъ бывалое, въ немъ разъиграется прадѣдовская кровь и онъ, бросивъ луга и игры

съ жадностью вскокнетъ на коня, плеть разрѣжетъ воздухъ, бѣгунъ взовьется и *Казакъ* не цѣлясь съ одного удара убьетъ серну; покажите ему монету, лежащую на землѣ, онъ броситъ поводья, вышколенный конь полетитъ какъ изъ лука стрѣла, а господинъ его, завидя цѣль своего бѣга, вдругъ представится падающимъ такъ, что вы невольно вскрикнете и подхвативъ на всемъ скаку монету принесетъ ее вамъ нимало не останавливая лошади. Случись нужда въ добрыхъ солдатахъ и *Казакъ* оставивъ соху, оставивъ домъ, жену и дѣтей обуздываетъ удалаго Донца, запасается ружьемъ, пикой, парой пистолетовъ, заботливая мать накладываетъ въ походную суму *толчи* изъ сухарей или сухой рыбы, а иногда добрый кусокъ *бужинины* т. е. бараньяго или козлинаго мяса, высушеннаго на солнцѣ, жена увязываетъ въ сѣдельную подушку походное бѣлье и *Казакъ* отдавъ себя въ покровительство *Св. Чудотворца Николая*, летитъ на поле брани сражаться за Ца-

ря и за милое отечество. Въ походѣ ему все трынъ-трава, *Казакъ* не привыченъ нѣжиться и на постояхъ сѣдло служитъ ему подушкою митюкъ или войлокъ заступаетъ мѣсто постели, на которой удалецъ, завернувшись съ сѣрую шинелъ съ краснымъ воротникомъ, часто спитъ гораздо крѣпче, чѣмъ многіе богачи на своихъ пуховикахъ и перинахъ; *Казака* убаюкиваетъ военная пѣснь товарища, воспоминаніе о родинѣ навѣваетъ сладкіе сны, а барабанный бой пробуждаетъ призывая къ побѣдѣ и славѣ.—На *Донской землѣ* многое очень многое перемѣнилось. но главное основаніе характера ея жителей т. е. привязанность къ Царю, храбрость и любовь къ отечеству не только не изчезли, но еще усилились. Говорятъ, что *Казакъ* не отправится въ походъ безъ горсточки родной земли, тщательно увязанной въ мѣшечекъ и носимой имъ на груди для того, что по его словамъ слаще умирать прижимая къ сердцу эту завѣтную горсточку; въ ея присутствіи ему пріятнѣе ис-

пускать послѣдній вздохъ воображая, что онъ лежитъ на родной сторонушкѣ.

Донская земля есть, такъ сказать военная кладовая Россіи, откуда выводятъ солдатъ, если они ей потребуются и эти солдаты своею ловкостью, зоркостью и рѣдкою способностью къ военному искуству весьма бываютъ ей полезны. Однако возвратимся къ нашему хозяину отдохнуть немного да перекусить чего нибудь, а тамъ пустимся гулять по городамъ да по станицамъ, потомъ проѣдимъ въ *Астрахань*, а тутъ недалеко и до *Кавказа*.

Когда мы вошли, то все семейство нашего *Козака* дружно *вечеряло* т. е. по нашему ужинало, пѣсни по улицамъ умолкли, хороводы разошлись старики, а хваставшись досыта, разбрелись по домамъ а балалайка пробренчавъ казачка и заставивъ попрыгать живыхъ и веселыхъ молодцовъ по прежнему повисла на гвоздикѣ окутанная въ красную *козацкую* шапку, солнце спряталось и *Донская земля* приго-

товилась ко сну. Присоединимся и мы къ семейству нашего хозяина и раздѣлимъ съ нимъ его солдатскій, какъ онъ говоритъ, столъ. Не хотите ли попробовать этого *ремчука*, приготовленнаго нашею хозяюшкою изъ молока, а *Татарская буза* какъ вамъ нравится? *Ремчукъ* вамъ не по вкусу, такъ отвѣдайте *сюзьмы*, любимаго кушанья *Казаковъ*, также сдѣланнаго изъ молока или *крута* или *мандрыки;* неправдали что эта козлятина очень хорошо сжарена, но она немного жирна и потому я совѣтую вамъ запить ее медомъ или виномъ, которое нарочно поставили на столъ, чтобы насъ, угостить; а! вы ищете глазами Русскаго кваса или по краней мѣрѣ пива;—напрасно, ихъ не найдете вы на *Казацкомъ* столѣ, гдѣ перемѣшавъ напитки и кушанья Русскія съ *Малороссійскими* до сихъ поръ еще не ввели въ употребленіе это здороваго и вмѣстѣ вкуснаго Русскаго напитка.—Когда пьютъ здѣсь вино, то иногда по старой памяти провозглашаютъ вотъ такъ тосты: *Здравствуй*

Царь Государь въ Кременной Москвѣ, а мы Донскіе Козаки на тихомъ Дону. Или: *Здравствуй, войско Донское съ верху до низу и съ низу до верху.*

Ахъ! какая все дурная дорога! Какая тряская, безпокойная, куда не оглянись вездѣ безводная степь, а если случится наѣхать на какую нибудь деревню гдѣ въ станціи, состоящей изъ одной избы безъ двора и огорода на вопросъ: »Нѣтъ ли чего нибудь поѣсть, то получаешь вѣчно одинъ отвѣтъ:» ничего нѣтъ. »Насилу то появились горы, наконецъ *Донъ* потекъ по игривѣйшей странѣ, наконецъ выглянули домы и ихъ присутствіе не много оживило утомленнаго путника. Вѣрно мы въѣдимъ теперь въ хорошій, большой городъ, судя по этимъ прекраснымъ *тріумфальнымъ* воротамъ, по этой длинной плотинѣ и плывучему мосту; да, точно мы въѣзжаемъ въ единственный городъ *Донской земли*, гдѣ основана *Войсковая Канцелярія*, но взгляните какъ наружность бываетъ обманчива: въѣздъ въ *Новочеркаскъ* намъ

столько обѣщалъ и чтоже мы вдругъ видимъ: очень посредственный городокъ, выстроенный на горѣ, на которой лишь только поднимаешься, большое совершенно пустое мѣсто, отгороженное рѣшеткою, бросается первое въ глаза и когда вы спросите на что назначено это пространство, то вамъ отвѣтятъ: »здѣсь будетъ общественный садъ.» Но когда же онъ будетъ? За этимъ будущимъ общественнымъ садомъ тянется рядъ разнокалиберныхъ домовъ безъ воротъ и заборовъ и между ними отъ времени до времени являются незастроенныя еще мѣста. Со временемъ когда Соборъ этотъ окончится, когда площади и улицы украсятся зданіями, *Гостиный дворъ*, *Гимназія*, *уѣздное Училище*, *почтовая контора* и многіе заводы не будутъ торчать какъ остовы посреди незастроенныхъ пространствъ, но перемѣшаются съ новыми строеніями, тогда *Новочеркаскъ* можно будетъ назвать хорошимъ городомъ, потому что его возвышенное положеніе и *Донъ* величаво его обтека-

ющій даютъ ему очень пріятный видъ, къ тому же въ Октябрѣ здѣсь бываетъ ярмарка и стеченіе народа въ это время могло бы много способствовать его торговлѣ, но должно думать, что мы скоро увидимъ *Новочеркаскъ* въ такомъ видѣ, потому что въ Россіи, по словамъ простолюдиновъ, города ростутъ какъ грибы, и такъ въ этой пріятной надеждѣ, запасясь съѣстными припасами, мы оставимъ *Новочеркаскъ* и отправимся далѣе.

Здѣсь дорога дѣлается гораздо глаже, да и виды пріятно мѣняются, то представляя глазамъ холмистое мѣстоположеніе, дышущее свѣжестью, то проводя между разнообразными, красиво разбросанными по отлогостямъ деревнями, гдѣ раздаются веселыя пѣсни пастуховъ и землѣдельцевъ; прекрасныя поля и зеленые бархатные луга говорятъ намъ, что мы приближаемся къ южной сторонѣ *Донской земли*, столь щедро надѣленной отъ природы, гдѣ она живописно разнообразила свои дары и гдѣ мало по малу изчезаетъ все *Европейское*, замѣняе-

мое *Азіатскимъ*. Здѣсь намъ должно переправиться черезъ *Донъ*, но которую изъ этихъ многочисленныхъ лодокъ избрать, чьи услуги принять? Толпа гребцовъ съ грубыми лицами, съ рѣзкими чертами окружила насъ и громкимъ голосомъ требуетъ, чтобы скорѣе принимали ихъ предложенія. Вотъ наконецъ мы и на лодкѣ, бѣлый парусъ вздулся и носъ разрѣзалъ воду. Вы боитесь, вамъ кажутся очень страшными эти утлые челноки, колеблющіеся во всѣхъ направленіяхъ, но какъ же здѣшніе жители рѣшаются очень часто переплывать на нихъ *Азовское море*, какъ же въ старину храбрый *казакъ*, завидя непріятеля не обращалъ нималѣйшаго вниманія на непогоду и бросясь въ свою легкую ладью скакалъ по волнамъ, взлеталъ на ихъ хребтѣ, погружалася на дно, но все-таки достигалъ неосторожнаго врага? —

Куда плывутъ всѣ эти лодки, тяжело нагруженныя людьми, куда ѣдутъ эти возы, скрыпящіе подъ грузною ношею? Они плывутъ и ѣдутъ въ *Урюпин-*

скую станицу на ярмарку, бывающую тамъ ежегодно. Мимо, гребецъ, мимо, мы заѣдимъ только въ *Цымлянскую станицу*, гдѣ отвѣдаемъ извѣстнаго *Цымлянскаго* вина, а потомъ, погостивъ еще не много у *Казаковъ*, покороче съ ними ознакомившись, будемъ, продолжать наше путешествіе. Нынѣшній быть *Казаковъ* не имѣетъ въ себѣ почти ничего особеннаго, потому что они очень соединились съ Русскими своими обычаями и образомъ жизни, но старина представляетъ намъ множество презанимательныхъ подробностей и я, если вы хотите, раскажу вамъ кое-что изъ молодецкаго рыцарскаго быта прежнихъ *Донцевъ*. Хотите? Да, ну такъ слушайте:

Въ прежнее время *Казакъ* поставлялъ, какъ вы знаете, все свое счастье въ разгульной жизни, хорошей добычи, да въ полной свободѣ охотиться сколько молодецкой душенькѣ угодно только было, и бывало какъ *Атаманъ* созоветъ удальцевъ на полевую охоту, то всѣ жилки

въ нихъ такъ и разъиграются. Тутъ то вся молодежь толпами просится участвовать въ *гульбѣ* и число гулебщиковъ доходило до ста, а иногда и болѣе людей; въ это время тихій *Донъ Ивановичъ*, золотое дно, принималъ на свои свѣтлыя водушки легкіе челны Казацкіе, Донскія степи оглашались гарканьемъ удальцевъ, а дикіе звѣри, почуя, врага, тщетно прятались по лѣсамъ: быстрая нагайка какъ разъ нагоняла лукавую кумушку или быстроногую козу, *тарпанъ* (дикая лошадь) не находила убѣжища отъ злаго аркана, а свистунья пуля вездѣ находила барсуковъ, медвѣдей и кабановъ.

Весело было смотрѣть какъ вся толпа; играя пробными лучшими конями, богато взнузданными, шаля нагайками и сопровождаемая тысячью, а иногда и болѣе конныхъ *Казаковъ* выѣзжала за *Аталианолъ* въ чистое поле или къ *Кургану двухъ братьевъ*, обыкновенное мѣсто сборища охотниковъ. Длинная цѣпь *Казаковъ* обхватывала займище, а *Ата-*

*

манъ, взъѣхавъ на курганъ, окружалъ себя лучшими наѣздниками. Все молчало; звѣри, испуганные этимъ появленіемъ въ тихомолкѣ ожидали рѣшенія своей участи, но вотъ выстрѣлъ, два, три; стоящіе на цѣпи *Казаки* дѣлали тревогу и звѣри, встревоженные шумомъ, выбѣгали изъ лѣсовъ, бросаясь прямо на встрѣчу своихъ враговъ. Наѣздники мчались имъ въ слѣдъ, а *Атаманъ*, нѣмой зритель этого побоища, любовался какъ дикая и легкая серна, выбѣжавъ изъ гущи, летѣла быстрою стрѣлою закинувъ назадъ голову, какъ лихой *Казакъ* бросался ей на встрѣчу и мѣткою рукою, накинувъ арканъ на шею неосторожной, въ торжествѣ тащилъ свою добычу къ ногамъ *Атамана*; какъ свирѣпый вепрь роя клыками землю, ярясь и рыча выбѣгалъ изъ камыша на лугъ, гдѣ толпа *Казаковъ* давно уже ждала милаго гостя; пистолеты заряжены, пули взвились, но дикарь только что раненъ: боль придаетъ ему еще болѣе остервенѣнія, онъ порывается броситься на охотниковъ, въ

оторытомъ зѣвѣ клубится бѣлая пѣна и по землѣ потянулся длинный кровавый слѣдъ; проворные гулебщики, предвидѣвшіе ярость звѣря, искусно уклоняются отъ его частыхъ ударовъ, но вѣрный выстрѣлъ изъ винтовки попадаетъ прямо въ цѣль и когда дымъ разнесясь по воздуху позволяетъ ясно различать предметы, *Атаманъ* съ довольною улыбкою видитъ, что вепрь, плавая въ крови, уже не страшенъ своимъ врагамъ; любилъ онъ смотрѣть какъ добрый конь попрашивая поводья летѣлъ за сѣрымъ волкомъ, наполняющимъ лѣсъ своимъ воемъ, щелкая зубами и ощетиня шерсть, какъ поднятый чеканъ раздроблялъ голову дикаря и какъ легкая сайга въ ужасѣ искала спасенія въ своемъ быстромъ бѣгѣ, то останавливалась на минуту, то стремглавъ бросаясь снова. Когда же охотники, обрызганные кровью убитыхъ звѣрей, раненые и истощенные начинали говорить объ усталости, тогда *Атаманъ*, выбравъ тѣхъ изъ нихъ, которые всего болѣе отличились, приглашалъ ихъ на стаканъ зеленаго вина или крѣпкаго

меда и тутъ то открывалось обширное поле для хвастуна, тутъ то въ дѣйствіи разъигрывалась пословица: не любо не слушай, а лгать не мѣшай, тутъ заваривается пиръ горой: величественный *кругликъ* или пирогъ, начиненный перепелками и мясомъ, возвышался посреди холодныхъ *лизней* (языковъ), студеней, лебедей, гусей, какъ отецъ между дѣтками; а послѣ него являлись на столѣ дымящіеся щи, похлебки изъ курицы съ сарачинскимъ пшеномъ и изюмомъ, борщь *морква* т. е. супъ изъ баранины съ морковью; смиренно выглядывали *шурубарки* или утки изъ за огромныхъ жаркихъ; тамъ ягненокъ, искусно поставленный на ноги на огромномъ блюдѣ затѣйливымъ поваромъ только кажется и ожидалъ, чтобъ ножъ ѣдока, воткнувшись въ шею бѣднаго мертвеца уронилъ его посреди рубленнаго чеснока и огурцовъ, здѣсь дикая утка, вылетѣвшая изъ лѣсу, можетъ быть, чтобъ накормить птенцовъ своихъ, встрѣтила смертоносную пулю и теперь бѣдняжка подвер-

нувъ головку подъ крылышки, обращаетъ на себя глаза всѣхъ гостей, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ, чтобы *Атаманъ* подалъ примѣръ къ ея осадѣ. Далѣе разставлялось множество блюдъ съ жареными птицами, курицами и каждый бралъ, что ему было угодно. Когда же *блинцы*, *лапшевникъ*, *уре* (каша изъ пшена на кисломъ молокѣ приготовляемая) абрикосы, персики, виноградъ, вишни изчезали съ блюдъ во ртахъ ѣдоковъ, то прислужники, подносившіе вино и медъ между каждою перемѣною, опять начинали подчиваніе; *Атаманъ* вставалъ со стула и взявъ стаканъ въ руку громко провозглашалъ тостъ: «*Здравствуй Царь Государь въ Кременной Москвѣ, а мы Донскіе Козаки на тихомъ Дону.*» При этомъ возгласѣ каждый невольно осушалъ кружку такъ, что очень часто, выпивъ за здоровье *Донскаго войска* со словами: *Здравствуй Войско Донское съ верху до низу и съ низу до верху*» за здравіе *Атамана* и каждаго изъ гостей поочередно, многіе выходили изъ за сто-

ла очень въ веселомъ расположеніи духа, съ новою бодростью принимались за хвастовство и наконецъ распѣвая шумныя пѣсни про добрыхъ коней, да про поле чистое, садились на лошадей и разъѣзжались по домамъ, наслаждаясь на другой день воспоминаніемъ какъ вчера погуляли съ отцемъ *Атаманомъ*. Изъ этого вы видите, что предки *Донцевъ* любили хорошо поѣсть и попить, впрочемъ и потомки ихъ не прочь отъ этого удовольствія и до сихъ поръ *Казакъ* любитъ имѣть на столѣ *утку съ чесноколъ*, жирныя *шурубарки*, добрые Русскіе *щи* и вкусное *уре*, перенятое отъ *Татаръ*. Вообще вся жизнь стариннаго *Донца* отъ малолѣтства до старости основывалась на воинствености: младенецъ получалъ на зубокъ пику, пулю, ружье, юноша все воспитаніе свое ограничивалъ зоркостью, мѣткостью, да искуствомъ управлять конемъ, а старецъ умирая требовалъ, чтобы на могилѣ возлѣ креста положили его пику, ружье, шашку и нагайку. Про *Казака* говорили что: *онъ рождался на конѣ и ули-*

раль на нем же. Всѣ ихъ привычки, всѣ обычаи носили воинственный характеръ такъ, что даже въ играхъ молодежь любила да и любитъ еще выказать свое удальство, стрѣляя въ цѣль, или перегонялась на *Донскихъ* бѣгунахъ или хвастаясь силою и ловкостью перекидываться кольцомъ, ловить на всемъ скаку брошенный мячь, попадать въ цѣль не прицѣливаясь и проч. и проч. Однако мы заговорились и не примѣчаемъ, что *Волга*, опять родная *Волга* замѣнила тихій *Донъ*, что многолюдство зашумѣло вмѣсто молчаливой степи и что древняя, дышущая воспоминаніями *Астрахань*, выглянула изъ за рѣки привѣтливо смотрясь въ ея воды своими изъ виноградныхъ лозъ сплетенными аллеями, своимъ высокимъ *Адмиралтействомъ* говорящимъ намъ о Петрѣ, своею зубчатою стѣною называемою по-сходству *Кремлемъ*, изъ за котораго величественно высятся Соборъ и другія Церкви, своею красивою набережною, вѣчно кипящею народомъ и своими пре-

лестными окрестностями, украшенными виноградными садами, которымъ, къ большому сожалѣнію, не даютъ рости въ полной свободѣ, но переплетаютъ его въ видѣ павильоновъ, что весьма много отнимаетъ красы у этого прелестнаго кустарника.

Астрахань очень древній городъ; здѣсь свирѣпствовалъ Батый, здѣсь *Іоаннъ Грозный* показалъ *Татарамъ*, что пришло ихъ время покоряться, здѣсь Петръ являлся, чтобъ подать руку помощи ослабѣвшей торговлѣ, здѣсь онъ основалъ это Адмиралтейство и черезъ нѣсколько времени любовался *Волгою*, покрытою барками, судами и лодками. И въ самомъ дѣлѣ какъ не полюбоваться разнообразнымъ, дѣятельнымъ зрѣлищемъ представляющимся *Астраханью*. Взгляните на рѣку: она кипитъ народомъ, собравшимся сюда кажется изъ всѣхъ угловъ вселенной: вотъ *Индѣецъ*, шедшій въ свою *пагоду*, остановился взглянуть какъ закидываютъ сѣти, вотъ неуклюжій *Калмыкъ* надзираетъ за от-

правленіемъ его скота на барки и вмѣстѣ съ удивленіемъ слушаетъ Русскаго рыбака, расхваливающаго ему пойманную севрюгу, не понимая какъ можно находить вкусъ въ рыбѣ, далѣе два *Черкеса* заговорились объ чемъ то съ большимъ жаромъ, а вотъ степенный *Грузинъ* съ важнымъ видомъ торгуется съ угрюмымъ *Татариномъ*. Какое разнообразіе! Какая пестрота въ одеждѣ, какое собраніе всевозможныхъ нарѣчій! А *Каспійское море*, стелющееся тамъ за *Волгою* какъ синеватая пелена, а окрестныя деревни, утопающія въ ея водахъ, а смѣшеніе Церквей, мечетей, пагодъ, а нестройные ряды лодокъ, управляемыхъ сильными загорѣлыми *Калмыками*, не составляетъ ли все это разительной картины, невольно удивляющей путешественника отпечаткомъ чего то *Азіатскаго*, потому что здѣсь все Русское смѣшалось съ иностраннымъ и самая *Волга*, принявъ *Калмыцкое* названіе *Иджиль*, потекла въ чужое море.—*Астрахань* особенно поддерживается рыболовствомъ, производимымъ здѣсь съ та-

кимъ успѣхомъ и мы, ознакомившись съ самимъ городомъ, отправимся взглянуть на славные здѣшніе учуги и на ловлю, гдѣ такъ много отличаются своею ловкостью рыбаки.

Взглянувъ на *Кремль*, котораго крѣпкія зубчатыя стѣны вспоминаютъ намъ святую *Москву*, завернувъ въ Соборъ красивой архитектуры, которая была бы у мѣста и въ одной изъ столицъ, посѣтивъ Архіерея, котораго домъ возвышается въ *Кремлѣ* и отличается своею красотою отъ прочихъ *Астраханскихъ* зданій, зайдя наконецъ въ *Армянскую Церковь*, гдѣ великолѣпіе убранства показываетъ вѣру сыновъ ея, мы непримѣтно дойдемъ и до *Индѣйскаго двора*, зрѣлища весьма любопытнаго для наблюдателя. Тутъ всѣ *Индѣйцы*, переселившіе сюда изъ *Азіи*, вѣроятно по торговымъ обстоятельствамъ, составили небольшую колонію, выстроили себѣ рынокъ и въ немъ сидя на низкихъ диванахъ, поджавъ ноги и покуривая трубки, торгуютъ очень успѣшно. Не хотите ли купить у

нихъ этой матеріи, а эти шали какъ вамъ нравятся, а кисеи, не правдали, что сестрицы ваши очень хотѣли бы имѣть такое платье. Но чу! звонитъ колокольчикъ, бьетъ тимпанъ и въ ту же минуту *Индѣйскій дворъ* пустѣетъ. Куда же ушли всѣ торговцы? На вечернюю службу въ пагодъ или капище. Не хотите ли взглянуть на это новое идолослуженіе? Видите ли это углубленіе въ видѣ большой ниши, завѣшенной кускомъ шелковой ткани; передъ нею на столикѣ лежитъ кадило, а на лѣвой сторонѣ виситъ лампада, горящая денно и нощно передъ кумирами.—На стѣнѣ развѣшено множество колокольчиковъ, а на полу лежатъ тимпаны, у дверей эстрада и на ней толпа молящихся поджавъ ноги на коврахъ въ величайшемъ молчаніи ожидаетъ начала служенія. Вотъ *Индѣецъ* въ широкомъ и длинномъ нижнемъ платьѣ, въ туфляхъ, въ тонкой бумажной рубахѣ, прикрытой длиннымъ кафтаномъ и въ остроконечной очень похожей на кеглю шапкѣ, надѣтой на бри-

тую голову и съ особливымъ знакомъ на лицѣ, сдѣланнымъ шафранною мазью, выложенный золотыми дощечками и показывающій набожность этого человѣка, подходитъ къ колокольчику, звонитъ нѣсколько разъ, двое товарищей его ударяютъ въ тимпаны и шелковая занавѣсъ, отдернувшись передъ нишей представляетъ нашимъ глазамъ нѣсколько рядовъ ступеней, уставленныхъ уродливыми идолами съ яркою позолотою и въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ одеждахъ. Одни изъ нихъ представляя вѣроятно власть одѣлены множествомъ рукъ, другіе, какъ покровители войны имѣютъ въ рукахъ мечи, а защитники Царскаго дома держатъ жезлы и на головахъ у нихъ надѣты богатыя чалмы, Передъ каждымъ истуканомъ стоитъ чашечка полная *Сарачинскаго* пшена и сверхъ того зажженны свѣчи. Начинается служеніе. *Дервишъ* иначе *Гузандій*, первосвященникъ *Индѣйскій*, отличающійся отъ *мірянъ* только чалмою и своею строгою жизнью, входитъ тихи-

ми шагами въ божницу, снявъ у входа туфли, становится лицемъ къ жертвеннику и между тѣмъ какъ молящіеся преклоняются передъ нимъ и цѣлуютъ его ноги, онъ про себя говоритъ на распѣвъ молитвы, иногда гремитъ ручными колокольчиками, соединяющими свои звуки съ колоколомъ паномаря и наконецъ когда всѣ міряне привѣтствовали идоловъ и его, когда они возвратились въ молчаніи на свои мѣста и тихимъ голосомъ повергаясь часто на землю и вздыхая начинаютъ повторять за нимъ его молитвы, *Гузандій* принимается за кадило, повертываетъ его вверхъ, внизъ прямо и кругомъ, что означаетъ воздуха освященіе, потомъ поочередно освящаетъ каждую стихію особенно: развернувъ поданное ему полотенце размахиваетъ имъ и кладетъ на прежнее мѣсто — это значитъ что *Гузандій* освятилъ землю, послѣ этого принимаетъ отъ служителя лампаду съ пятью свѣтильнями, зажигаетъ ее, наклоняетъ во всѣхъ направленіяхъ и передаетъ одному изъ предстоящихъ, ко-

торый подноситъ лампаду къ молящимся и каждый изъ нихъ нагрѣвъ ладони прикладываетъ ихъ къ лицу и глазамъ, а между тѣмъ *Гузандій* не перестаетъ молиться и когда окончивъ освященіе огня вручаютъ жрецу воду для подобной же церемоніи, онъ наливаетъ ее въ чашу, стоящую въ углу, дѣлаетъ надъ нею разные знаки и наконецъ окропляетъ предстоящихъ. Вотъ пѣніе умолкло, глубокое молчаніе воцарилось на его мѣстѣ, и каждый изъ *мірянъ* почерпнувъ рукою воды изъ чащи ему подносимой натираетъ ею глаза и голову. Теперь начнутся молитвы за здравіе Государя, за его народъ и за всѣхъ молящихся, потомъ *Индѣйцамъ* будутъ разносить сухой виноградъ, фисташки, а намъ подадутъ сженный сахаръ.—Тогда все придетъ въ прежній порядокъ: идолы скроются за занавѣсомъ, свѣчи потушатся, сосуды осушатся, а *міряне*, облобызавъ еще разъ ноги *Гузандія*, разойдутся въ разныя стороны по своимъ домамъ.

Этотъ народъ переселился сюда со временъ Петра и находя *Астрахань* удобнымъ мѣстомъ для торговли, а также по природѣ не любя часто переселяться они составили здѣсь общество и теперь можно полюбоваться благоустройствомъ ихъ небольшихъ жилищъ: тюфяки и скамьи—вотъ вся ихъ мебель, но вообще любятъ во всемъ чистоту: вы никогда не увидите, чтобы *Индѣецъ* ѣлъ и пилъ изъ одной чаши съ другимъ или курилъ бы изъ одного кальяна, нѣтъ у каждаго есть своя посуда и даже рѣдко они варятъ себѣ пищу въ одномъ котлѣ. Посѣтимъ этого купца, предлагающаго намъ съ обыкновенно важнымъ видомъ раздѣлить съ нимъ его *плов* или *Сарачинскую* кашу съ изюмомъ, шафраномъ и коровьемъ масломъ, отвѣдать жареной дыни и выпить чашку кофе. Его лавка, обвѣшенная пестрыми, бумажными, шелковыми и другими тканями, ситцами, катунами и прочими *Азіатскими* товарами, служитъ ему и спальнею и столовою и гостиною. За-

хочетъ ли онъ обѣдать, длинной тюфякъ служитъ диваномъ, а скамья столомъ, послѣ обѣда начинаетъ ли его клонить, сонъ, онъ подкладываетъ подъ голову одну подушку и сладко засыпаетъ, заверн-нутъ ли къ нему гости (что впрочемъ очень рѣдко случается, потому что *Индѣйцы* любятъ одиночество), тотъ же тюфякъ принимаетъ посѣтителей, которые чинно усѣвшись поджавъ ноги въ глубокомъ молчаніи, курятъ табакъ или попиваютъ кофе.

Ну, вотъ мы и отдохнули благодаря нашему молчаливому, но не менѣе того гостепріимному хозяину и теперь пойдемте снова шататься по улицамъ *Астрахани*. Кого только здѣсь не увидишь? Посѣщая этотъ городъ можно право вообразить, что всѣ народы дали себѣ слово свидѣться въ здѣшнихъ мѣстахъ: и *Черкесы* и *Калмыки* и *Татары* и *Русскіе* и *Индѣйцы* и *Казаки* и *старые знакомцы Черемисы* и *Грузинцы* и *Персы* и *Армяне*, и *Чуваши*, и *Греки* и *Малороссіяне* и ..... да всѣхъ не перечтешь.

тешь; довольно сказать, что весь шаръ земной прислалъ сюда изо всѣхъ угловъ по нѣсколько жителей такъ что *Астрахань*, очень мало населенная сама по себѣ, сдѣлалась многолюднѣйшимъ городомъ, да и не трудно впрочемъ! взгляните только на ея выгодное положеніе для торговли, на эту широкую *Волгу*, столькими рукавами стремящуюся въ *Каспію*, на Губерніи ее окружающія, на сосѣдство съ *Азіею* и послѣ этого трудно ли что она вся предалась промышленности, забывъ изъ за нее даже обстроивать себя и украшать хорошими зданіями.—*Калмыкъ!* причаль—къ намъ свою лодку, мы поплывемъ по быстрому *Иджилю* взглянуть на вѣчный огонь *Парсовъ* и на столь извѣстные *Астраханскіе* учуги. Двѣнадцативесельная лодка, движимая сильными руками *Калмыковъ*, подплыла къ намъ, занявъ мѣсто тяжелаго судна, отправляющагося съ сухою рыбою во внутреннія губерніи, мы помѣстились въ ней и скоро берегъ далеко остался за нами, *Астрахань* съ *Кремлемъ*, Со-

боромъ и шумящею, пестрою пристанью началъ тонуть въ свѣтлыхъ водахъ и мы, предавшись своенравной стихіи, плывемъ быстро и легко прямо къ морю, посреди *Казацкихъ* станицъ, раскинутыхъ тамъ и сямъ, *Калмыцкихъ* степей, зеленѣющихъ въ отдаленіи и *Татарскихъ* деревень, полныхъ жителей, прилежно занимающихся пчеловодствомъ.

Астраханскія обширныя степи, стелющіяся по обѣимъ сторонамъ *Волги*, служатъ главными мѣстами кочеванія *Калмыковъ*, которые здѣсь, какъ и въ *Саратовской* губерніи, занимаются очень много разведеніемъ рогатаго скота, которымъ питаются и промышляютъ, а много по бѣдности нанимаются у *Астраханскихъ* рыбаковъ или дѣлаются лодочниками, перевощиками и вообще народъ этотъ, одаренный отъ природы очень крѣпкимъ сложеніемъ, большою силою и умомъ, весьма полезенъ въ многихъ работахъ *Астраханскимъ* промышленникамъ, умѣющимъ въ пользу употребить свое сосѣдство съ нимъ.

Вообразите, что *Каллыкъ* можетъ цѣлый день безъ отдыха и пищи работать веслами не чувствуя ни малѣйшей усталости даже въ самую ужасную непогоду, во время которой *Волга* превращается въ настоящій *адъ*, потому здѣсь вы часто услышите, что говоря про *Каллыковъ* ихъ назовуть *водяными лошадьми*. Это необыкновенная сила происходитъ вѣроятно отъ ихъ кочевой жизни, отъ природной страсти къ борьбамъ и также отъ здороваго климата. Болѣзни у нихъ рѣдкость и только изрѣдка посѣщаетъ ихъ *тургунъ—киликъ* (шелковая рубашка); такъ называютъ они корь и вообще сыпи, но появленіе *Гелюнга* и ее уничтожаетъ. Вамъ это непонятно: но что же вы скажете, когда узнаете, что *Гелюнгъ*, замѣняющій здѣсь и лекаря, бывъ приглашенъ озабоченными родственниками больнаго взглянуть на страдальца, вооружается плетью и съ нею входитъ въ кибитку; сперва читаетъ какія то молитвы, потомъ приглашаетъ больнаго пожертвовать чѣмъ нибудь

Бурханамъ и вдругъ какъ будто придя въ какое то неистовство *дзархучей* т. е. ученый начинаетъ бить несчастнаго плетью, плевать ему въ глаза, царапать ногтями тѣло, увѣряя что этими способами вѣрно изгонитъ злаго духа, поселившагося въ страдальцѣ и причиняющаго болѣзнь, наконецъ измучивъ его порядочно, *Гелюнгъ* прописываетъ на-*Тунгузскомъ* языкѣ, употребляя вмѣсто бумаги деревянныя доски, вымазынныя сажею, саломъ и посыпанныя золою, а вмѣсто перьевъ тонкой камышь, заостренный на концѣ, различныя лѣкарства изъ травъ или декоктъ по здѣшнему называемый *такъ*, но особенно пользуютъ они больныхъ *зароль* или мускусомъ; но этимъ еще не ограничивается леченіе и *Гелюнгъ*, препоручивъ свою жертву покровительству всѣхъ *Бурхановъ*, дѣлаетъ глиняную небольшую куклу, всѣми средствами старается изгнать неотступнаго *Эрлика* (*дьявола*), но видя его мнимое упрямство наконецъ рѣшается принести ему въ жертву глиняную

куклу вмѣсто больнаго и тогда эрликъ, частью удовлетворенный по мнѣнію *Калмыковъ*, выходитъ изъ тѣла, а съ нимъ вмѣстѣ изчезаетъ и болѣзнь.—Еще смѣшнѣе видѣть, когда лукавый *Элчи*, т. е. медикъ, прельщенный какою нибудь драгоцѣнностью въ кибиткѣ богатаго больнаго, прибѣгаетъ къ хитрости, пользуясь ослѣпленіемъ и суевѣріемъ, чтобъ сдѣлаться обладателемъ драгоцѣнности: вообразите, что очень часто призванный въ *юрту* какого нибудь *Зайланга*, страдающаго ядовитымъ укушеніемъ чернаго паука, *Гелюнгъ* открываетъ ему съ таинственнымъ видомъ, что душа его уже разсталась съ тѣломъ, что она улетѣла очень далеко и если онъ не будетъ стараться умилостивить раздраженныхъ *Бурхановъ* богатыми жертвами, то жизнь, висящая уже на одномъ волоскѣ, покинетъ его на всегда. Каково слышать такія слова бѣдному страдальцу? Въ эту ужасную минуту онъ ничего не жалѣетъ, чтобы возвратить улетѣвшую душу, предлагаетъ все имѣніе свое въ пользу

идоловъ, одаряетъ щедрымъ образомъ обманщика Гелюнга и наконецъ хитрецъ, видя въ своихъ рукахъ прельстившую его вещь, начинаетъ призываніе, сперва играя на балалайкѣ, раскачиваясь, припѣвая, потомъ вышедши изъ *кибитки* дѣлаетъ видъ будто ищетъ дороги, по которой ушла душа, уговариваетъ ее возвратиться и пугаетъ ее встрѣчею съ волкомъ, съ *эрликомъ* и наговариваетъ множество тому подобныхъ глупостей. Во время этого шарлатанства должно взглянуть на больнаго, на лицѣ котораго изображается и боль, причиняемая болѣзнью и страхъ близкой смерти и надежда воротить душу; онъ безпрестанно освѣдомляется, имѣетъ ли успѣхъ призываніе *Гелюнга* и получаетъ обыкновенно въ отвѣтъ, что все идетъ очень хорошо, что душа склонилась на его просьбу и скоро возвратится въ прежнее свое жилище. Если онъ примѣчаетъ, что больной лучше себя чувствуетъ, то продолжаетъ передавать утѣшительныя свѣдѣнія, если же бѣднякъ все болѣе и болѣе слабѣетъ, если смерть подходитъ

уже къ нему, то хитрый *Элчи* принимаетъ на себя ужасный видъ, возобновляетъ свои просьбы къ душѣ и въ ту минуту какъ страдалецъ испускаетъ послѣдній вздохъ, *Гелюнгъ*, закрывъ руками лице, въ отчаяніи вскрикиваетъ: »*Эрликъ*, змѣй *эрликъ* укралъ его душу!» И такимъ образомъ, извинясь въ дурномъ успѣхѣ своего леченія неожиданнымъ появленіемъ *дьявола*, *Зархучей* не лишается награды, обѣщанной ему заранѣе. Мало ли еще къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ эти обманщики, цѣлью которыхъ есть обыкновенно желаніе получить богатый подарокъ и потому то у бѣдныхъ *Каллыковъ* они не пользуютъ и эти люди, сдѣлавшись больны, употребляютъ кое какія травы, пользоваться которыми научила ихъ сама природа, или выпрашиваютъ у *Гелюнга* кусочикъ отъ его одежды, предохраняющей, по ихъ мнѣнію, отъ смерти и всякаго несчатія.— Не отдохнуть ли намъ однако немного, я примѣчаю, что многихъ изъ васъ закачало колебаніе воды и такъ добрый

Каллыкъ, служащій намъ *кормчимъ*, причаль свою лодку къ этому берегу, мы выйдемъ, а лодочники, пользуясь этимъ минутнымъ отдыхомъ, перекусятъ что нибудь.

Вы вступили во владѣнія *Князя Тюменя*, происходящаго отъ того знаменитаго владѣльца, который въ 1812 году велъ *Каллыковъ* противъ *Французовъ* и имя котораго воспѣвается въ любимой военной пѣсни его народа. Около его *кибитокъ* толпятся *Зайсанги* въ длинныхъ и широкихъ изъ китайки дѣланныхъ *чапанахъ* (кафтаны), изъ подъ распущенныхъ полъ которыхъ виднѣются богатыя шелковыя, довольно узкія полукафтанья или бешмети, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ верхнюю одежду съ закидными рукавами, въ желтыхъ матерчатыхъ шапкахъ съ мѣховыми околышами и съ шелковыми кистями, краснаго цвѣта, на верхушкѣ; эти кисти, не только надѣваются для украшенія, но изображаютъ какой то религіозный символъ; длинные усы висятъ надъ губами

и сапоги съ чрезвычайно высскими каблуками составляютъ общую обувь *Калмыковъ*. День прекрасный и жители степи, выйдя изъ своихъ кибитокъ, расположились кто на лугахъ, кто около своихъ стадъ, кто закуривъ трубку, внимательно наблюдаетъ за двумя товарищами, играющими въ *панбиль*, игру, перенятую ими со времени сосѣдства ихъ съ Россіею, кто увлеченный пріятностью вечера погрузился въ сладкій сонъ, склонивъ отяжелѣвшую голову на мягкую траву, кто попивая крѣпкую *арьку* посматриваетъ на добычу двухъ силачей и иногда смѣхъ награждаетъ побѣдителя, заставляя разъигрываться самолюбіе побѣжденнаго. Женщины шьютъ, ткутъ, плетутъ рогожи, иныя напѣваютъ пѣсни, другія играютъ на балалайкахъ, третьи подслушиваютъ издали разсказы стараго *Калмыка*, окруженнаго молодежью, принимающею величайшее участіе въ судьбѣ богатыря, созданнаго воображеніемъ старика, по словамъ, котораго *батырской* или по нашему богатырской конь взбросивъ гриву

какъ на непроходимую стѣну взвился на дыбы и разомъ перескокнулъ черезъ цѣлый лѣсъ; дѣти нагія, съ трубками во ртахъ и съ бритыми головами, бѣгаютъ за овцами, кувыркаются по травѣ или привязанныя веревкою къ толстому дереву на четверенькахъ подползаютъ къ ныляющему костру, по глупости стараются схватить огонь и не успѣвая въ этомъ безразсудномъ желаніи, потому что привязь не пускаетъ ихъ, они наполняютъ воздухъ криками, зовя мать, которая занявшись слушаніемъ безсмысленной сказки и не примѣчаетъ дѣтскаго плача; кошма, которую она плела, выпала у нея изъ рукъ и она вся превратилась въ слухъ. Степенные *Калмыки* не принимаютъ участія въ такихъ забавахъ и все занятіе ихъ состоитъ въ перебираніи четокъ, куреніи и снѣ, но нѣкоторые однако, скучая сказками, борьбами и музыкою, ѣздятъ въ поле охотиться съ гончими собаками и балабанами, бродятъ по сосѣдственнымъ кибиткамъ, гдѣ угощаются *маханомъ* (мясомъ)

или *арькою*, иногда загоняютъ на водопой скотъ, но впрочемъ здѣсь вообще мущины очень мало занимаются работами и женщины исправляютъ обязанности не только своего, но и ихъ пола.— Чу! Играютъ трубы, бьютъ въ бубны, что это значитъ? То, что сегодня праздникъ *мацака*, т. е. 8-е *число, празднуемое обыкновенно троекратнымъ въ день богослуженіемъ* и что наступилъ часъ службы. Вотъ *Гелюнги* вышли изъ *кибитокъ* въ жертвенныхъ одеждахъ, состоящихъ изъ короткой краснаго цвѣта юбки, подпоясанной широкимъ желтымъ кушакомъ; подъ этимъ платьемъ надѣто красное безрукавное, не длиннѣе какъ до пояса одѣяніе, у котораго на бокахъ оставлены парчевыя полосы, а на спинѣ нашитъ такой же четвероугольный знакъ; съ лѣваго плеча подъ правую руку висятъ три покрывала желтаго и краснаго цвѣта, на головахъ надѣты красныя шапки въ видѣ вѣнцовъ, на острыхъ концахъ которыхъ изображены *Бурханы*, а сзади прикрѣплена чернаго шелку

коса, части которой лежатъ на груди и на плечахъ. Надъ ушами отъ этой же шапки развѣваются разноцвѣтныя парчевыя ленты. За ними молчаливою толпою слѣдуетъ народъ. Вотъ они подошли къ *Бурхане-орге* т. е. жилищу *Бурхановъ*, сдѣланному изъ точно такой же кибитки какъ и прочія, только нѣсколько пространнѣе; по старшинству слѣдуя одинъ за другимъ начали ходить около дома молитвы по теченію солнца, потомъ снявъ обувь вступаютъ въ *кибитку*, а народъ, продолжая ходить кругомъ *Бурхани орго*, не входитъ въ молельню и только издалека внимаетъ пѣнію и музыкѣ духовнымъ. Впрочемъ мущинамъ не воспрещенъ входъ въ *кибитку*, женщины же ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливаются заглядывать въ священную обитель. Полюбопытствуемъ и посмотримъ, что дѣлается въ ея нѣдрахъ. На первомъ мѣстѣ противъ дверей сдѣлано возвышеніе, на которомъ въ симметрическомъ порядкѣ, по старшинству разставлены *Бурханы*, ли-

тые изъ мѣди и жарко вызолоченные, за ними стѣны увѣшаны шелковыми тканями, на которыхъ видны такія же изображенія, писанныя *Китайскою* живописью; предъ возвышеніемъ на небольшомъ столѣ представляются серебренные, цвѣты, довольно искусно сдѣланные, а между ими *Тибетскія* курительныя свѣчи и множество небольшихъ серебряныхъ сосудовъ, полныхъ коровьяго и деревяннаго масла, меда, сарачинскаго пшена, пшеницы, муки, пряниковъ, сухихъ фруктовъ, и проч. Посреди же всего этого стоитъ большой серебренный сосудъ, украшенный павлиными перьями и содержащій въ себѣ *аршанъ*, т. е. священную воду, подслащенную сахаромъ и подкрашенную шафраномъ, которую составили, по *Калмыцкому* преданію, *Бурханы*, желавшіе передать безсмертіе роду человѣческому; но врагъ всего добраго, *Эрликъ* выпилъ эту воду, а на мѣсто ее налилъ какую то нечистоту. Увидѣвъ хитрый подмѣнъ *Бурханы* рѣшились выпить сами жидкость, не желая сдѣлать

землю безплодною, выплеснувъ ее куда нибудь; такой поступокъ не сдѣлалъ большаго вреда *Бурханамъ* и только одинъ изъ нихъ, неизвѣстно почему, остался съ синимъ лицемъ. Вотъ онъ тамъ въ углу возлѣ *Бурхана* съ серьгами въ ушахъ. Отъ возвышенія до самыхъ дверей протянуты кошмы и ковры, гдѣ расположилось все *Духовенство* и на которыхъ разложены духовные инструменты. Я назову вамъ нѣкоторые изъ нихъ: вотъ *хонхо* или колокольчики немного поменѣе почтовыхъ, вотъ *цангъ* или серебреныя блюда съ ручками назади, служащія вмѣсто литавры, вотъ *гандама* или небольшія трубы изъ человѣческимъ берцовыхъ костей, оправленныя въ серебро и обвитыя человѣческими же волосами, вотъ *дунгъ* большія морскія раковины въ серебрѣ и безъ него, а вотъ и набожная *машинка кюрдэ*, очень похожая на маленькій барабанъ, утвержденный на шпилѣ и приводящійся въ движеніе посредствомъ снурка. *Гелюнгъ* дергаетъ снурокъ, барабанъ вертится, а

съ нимъ вмѣстѣ и начертанныя въ немъ молитвы, такъ что этотъ легкой способъ молиться очень удобенъ для лѣнивыхъ *Калмыковъ*, которымъ все въ тягость.

Вступивъ въ *кибитку*, какъ мы уже видѣли, съ босыми ногами, *Гелюнги* снимаютъ шапки и взявъ каждый свой инструментъ располагаются на коврахъ поджавъ ноги, одни противъ другихъ въ двѣ линіи. — Что это такое тащатъ? Огромный ушатъ *буданы* или *Калмыцкаго* чая, мои милыя, изъ общей кухни для угощенія *Гелюнговъ*. Вотъ главный жрецъ, приблизясь къ ушату, вливаетъ небольшую частицу въ сосудъ и ставитъ передъ *Бурханами*, а теперь удовлетворивъ боговъ и самъ примется съ братьями за чай. Каждый *Гелюнгъ* взялъ особенную чашку, всегда носимую имъ при себѣ, наполнилъ ее *буданомъ* и препроворно выпилъ, такъ что служители съ половниками въ рукахъ ели-ели успѣваютъ наполнять сосуды; въ нѣсколько минутъ ушатъ опорожненъ, *Гелюнги* насыщены, служители вышли и теперь то начнется

настоящее богослуженіе, состоящее въ безпрерывномъ пѣніи и музыкѣ. Первое довольно согласно и благозвучно, хотя иногда охриплый и дрожащій голосъ изобличаетъ старость и неумѣніе, но второе .... не знаю можно ли найти до такой степени слухораздирающіе звуки: вы слышите въ одно время и громъ трубъ и стукъ литавръ и дребезжаніе колокольчиковъ; васъ поражаетъ вой, подобный клокотанью бури, душа ваша страждетъ отъ невыразимо непріятнаго вопля, *ганґалы* извлекающей стоны умирающаго изъ своей костяной внутренности, пронзительные звуки раковинъ, мѣшаясь съ ударами блюдъ, приводятъ васъ въ содроганіе. Въ ужасѣ, съ не пріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ этимъ оркестромъ и зажавъ уши вы выбѣгаете изъ *кибитки* на улицу, но еще долго вѣрный слухъ передаетъ вамъ слышанную за минуту музыку! .... Вотъ мы и на чистомъ воздухѣ, далеко отъ *Бурхани-орге*, въ обширномъ полѣ, одни, безъ свидѣтелей. Не помнимъ сами

какъ мы здѣсь очутились, но до сихъ поръ еще въ ушахъ нашихъ гремитъ эта дикая гармонія Удалимтеся отсюда и поищемъ далѣе развлеченія въ непріятномъ дѣйствіи, произведенномъ надъ нами Гелюнгами, лодка давно насъ ожидаетъ и вотъ мы уже опять въ ней плывемъ. Во время нашего пребыванія у *Каллыковъ*, кто то изъ васъ спросилъ у меня, отъ чего *Лама* ни разу не отправлялъ богослуженія, а всегда одни *Гелюнги*? Отъ того, мои друзья, что *Лама* совершаетъ богослуженіе очень рѣдко въ самые большіе праздники и показывается народу не иначе какъ несомый на богатыхъ носилкахъ, покрытыхъ лучшими коврами; при его появленіи всѣ падаютъ ницъ и поднимаются только тогда, какъ шествіе войдетъ въ *Бурхани орге*, гдѣ *Гелюнги* съ величайшимъ уваженіемъ принимаютъ своего Владыку, — *Ламу*, котораго суевѣрные *Каллыки* почитаютъ существомъ близкимъ къ богамъ и благо говѣніе ихъ къ нему доходитъ дотого, что проходя мимо его кибитки они поч-

тительно преклоняются до земли и во многихъ улусахъ даже по смерти *Ламы* жилище его со всею утварью и одеждою переносится на кочевкахъ вмѣстѣ съ *бурхани орге* какъ священная вещь и въ ней устроивается занавѣсъ, за которымъ, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, обитаетъ душа покойнаго *Ламы*. Въ разговорахъ не видишь какъ время идетъ и мы совсѣмъ не примѣтили, что пришлыли въ учугамъ, цѣли нашего путешествія. Это богатѣйшій учугъ *Калызякъ*, содержимый у Князей *Куракиныхъ* Гми *Сапожниковыми*; здѣсь *Волга* разлилась на 750 саженей и образовавъ такъ называемый *Волжской Архипелагъ* усѣялась многочисленными островками, поросшими кустарникомъ и высокою травою. Земноводныя птицы стаями летаютъ надъ рѣкою, вытаскивая изъ подъ поверхности отъ времени до времени небольшія рыбки, лисица выбѣжала изъ за дикаго куста и опустивъ хвостъ помчалась къ своему логовищу, сѣрый волкъ оскаливъ зубы засверкалъ крова-

выми глазами, но при видѣ огней, разложенныхъ рыбаками на берегу, защелкалъ, ощетинился и послѣдовалъ за кумушкой; сотни лодокъ стоятъ у пристани и нетерпѣливые рыбаки только и ожидаютъ минуты броситься на ловлю.

Учуги эти были устроены, какъ разсказываютъ, древними *Татарами*, желавшими преградить тѣмъ ходъ красной рыбѣ въ верхи *Волги*, гдѣ владычествовали Русскіе, но это злое намѣреніе превратилось въ нашу пользу и теперь *учуги можно назвать обширнѣйшими садками въ мірѣ*, садками, въ которыхъ производится безпрерывный ловъ рыбы, но два раза въ годъ онъ бываетъ особенно обиленъ, а именно весною, когда рыба идетъ метать икру въ прѣсную воду и осенью въ то время, какъ бѣлуга и осетръ ищутъ ямъ для зимованья, въ которыхъ онѣ и ложатся часто одна на другую.—Выйдемте на берегъ и посмотримъ на ловлю: сегодня будутъ *гролить* и *плавать* т. е. тревожить рыбу

и поднимать съ логовищъ. Пристань покрыта любопытными, каждый изъ присутствующихъ крестьянъ пришелъ взглянуть на успѣхъ сына, брата, внука, племянника, сколько бьется нѣжныхъ сердецъ подъ этими грубыми оболочками, какъ страхъ, надежда, опасеніе колеблютъ многихъ изъ этихъ людей. Вотъ знакъ поданъ и сотни лодокъ, оторвавшись отъ берега, полетѣли на добычу, на славу, а многія и на смерть, потому что ловля эта очень опасна. Взгляните съ какимъ вниманіемъ всѣ глаза устремились на быстро двигающіеся челны, сѣти погрузились въ воду, раздался дикіе крики рыбаковъ и огромные осетры, бѣлуги, севрюги, стерляди содѣлались жертвами своей неосторожности.—Испуганныя тревогою, поднятою промышленниками, онѣ выплыли изъ своихъ логовищь, бросались во всѣ стороны, ища спасенія и бѣдняжки попадались въ сѣти, а тамъ и подъ ножъ. О! какъ страшно бьется этотъ осетръ въ рукахъ побѣдителя, который выскочивъ съ легкостью на бе-

регъ, проворно и ловко нанесъ первый ударъ водяному чудовищу, но оно трепещетъ, въ немъ еще бьется сердце и кровь, хлынувшая изъ разрубленнаго носа, обагривъ руки крестьянина слилась алымъ ручьемъ въ *Волгу;* и вотъ возлѣ умирающей легла вторая, третья, четвертая, пятая, сотая подруга, смертоносный топоръ, управляемый сильною и привычною рукою, безпощадно падаетъ на головы уже полумертвыхъ рыбъ, а вѣрный товарищь его ножъ надрѣзавъ покрывалъ на минуту несчастную жертву красною пеленою; проворный крестьянинъ вытащилъ изъ нея жилы или хрящь и вязига, которую вы такъ любите въ пирогахъ, готова. Фи! Какъ это кровавое зрѣлище отвратительно и какую странную противоположность составляетъ оно съ хладнокровіемъ рыбаковъ и съ ихъ дикою веселостью при каждомъ счастливомъ успѣхѣ. Слышите ли какъ они беззаботно распѣваютъ убивая осетровъ и глядя съ какимъ то непонятнымъ удо-

вольствіемъ на судорожное трепетаніе бѣдняжки.

Такое зрѣлище наводитъ непонятную грусть, которую даже не могутъ развлечь ни веселые крики рыбаковъ при безпрестанныхъ успѣхахъ, ни игра воды, взволнованная плесканіемъ рыбъ, ни борьба чудовищъ съ своими преслѣдователями, борьба въ которой то сильный осетръ уцѣпясь за руку увлекаетъ рыбака въ рѣку, то проворный противникъ, подхвативъ рѣчнаго врага багромъ, быстро ударяетъ его по головѣ и зацѣпивъ крюкомъ за носъ съ торжествомъ выбрасываетъ на берегъ, гдѣ товарищъ его . . . . . но мы это уже видѣли; ни безпрестанная дѣятельность, царствующая около насъ и на водѣ и на сушѣ, ни бѣготня промышленниковъ изъ выходовъ т. е. погребовъ къ *Волгѣ*, отъ берега къ банямъ или западнямъ поставленнымъ для рыбы, не развлекаютъ насъ и мы распростимся съ учугами, только взглянувъ еще разъ, какъ этотъ молодой парень, увлекаемый огромною бѣлугою, борется съ сильнымъ

чудовищемъ! . . . Пожилая женщина въ ситцевомъ платьѣ и хорошемъ *Персидскомъ платкѣ* на головѣ со всѣми признаками чрезвычайнаго вниманія слѣдуетъ за движеніями рыбака и вдругъ съ ужасомъ вскрикиваетъ: »Батюшки! помогите! Онъ тонетъ!» — Это его мать; она увидѣла какъ сынъ ея долго переодолѣвая бѣлугу наконецъ началъ слабѣть, какъ рыба пользуясь этою благопріятною минутою съ новою силою дернула своего противника и онъ, потерявъ равновѣсіе не желая упустить изъ рукъ столь славную добычу, свернулся въ воду. Товарищи, занятые каждый своимъ ловомъ, при восклицаніи матери Ивана, бросились на помощь къ утопавшему и успѣли еще подплыть въ то время, какъ бѣлуга, чувствуя свое преимущество, погрузясь въ воду, потянула ко дну упрямаго рыбака, крѣпко зацѣпясь за его руку. Вотъ онъ и спасенъ однако и рыба не избѣжала смерти: ловкіе промышленники подхватили ее баграми, бросили въ лодку, а Иванъ схвативъ близъ

него лежащую колотушку, со словами: »Вотъ тебѣ злая лиходѣйка и подарокъ на новоселье» сильно ударилъ ее по головѣ такъ что она на минуту взмахнувъ хвостомъ, судорожно затряслась и протянувшись заснула. »Славная рыбка!» кричатъ рыбаки, осматривая бѣлугу, распростертую на землѣ съ разсѣченнымъ носомъ и раздробленною головою »Ай да Иванъ, говоритъ старикъ, проведшій всю жизнь на водѣ, знатную ты поймалъ копѣечку. Посмотри-ка тетка Афанасьевна, продолжаетъ онъ, обращаясь къ матери побѣдителя, вишь какую добычку схватилъ этотъ молокососъ! Шутка ли? Въ четыре конца рыбицу поймалъ! Эдакъ и у насъ новички не дѣлывали.» Я думаю, что словоохотный старикъ еще долго будетъ болтать, но мы оставимъ его въ покоѣ и завернувъ въ первую попавшуюся намъ въ глаза избу попросимъ хозяина ея рыбака раздѣлить съ нами прекрасную жирную уху, а потомъ сядемъ въ лодку да и поплывемъ къ берегамъ *Каспійскаго моря*. Много

видѣли мы чудесъ въ природѣ, но много намъ еще остается видѣть, и вы вѣрно не захотите при возвращеніи вашемъ домой сказать, что вы не посѣщали *Парсовъ* и не знаете, что такое *вѣчный огонь.*

Видите ли передъ вами этотъ синеватый пламенный столбъ, который то владычествуетъ одинъ на небѣ какъ благодѣтельный маякъ въ бурную ночь, то соединяясь съ подобными только меньшаго размѣра столбами окружаетъ себя ими какъ дѣтьми? Это то примѣчательное явленіе, къ которому теперь обращены наши мысли. Давно, очень давно, за нѣсколько сотъ лѣтъ, нефть, находящаяся во множествѣ на этомъ берегу, загорѣлась внезапно отъ молніи и этого столь обыкновеннаго случая было достаточно, чтобы заставить грубыхъ невѣжъ думать о существованіи боговъ въ томъ мѣстѣ. Язычество тогда владычествовала еще почти въ цѣломъ мірѣ и вотъ явились на *Апшеронской землѣ* огнепоклонники, иначе *Парсы*, которые,

посвятивъ себя служенію *Брамы*, отказались навсегда отъ всѣхъ суетъ мірскихъ и построивъ здѣсь храмъ поселились вокругъ своего мнимо священнаго огня. Вотъ ударили въ колоколъ на башнѣ, выстроенной надъ кровлею молельни и монахи полунагіе, худые и со всѣми признаками величайшаго благочестія вышли одинъ за другимъ изъ келей, устроенныхъ внутри стѣны, окружающей храмъ и вошедъ въ это четвероугольное зданіе съ плоскою кровлею, утвержденною на четырехъ столбахъ, изъ которыхъ вѣчно пылаетъ нефть, они простерлись передъ жертвенникомъ, устроеннымъ на серединѣ храма и служащимъ для безпрестаннаго содержанія огня, нѣкоторое время пребыли въ этомъ униженномъ положеніи, когда же раздался второй ударъ колокола, то поднявшись они важно вышли изъ храма и тѣмъ заключили свое моленіе.

Зачѣмъ эти два монаха, пронося мимо насъ корзину съ плодами, про себя повторяютъ безпрестанно: Брама, брама брама? Они умоляютъ свое божество не до-

пустить, чтобы иновѣрцы или *Сары — Гіауры* т. е. *Русые идолопоклонники*, своимъ присутствіемъ осквернили ихъ пищу. Посмотрите какъ этотъ *Парсъ* разсердился за то, что одинъ изъ нашихъ лодочниковъ хотѣлъ закурить свою трубку на томъ же огнѣ, на которомъ онъ кипятилъ воду; бормоча: »Брама« и нахмуривъ черныя брови онъ унесъ свой котелъ на другое мѣсто и какъ бы боясь, что *Сары-Гіауры* подмѣшаютъ ему что нибудь нечистое въ кипятокъ или бросятъ въ него кусокъ мяса, онъ подсѣлъ къ нему ближе, наложилъ травъ, изъ которыхъ приготовляетъ свою пищу и занялся варенiемъ, поглядывая на насъ изподлобья. Заглянемъ теперь въ ихъ кельи: эти каменные небольшіе домики, очень чисто, хотя и просто содержаны, бѣдности у нихъ не видно, но и роскоши нѣтъ ни малѣйшей, потому что они довольствуются только необходимымъ. Нефть пылаетъ въ каждомъ жилищѣ, но уже не какъ священное вещество, а какъ огонь, не-

обходимый для жизни, однако *Парсы* обѣдая никогда не забываютъ посвящать ему часть пищи, говоря, что тѣмъ дѣлаютъ угодное *Брамѣ*. Хорошенькій садъ доставляетъ труженикамъ пріятное развлеченіе, плоды его питаютъ ихъ, а густыя вѣтьви распространяютъ прохладу и тѣнь въ мѣстахъ, гдѣ вѣчно пылающій огонь дѣлаетъ воздухъ очень теплымъ. Сперва было гораздо болѣе *Парсовъ* на этой землѣ, но мало по малу они разсѣялись по Персіи и Индіи, такъ что теперь огонь нефтяный содержимъ только остаткомъ древнихъ *Гебровъ* или его поклонниковъ, пребывшихъ вѣрными своей прежней вѣрѣ и мѣсту, гдѣ по словамъ ихъ, самъ Брама положилъ ей основаніе.

Чего только нѣтъ въ Россіи? И воздухъ и вода и земля и огонь, надѣлили ее своими явленіями, какъ она величественна, прекрасна; правду сказалъ одинъ поэтъ этими стихами:

Какой величья видъ Россія намъ являетъ:
Концы земли она руками измѣряетъ,
Въ сіяньи сѣвера глава ея блеститъ,
У ногъ лежитъ Кавказъ и вѣчный огнь горитъ.

Опять быстрая *Волга* понесла насъ вверхъ по теченью, исчезли *Учуги* съ ихъ дикостью, умолкли крики рыбаковъ и вѣчный огонь какъ звѣздочка сверкаетъ въ отдаленіи, утопая въ морѣ, но вотъ выплыла *Астрахань* изъ рѣки съ своимъ великолѣпнымъ Соборомъ, зубчатымъ *Кремлемъ*, съ своими богатыми деревнями и шумливою, пестрою гаванью. Протолкавшись между рядами лодокъ, барокъ и кораблей, унизавшихъ берегъ, мы наконецъ причалили къ пристани, теперь выйдемъ изъ лодки и заплативъ *Калмыкамъ* за поѣздку, отправимся нанять дорожную карету, въ которой безопасно могли бы доѣхать до Кавказа. Для предосторожности отъ нападеній *Чеченцовъ*, мы не поѣдемъ мимо *Кизляра*, но послѣдуемъ дорогѣ вдоль *Каспійскаго* моря прямо на сѣверъ.

Кавказъ такъ разнообразенъ, такъ прекрасенъ, что мы не можемъ на него только взглянуть, а должны пристально, внимательно обсматривать каждую примѣчательность, знакомиться съ главнѣйшими племенами, любоваться прелестными, дикими ландшафтами тамошней природы, чтобы возвратясь могли сказать: »мы не даромъ ѣздили на *Кавказъ*.«

ГЛАВА III.

Кавказъ, Арменія, Грузія и Закавказье.

Кавказъ страна древняя, заглядывающая въ самое начало міра, страна, въ которой явились первыя малютки государства, гдѣ производились первыя слабыя войны, гдѣ родилось образованіе и гдѣ оно начало попирать невѣжество. Сколько земля эта перенесла бѣдствій, сколько испытала превратностей и теперь присоединенная къ гигантской Россіи, одѣляя ее своими богатыми произведеніями, населенная народомъ воинственнымъ,

безпокойнымъ, въ нѣдрахъ котораго начинаетъ уже по немногу свѣтлѣться Европейское образованіе и водворяться тишина, земля эта служитъ теперь великолѣпнымъ украшеніемъ нашего отечества и лучшимъ доказательствомъ мощности и славы, Николая I.

Племена, населяющія Кавказъ, столь различны, столь многочисленны, что невозможно разсматривать каждое особо и мы снова бросивъ общій очеркъ на весь Кавказъ, скажемъ кое что объ его жителяхъ вообще и потомъ по мѣрѣ какъ будемъ посѣщать разныя мѣста, замѣтимъ образъ жизни, нравы и обычаи главнѣйшихъ народовъ, потому что одни имена *Абхазовъ, Дагестанцовъ, Закубанскихъ Черкесовъ, Кабардинцевъ, Тезиковъ, Балкаровъ, Ингушей, Осетинцевъ, Чеченцевъ, Кистовъ, Каранагайцевъ, Абазинцевъ, Кумыковъ, Лезгинъ* и проч. уже довольно трудно запомнить вѣтреннымъ головкамъ каковы ваши, а тѣмъ еще труднѣе раздѣлить каждое племя по обы-

чаямъ да образу жизни. Къ тому же вы тогда не достигли бы полезной цѣли нашего путешествія: занимательнаго и вмѣстѣ основательнаго изученія своего отечества, а спутавъ все въ памяти составили бы превредный хаосъ. И такъ по маленьку, по тихоньку не торопясь приступимъ къ дѣлу. — Кавказъ какъ огромное и чрезвычайно многосложное тѣло, не могло быть покорено вдругъ, все въ одинъ разъ и Россія уже при *Іоаннѣ Грозномъ*, начала на него пристально поглядывать, то приглашая участвовать въ походѣ, предпринятомъ противъ *Астрахани*, то защищая безсильныя племена отъ набѣговъ сильнѣйшихъ, то соединяя браками своихъ Царей, то подавая поочередно другъ другу руку помощи и такими средствами, одинъ народъ за другимъ предавался Россіи, которая съ обыкновенною дѣятельностью начала укрѣпляться уже въ *Кавказѣ*; явились наши крѣпости въ разныхъ мѣстахъ; *Донцы*, *Калмыки* и *Русскіе*, заселили нѣкото-

рыя мѣста отъ имени Государя и наконецъ въ 1800 году Имперія наша, приведенная Александромъ Благословеннымъ къ подошвѣ гордаго *Кавказа*, переступила черезъ его высокой хребетъ, переплыла шумящій *Терекъ*, обняла весь край, нынѣ ей принадлежащій, и какъ хорошая хозяйка, вступивъ въ новое свое жилище, тотчасъ принялась его устроивать по своей волѣ, ни мало не обращая вниманія на неудовольствіе буйныхъ и безпокойныхъ *Горцевъ*. — Можетъ ли левъ или слонъ бояться жужжанія комара и укушенія мухи? Потому то и Россія отъ времени до времени наказывая докучливыхъ, продолжаетъ начатое и въ послѣднія войны съ Персіею и Турціею увеличила еще свои владѣнія присоединеніемъ *Эриванскаго* и *Нахичеванскаго Ханствъ*, части *Ахалцихскаго Пашалыка* и приморскихъ крѣпостей *Поти* и *Анапы*. Но давно, еще при Петрѣ I, она подумывала объ учрежденіи сухопутной и безопасной дороги между *Россіею* и *Индіею*, для свободнѣй-

шихъ торговыхъ сношеній между этими государствами, что очень много способствовало бы къ обогащенію Россіи, но какъ быть?—Не все можно, что хочешь и эта благая мысль цѣлое столѣтіе оставалась безъ окончанія и наконецъ Провидѣніе, захотѣвъ увѣковѣчить имя Николая I, украсило его вѣнецъ новымъ, прекраснымъ дѣломъ, а именно учрежденіемъ *Кавказской линіи* и присоединеніемъ новыхъ областей къ Россіи, чѣмъ Государь принесъ величайшую пользу своей Имперіи и привелъ къ окончанію предпріятіе, бывшее предметомъ помышленій: Петра, Екатерины и Александра.

Что же намъ такъ много говорили о красотахъ Кавказа, а мы до сихъ поръ видимъ одну безпредѣльную, грустную степь? Гдѣ же эти цвѣтущія мѣста, гдѣ горы, съ ихъ дикими вершинами, съ ихъ снѣгами и прелестными мѣстоположеніями, гдѣ эти храбрыя племена? Терпѣніе, терпѣніе, милыя дѣти и вы все это увидите, но теперь правда, что виды куда какъ не интересны: длинная, дикая пустыня,

лишенная пріятной зелени и прерываемая только иногда песчаными горами, которыя при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра возвышаются желтымъ облакомъ и летятъ на встрѣчу путника; отъ времени до времени встрѣчающіяся соленыя озера, которыя издали представляются снѣжными равнинами, знойное солнце, ударяющее въ глубокіе пески, совершенное безводіе, — вотъ чѣмъ украшаются берега Каспійскаго моря и на этой то степи ни души живой не увидите, ни веселаго голоса не услышите; изрѣдка неуклюжіе верблюды прогуливаются по пустыни съ обыкновенно гордымъ видомъ и своимъ унылымъ крикомъ умножаютъ еще нашу скуку; кое гдѣ любители, вѣроятно уединенія, выстроили плохія станціи, на которыхъ вы однако не найдете ни порядочной пищи, ни свѣжей воды, и отъ мѣста до мѣста выглядываютъ далеко одна отъ другой, расположенныя деревни, куда по милости лечебныхъ грязей, находящихся здѣсь довольно въ большомъ количествѣ, соби-

рается очень много больныхъ и тутъ глаза наши не много отдохнутъ надъ живыми существами отъ усталости, причиненной имъ видомъ степи.

А, вотъ наконецъ *Черный Рынокъ*, болѣе похожій на городокъ, чѣмъ на селеніе, такъ милы эти чисто выбѣленныя кирпичныя избы, такъ правильно тянутся онѣ вдоль широкой улицы, такъ красиво его высокое положеніе, съ котораго являются пріятные виды на морской заливъ, принимающій шумливый *Терекъ!* Честь и слава Астраханскому Губернатору *Бекетову:* онъ доставилъ величайшее удовольствіе путешественникамъ, основавъ посреди безпредѣльной пустыни прелестное, цвѣтущее селеніе, которое показывается какъ благодѣтельный *оазисъ* въ *Африкѣ.*

Правда, что первый нашъ взглядъ на *Кавказскую* дорогу, не совсѣмъ то былъ утѣшителенъ, но чѣмъ болѣе мы будемъ приближаться къ югу, тѣмъ виды начнутся дѣлаться занимательнѣе, игривѣе, прелестнѣе. Въ этомъ пріятномъ ожида-

ніи, увлекаемые быстрыми лошадьми, которыя сами кажется желаютъ скорѣе въѣхать въ нѣдра *Кавказа,* мы бросимъ бѣглый взглядъ на его наружный видъ.

Страна эта, принадлежащая, какъ вы уже знаете, съ 1800 года Россіи, прорѣзана двумя главными хребтами, которые пускаютъ свои отрасли по всей поверхности этого края, украшая его прелестнѣйшими мѣстоположеніями, разнообразя его видъ съ необыкновеннымъ своенравіемъ и дѣлая его благодѣтельнѣйшимъ мѣстомъ для страждущихъ, очищая знойный, раскаленный воздухъ. Эти два хребта называются *Кавказскимъ* и *Араратскимъ;* разверните атласъ и слѣдуйте по немъ за направленіемъ перваго изъ нихъ: вотъ *Азовское море,* вотъ рѣка *Кубань,* вбѣгающая въ него изъ дальнаго пути и тутъ начинаютъ возвышаться огромнѣйшія горы, теперь ведите черту къ Югу—такъ; здѣсь начинаются жилища Горскихъ народовъ, извѣстныхъ своею дикою дерзостью и для усмиренія которыхъ Государь предпринимаетъ все-

возможныя средства, заботясь чрезвычайно о безопасности путешественниковъ: здѣсь горы эти поворачиваютъ на востокъ, тамъ на югъ, пускаютъ многочисленныя вѣтьви на сѣверъ, съ котораго стремится съ яростью *Терекъ*, образуя въ теченіи своемъ живописные водопады, омывая голыя скалы, скользя по камешкамъ какъ тихій источникъ, и бурля между громадами, подобно чугуну въ раскаленномъ жерлѣ; потомъ *Кавказскія* горы, какъ бы желая сами собою полюбоваться снизу, вдругъ мгновенно понижаются, превращаются въ прелестнѣйшія равнины, омываемыя свѣтлыми источниками и украшенныя яркою *Кавказскою* зеленью, на которую склоняется гибкая яблоня и горделивый дубъ благосклонно посматриваетъ, защищая красавицу отъ палящаго солнца, потомъ начинаютъ подниматься все болѣе и болѣе, унося на хребтахъ толстый букъ, плодоносную грушу, густой боярышникъ, красивый орѣшникъ; изъ холмовъ дѣлаются горами и примыкаютъ

къ *Арарату*, передавая ему свое величіе и красоту. Этотъ хребетъ вполнѣ оправдываетъ довѣренность своего великана товарища и если не превосходитъ, то покрайней мѣрѣ и не уступаетъ ему въ разнообразіи картинъ, то поднимая гордую главу, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ до самыхъ небесъ, то дѣлясь на множество живописнѣйшихъ долинъ, гдѣ природа кажется ничего не пожалѣла, чтобы украсить любимаго своего сынка, то превращаясь въ дикія ущелья, угрожающія своимъ грознымъ видомъ, то повиснувъ обнаженными скалами надъ широкою рѣкою глядится въ ея волнистыя воды и служитъ убѣжищемъ чайкамъ и другимъ птицамъ, между которыми иногда совершенно неожиданно поселяется орелъ и свиваетъ свое гнѣздо на томъ мѣстѣ, гдѣ скромная гусыня предполагала вывести своихъ птенцовъ, то завернувшись въ густый лѣсъ, какъ Петербургскій житель въ теплую шубу при появленіи зимы, служитъ вѣрнымъ убѣжищемъ сѣрому волку съ грубою

шерстью, лукавой лисѣ, медвѣдю, рогатому оленю и дикой кошкѣ; иногда же превратясь въ плоскость, покрывается болотами, заросшими кустами камыша, изъ за зеленой стѣны котораго отъ времени до времени выбѣгаетъ свирѣпый кабанъ, встревоженный плескомъ огромнаго осетра въ ближайшей рѣкѣ. — Еще не разъ придется намъ любоваться этою пестротою, еще не разъ будемъ мы восхищаться бурливымъ *Терекомъ* и своенравною *Кубанью* и быстрымъ *Араксомъ*, еще не разъ съ высотъ *Кавказа* взглянемъ на живую картину жизни *Закубанскихъ народовъ*, картину для насъ совершенно новую.—Не упрекайте меня, мои милыя, въ сухости такого разговора: вамъ должно же имѣть сперва основательное понятіе о наружномъ видѣ страны, въ которую вы въѣзжаете, чтобы въ послѣдствіи вамъ пріятнѣе можно было бы его осматривать. Напримѣръ имѣете ли вы понятіе о богатствѣ этой прекрасной почвы, которая только ожидаетъ кажется одного удара заступа,

чтобы покрыться роскошнѣйшими полями? Нѣтъ, вы вѣрно не видали такихъ развѣсистыхъ дубовъ, такихъ высокихъ кленовъ, красивыхъ липъ, долговѣчнаго тисса, кудрявыхъ березъ, украшающихъ своею пріятною зеленью долины и вершины горъ, а множество плодоносныхъ деревьевъ, а шелковичное дерево, а виноградъ, вьющійся безъ всякаго присмотра, а прелестный шиповникъ, а малина, а крыжовникъ, а разныхъ породъ розы, облипающія стѣны, а огурцы, а рѣпа, а капуста? Эти послѣднія растенія вамъ извѣстны, но сознайтесь, что вы невольно удивляетесь ихъ чрезмѣрной величинѣ. А загляните въ лѣса: о! какое множество тамъ звѣрей! Вотъ медвѣдь, проснувшись отъ продолжительнаго сна, взглянулъ на сосѣда своего чакала и чувствуя голодъ, съ завистью посматриваетъ какъ онъ съ жадностью гложетъ кость, недавно имъ растерзанной овцы, вотъ быстрая сайга выбѣжала изъ за пня и заслонивъ дѣтей своихъ, озирается во всѣ стороны, страшась нападенія,

вотъ быстрая бѣлка, взобравшись на высокой кленъ, поглядываетъ съ испугомъ на изступленнаго вепря, который, встревоженный вѣроятно выстрѣломъ *Чеченца,* выбѣжалъ изъ своей засады и примчавшись въ лѣсъ, остановился въ недоумѣніи, повертывая огненными очами и раздирая землю острыми клыками, вотъ краснотѣлая дикая кошка, грѣясь на солнцѣ съ своими котятами и не примѣчаетъ, что непримиримый врагъ ея *Горецъ,* прицѣлясь изъ за куста, готовъ сразить несчастную мать; раздается выстрѣлъ, мѣткая пуля попадаетъ прямо въ цѣль, а подруга ея, слѣдуя близко за нею, вопзается въ новую жертву — волка, который, просунувъ рыло между вѣтьвями, пощелкивалъ зубами, опетиня шерсть и глядя на Калмыцкую овцу съ длиннымъ хвостомъ и насилу переступающую отъ жиру; а вотъ лакомка лиса, выбравъ удобную минутку, подбѣжала къ рѣкѣ, опустила свой широкой и пушистый хвостъ въ воду, взволновала струистую поверхность и встревоживъ такимъ обра-

зомъ рыбъ, которыя невольно ухватились за эту обманчивую опору, вытащила хвостъ изъ воды, отряхнула и пища уже ей готова. А что это тамъ шевелится въ зелени? Огромная черепаха поползла къ рѣкѣ, но встрѣтивъ на дорогѣ змѣю, которая обвившись около дерева, зашипѣла, устремивъ на лежащее внизу гнѣздо, кровожадные глаза, медленная путешественница остановилась, спрятавъ голову подъ крѣпкую свою броню.

Знаете ли вы какъ называется эта прекрасная рѣка, выходящая изъ *Карскихъ горъ* и протекающая на пространствѣ 40 верстъ узкимъ ущеліемъ посреди хребта вѣчно покрытаго снѣгомъ? Посмотрите какъ быстро стремится она съ этихъ громадныхъ высотъ преодолѣвая всѣ препятствія, но вотъ городъ *Тифлисъ* и рѣка останавливается, начинаетъ течь тише, тише, заворачиваетъ, дѣлается шире и наконецъ приблизившись къ Каспійскому морю дѣлится на три рукава, которыми и впадаетъ въ это бездонное

и безпредѣльное пространство. Какъ же называется эта красивая рѣка? — *Кура*, мои милыя, благодѣтельная для Закавказскаго края *Кура*. А теперь скажите мнѣ какой потокъ стремится тамъ съ *горъ Алюсскихъ*, потокъ который такъ круто поворачиваетъ, такъ бурливо течетъ стесненный скалистыми ущеліями, образуетъ такъ много пороговъ, гдѣ шумящая пѣна, взлетая на воздухъ бѣлымъ столбомъ колеблетъ лодку неосторожнаго рыбака, подъѣхавшаго слишкомъ близко? Это *Аракъ*, древній, живописный Аракъ. А знаменитый *Ріонъ*, на цвѣтущихъ берегахъ котораго нѣкогда жили *Пелазги*, производя важную торговлю съ Индіею? неужели вы его забыли? а дикой *Терекъ*, описаніе котораго такъ искусно сдѣлалъ одинъ молодой поэтъ въ слѣдующихъ словахъ?

Прелестенъ видъ природы дикой
Громады камней вѣковыхъ;
Какъ остовъ страшный и великой,
Въ ущельѣ узкомъ между нихъ
Прорывши силой бѣгъ свободный,

И камни цѣлые катя
Кавказа буйное дитя
Несется — *Терекъ* многоводный:
Все грозно, дико: лишь порой
Тамъ видѣнъ караванъ пустынный,
Лишь слышенъ голосъ заунывной
Нестройной пѣсни за горой;
И рѣдко со скалы высокой
Свободы безпріютный сынъ
На путника уставитъ око
Уединенный *Осетинъ*.

Нѣтъ, этотъ единственный величественпотокъ не можетъ изчезнуть изъ памяти, онъ слишкомъ врѣзается въ нашемъ воображеніи своею дикою и исполненною красотъ природою. Теперь бросимъ общій взглядъ на жителей, которыхъ можно раздѣлить на племена живущія по сю и по ту сторону горъ. Раздѣленіе это весьма нетрудное основывается на различіи, образа жизни, потому что загляните къ *Армянину*, *Татарину*, *Грузину* и *Персіянину*, живущимъ во второмъ отдѣленіи и вы встрѣтите у нихъ торговлю, фабрики, винодѣліе, шелководство и пчеловодство; они примутъ васъ

какъ дорогаго гостя, угостятъ какъ можно лучше и вы уйдете отъ нихъ совершенно спокойно, бывъ увѣрены, что по дорогѣ встрѣтите только трудолюбивыхъ соотчичей вашихъ хозяевъ, которые бывъ безпрестанно заняты и не подумаютъ пугать нападеніями путешественника, они не похожи на *Кабардинцевъ*, *Чеченцовъ*, *Дагестанцевъ*, *Лезгинцевъ* и другія загорскія племена равно какъ и на тѣ, которыя живутъ въ горахъ и совѣтую надѣяться: они примутъ васъ въ свой домъ, это правда, будутъ стараться объ вашей безопасности и ни что не заставитъ ихъ измѣнить чести хозяина, которая имъ чрезвычайно дорога, но едва вы вышли изъ ихъ жилища, не полагайтесь болѣе на честность этихъ дикихъ дѣтей *Кавказа*, возмите возможныя предосторожности, окружите себя солдатами, иначе, какъ говоритъ нашъ поэтъ:

На путника уставитъ око
Уединенный Осетинъ,

лихая шайка Горцевъ выбѣжитъ изъ за лѣсу, оцѣпить васъ и тогда.....

Но такая дерзость происходитъ отъ дикаго состоянія, въ которомъ они родятся, живутъ и умираютъ, такъ что должно надѣяться увидѣть чрезвычайное смягченіе въ ихъ нравахъ при долгайшемъ обращеніи съ Русскими, потому что у этихъ народовъ очень много хорошаго: они имѣютъ чрезвычайное уваженіе къ старости, безъ воли родительской не предпринимаютъ ничего важнаго и совѣтъ опытнаго старца всегда имѣетъ большое вліяніе на молодежь; гостепріимство у нихъ считается первою добродѣтелью и, какъ я уже говорилъ вамъ, гость у Горца въ совершенной безопасности; они очень уважаютъ своихъ женъ и любятъ ихъ съ нѣжностью равно какъ и дѣтей, но съ этими послѣдними разлучаются очень рано, отдавая ихъ на воспитаніе въ другія семейства для того, чтобы малютки не могли изнѣжиться въ домѣ матери; храбрость, чрезвычайная привязанность къ военному ремеслу, необычай-

ная отважность — вотъ слабый очеркъ характеристики Горцевъ. Присоедините еще къ этому страсть къ мятежамъ и къ мщенію, стыдъ попасться въ плѣнъ и даже отдать тѣло убитаго своего единоземца непріятелю, чрезвычайную привычку красть, привычку, которую они называютъ молодечествомъ достойнымъ уваженія; совершенное пренебреженіе богатствами, почитая оружіе, коней и доспѣхи первѣйшими предметами въ своемъ имуществѣ, потому что имѣя все это, вполнѣ увѣрены получить то, что только пожелаютъ — и вы будете имѣть передъ собою вѣрное изображеніе нравовъ Горскихъ народовъ, которыхъ страшная дикость можетъ быть когда нибудь смягчится силою оружія и Христіанской Вѣры. Арабы и Монголы во время своего, можно сказать, минутнаго владычества на Кавказѣ успѣли только передать его жителямъ свое вѣроисповѣданіе, которому они слѣдуютъ и до сихъ поръ, но между племенами, обитающими посреди горъ, еще сохраняется

Идолопоклонство, а именно у *Тушинцевъ* и *Ингушей*. Теперь скажемъ слова два о раздѣленіи этой страны.

Мы говорили теперь о *Кавказскомъ крать* вообще, понимая тутъ и *Грузію* и другія подвластныя земли, но не должно съ ними смѣшивать: I. *Кавказскую область* одну изъ частей раздѣленія нами предположеннаго, лежащею между *Донскою землею*, *Астраханскою Губерніею*, *Черноморіемъ*, *Каспійскимъ моремъ* и *землями Горскихъ народовъ*. Она первая представится нашимъ взорамъ и съ нее то мы начнемъ нашу прогулку. II. *Армянская влѣсть съ Эриванскою области*, занимающія Восточную часть края, и также съ подвластными ей землями: *Имеретіею*, *Мингреліею* и *Гуріею*. III. *Дагестанъ*, мѣсто жительства народа храбраго, предпріимчиваго, безстрашнаго. IV. *Шекинское*, *Ширванское* и *Турушинское* Ханства и V. *Часть Ахалцыгскаго пашалыка*.

Не говорилъ ли я вамъ, что чѣмъ болѣе мы будемъ углубляться въ нѣдра

Кавказа, тѣмъ прелестнѣе будетъ дѣлаться мѣстоположеніе и вотъ мы приближаемся къ *Ставрополю;* въ виду у насъ великанъ *Кавказскій хребетъ* съ своими снѣжными вершинами, съ которыхъ въ изобиліи стекаютъ источники въ разныхъ направленіяхъ, глубокіе овраги поросли густою зеленью, цвѣтущая, отлогая гора, подобно прелестному *Англійскому* саду, усажена прекраснѣйшими деревьями, между которыми тянется широкая улица и изъ за которыхъ, какъ дитя изъ за куста, выглядываютъ красивые домики, примыкающіе наконецъ къ огромному желтому зданію, обставленному колоннами и въ которомъ, по дѣятельности, въ немъ царствующей, не трудно узнать Гостиный дворъ. Мы въ *Ставрополѣ*, городѣ *Кавказской области*, гдѣ находятся всѣ присудственныя мѣста и гдѣ живетъ начальникъ этой страны. Здѣсь мы остановимся только, чтобы взглянуть на прекрасное мѣстоположеніе, чтобъ полюбоваться этими гигантами, возвышающимися вдалекѣ и окруженными синею пеле-

ною отдаленности, изъ подъ которой они выглядываютъ какъ тѣни, на эту живую толпу, стремящуюся къ одной цѣли — къ благодатному *Пятигорску*, куда и мы сейчасъ отправимся. Видите ли это собраніе высокихъ горъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ *Кабардинскихъ* и посреди которыхъ одна особенно возвышается? Это *Пятигоріе*, отъ чего и городъ, находящійся на нихъ, получилъ это названіе. Берегитесь! дорога здѣсь очень опасна по своей крутизнѣ. Тише, тише! Посмотрите: на право передъ вами дикая скала, въ лѣво обрывъ, обмываемый чистою рѣчкою, а внизу..... ахъ какая высота! Голова можетъ очень легко закружиться, глядя съ вершины на эти небольшія и чистыя избы, которыя кажутся намъ такими маленькими; но вотъ мы въѣхали благополучно, гора *Машукъ*, такъ испугавшая насъ своею вышиною, теперь представляетъ намъ прелестный городокъ, очень живописно разбросанный посреди холмовъ и возвышенностей, орошаемыхъ чистыми источниками и изъ

нѣдръ которыхъ бьютъ ключи *Божьей водицы*; такъ здѣсь называютъ Пятигорскую минеральную воду. Вотъ домикъ главнаго Доктора: прелестный цвѣтникъ вмѣстѣ съ садомъ окружаютъ его своею пестрою гирляндою; зайдемте къ почтенному врачу и полюбуемся красотою ландшафта, представляющагося изъ его оконъ: весь городъ какъ на ладонѣ съ своими садами, безпрестанными возвышенностями, по которымъ золотою лентою вьются дорожки, и многочисленною толпою здоровыхъ, больныхъ, грустныхъ и веселыхъ. Въ *Пятигорскѣ*, какъ во всякомъ мѣстѣ примѣчательномъ своими водами, собираются люди по разнымъ причинамъ: и по болѣзни и отъ скуки и отъ желанья погулять и съ намѣреніемъ только взглянуть на *дикой Кавказъ*. Вотъ гостинница: въ этомъ прекрасномъ каменномъ двухъэтажномъ строеніи съ великолѣпною лѣстницею и со множествомъ столбовъ, поддерживающихъ красивый фронтонъ, мы остановимся отдохнуть и и собравшись съ силами, истощенными

немного нашимъ путешествіемъ по крутому *Машуку* и между безпрестанными скалами, мы отправимся осматривать городъ, шататься между праздными и любоваться цѣлебною силою здѣшнихъ водъ. Вдоль отъ гостинницы тянется рядъ красивыхъ домовъ, чисто выштукатуренныхъ и выкрашенныхъ, а между ними какъ старшіе пансіонеры между меньшими возвышаются двухъ-этажные два дома пепельнаго цвѣта? гдѣ офицеры, пострадавшіе за Царя, получаютъ безденежно квартиры, благодаря попечительности благодѣтельнаго Правительства и гдѣ бѣдность, стараніями и щедротою Графа *Орлова*, находитъ вѣрное пристанище отъ голодной смерти. Что это? Кажется мы на *Невскомъ проспектѣ?* Красивый бульваръ, полный народа, обсаженъ липами и усыпанъ чистымъ, желтымъ пескомъ; чистой ручей минеральной воды пробирается по камешкамъ, вмѣшивая свое тихое журчанье въ живой разговоръ щегольства и простоты, здоровья и болѣзни. Толпа, какъ потокъ, стремится къ

одному какому то предмету; послѣдуемъ и мы за нею, куда то она насъ приведетъ? А, къ скалѣ, на которой по скату расположено три купальни, одна выше другой съ красивыми садиками и портиками; извивистая дорожка привела насъ прямо къ нимъ и тутъ толпа, насъ увлекавшая, разсѣялась взойдя въ купальни для принятія ваннъ, мы же спустясь по шоссе, высѣченному въ каменной горѣ, миновавъ гротъ, сложенный изъ необдѣланныхъ камней и пройдя полукруглый булеваръ, передъ нимъ раскинутый, отправимся прямо къ водамъ.

Здѣсь такое множество минеральныхъ ключей, что право не знаешь въ которую сторону идти. Пойдемте на право: предъ нами опять гора со всею своею разнообразностью, съ ущеліями и пещерами, наполненными удушливыми сѣрными испареніями, съ своими рвами, украшенными уже самою природою, съ прекраснымъ садомъ, гдѣ Архитекторъ *Бернардаци* истощилъ весь свой изобрѣтательный умъ, съ своими обрывами, скалами

и ужасами. Какъ искусно этотъ опытный Зодчій умѣлъ воспользоваться дикою и угрюмою природою Кавказа, съ какимъ вкусомъ поставилъ разнообразные павильоны между кустами, насажденными здѣсь рукою Бога! Пропасти! пещеры, скалы, перемѣшанныя зелеными долинами, все употребилъ онъ съ неподражаемою красотою; здѣсь кривая дорожка, обсаженная высокими деревьями, взбѣжала на гору посреди покатостей, густо обложенныхъ дерномъ, подвела наблюдателя къ прелестному *Китайскому* павильону, гдѣ пестрая толпа давно уже собралась вокругъ каменнаго колодезя для питья воды, какъ вѣтренница сбѣжала съ другой стороны увлекая очарованнаго путника и заводя его въ густую рощу измѣнница изчезла, издалека дразня его видомъ живописнаго *Пятигорска*; тамъ широкой прямой булеваръ, слѣдующій по начертанному ему пути столь же важно какъ угрюмый *Татаринъ*, идущій въ *Мекку*, приводитъ васъ къ новому источнику водъ, гдѣ непокрытый

колодезь бываетъ только посѣщаемъ въ хорошую погоду и къ полотняной палаткѣ, въ которую въ ненастное время когда дождь очень невѣжливо застанетъ больныхъ въ непокрытомъ колодезѣ, всякой спѣшитъ укрыться; далѣе крутой скатъ поднявъ къ верху два грота обставленныхъ скамейками и закрытыхъ густою зеленью такъ и манитъ любопытнаго спрятаться за эти красивые кусты, изъ которыхъ онъ самъ можетъ все видѣть и слышать не бывъ замѣчаемъ другими. Какіе пріятные, томные звуки! Вѣрно кто нибудь спрятался въ этомъ мѣстѣ и извлекаетъ столь прекрасную мелодію. Нѣтъ, за кустами нѣтъ никого. Кто же играетъ столь усладительно? *Эолова арфа.* Это инструментъ играющій самъ собою посредствомъ скважинъ въ которыя входитъ вѣтеръ. Вотъ посмотрите: передъ вами на скалѣ *Павильонъ Эола*, куполъ его потдерживается колоннами и на верху имѣетъ флюгеръ съ кругомъ, на которомъ изображено 32 вѣтра такъ, что стрѣлка, движимая без-

престанно, показываетъ очень вѣрно направленіе каждаго изъ нихъ, но это не все: войдите во внутренность павильона: посреди стоитъ деревянная колонна, въ которой скрыты двѣ *Эоловы арфы*, сдѣланныя по образцу обыкновенныхъ; колонна, какъ вы видите, обращается очень свободно и флюгеръ приведенный въ движеніе и сообщающійся съ ней приводитъ ее въ такое направленіе что вѣтеръ дуетъ въ скважину сдѣланную вдоль всей колонны, пробѣгаетъ по струнамъ арфъ и — вотъ вамъ причина прекрасной, исполненной чувства музыки, которая васъ такъ восхитила. —

Гора *Машукъ* содержитъ въ себѣ множество ключей и горячихъ и студеныхъ, но изъ нихъ только семеро употребляется; вѣрный вкусъ и запахъ отличаютъ особенно эти воды. Попробуйте: вамъ нравится, вы говорите, что Липецкая вода все таки лучше, но здѣшняя быть можетъ еще полезнѣе тамошней, потому что она точно дѣлаетъ чудеса надъ больными, воскрешаетъ полумертвыхъ, отъ

которыхъ уже отказываются доктора и которымъ они очень часто уже предсказываютъ близкую смерть, приводитъ въ движеніе онѣмѣлые члены, дѣлаютъ человѣка добрымъ и веселымъ, однимъ словомъ она по справедливости названа *Божьею водицею* и лучшаго имени никто не можетъ ей придумать. *Александровская купальня!* Заглянемъ въ нее и послушаемъ рѣчи больныхъ, благодарящихъ почивающаго въ Бозѣ Государя за попеченіе Его о страждущемъ человѣчествѣ. Вотъ образъ *Божіей Матери*, принесенный въ даръ одною дамою, изцѣлившеюся совершенно въ *Пятигорскѣ* и не забывшей, что возвращеніемъ здоровья она одолжена Богу. У этой иконы не одна восковая свѣча сгоритъ до тла въ воспоминаніе перваго основателя этой купальни, которая хотя и тронута рукою слишкомъ дѣятельнаго времени, но все таки еще очень много посѣщаема и вы сами можете объ этомъ судить, глядя на собраніе больныхъ, ожидающихъ подъ досчатымъ навѣсомъ своей очереди вой-

ти въ купальню. Сюда проведенъ источникъ горячей воды и прелюбопытно видѣть какъ прозрачная, подобно кристалу, жидкость, вливаясь въ ванну, тихо колеблется, какъ при дуновеніи вѣтра, войдите въ нее и вы почувствуете сотрясеніе во всѣхъ членахъ будто электрическій ударъ, но только сидите въ ваннѣ очень смирно, потому что вода эта чуть теплая при спокойномъ положеніи тѣла, жестоко васъ ожжетъ, при малѣйшемъ движеніи и потому выдерживать такой ванны долѣе 5 ти минутъ невозможно. Мимоходомъ заглянемъ въ *Солдатскую купальню.* Какіе это кресты? они сдѣданы изъ камня? О, нѣтъ просто изъ дерева: солдаты стругаютъ такіе кресты сами, ставятъ ихъ подъ тѣмъ мѣстомъ, изъ котораго бьетъ вода и они обливаясь ею мало по малу каменѣютъ и наконецъ достигаютъ величайшей крѣпости. Нѣсколько ниже *Александровской купальни* находится *Ермоловская*, которой основатель уже вамъ достаточно извѣстенъ по названію заведенія. Мы только скажемъ

ему благодарное слово и скорѣе поспѣшимъ по прекрасной лѣстницѣ къ *Николаевской* купальнѣ, гдѣ полюбуемся прекраснымъ устройствомъ, чистотою и порядкомъ царствующими въ ней. Знаете ли кто завелъ это зданіе? Какъ не знать: à l'oeuvre on connait l'ouvrier! Въ исполненіи этой благодѣтельной мысли нельзя не узнать нашего попечительнаго Государя. — Удобства здѣсь всевозможныя, воздухъ пріятный и здоровый, нѣтъ ни щелей, ни сквознаго вѣтра; свѣтлые корридоры идутъ вдоль комнатъ и вообще видъ этой купальни несравненно пріятнѣе двухъ предъидущихъ, а по потому и больныхъ сбирается сюда гораздо болѣе. Вы могли примѣтить по названіямъ купаленъ и источниковъ, что они открыты и основаны въ разныя царствованія, а потому должно ожидать, что и прочіе ключи, бьющіе изъ благодѣтельнаго *Машука* безъ всякой пользы, наконецъ получатъ цѣль и украсятся прекрасными строеніями. Вода здѣсь вообще имѣетъ кисло-сѣрный вкусъ и въ

иныхъ источникахъ имѣетъ то странное свойство, что бывъ налита въ стаканъ пѣнится и бьетъ какъ Шампанское, сверхъ этихъ водъ въ окрестностяхъ *Пятигорска* находится соленое озеро и *Горькая рѣчка*, пользу которыхъ начинаютъ ощущать.

Многіе небольные рѣшаются покинуть блестящую столицу, чтобы, презрѣвъ опасности и неудобства, соединенныя съ такимъ путешествіемъ, полюбоваться прекраснымъ *Кавказомъ*; и въ самомъ дѣлѣ можно ли имъ не любоваться? Можно ли остаться равнодушнымъ зрителемъ этой великолѣпной, единственной природы, которой не одна пріятность васъ восхищаетъ, но величіе, краса! Вамъ нравилось мѣстоположеніе *Липецка*, его горы, ручьи и прелестный видъ города, но скажите, можно ли его сравнить съ ужасными красотами *Пятигорска*.

Взойдемте на скалу гдѣ возвышается *Александровская купальня* и сѣвъ подъ навѣсъ между больными, ожидающими своей очереди взглянемъ на окрестности.

Передъ нами очаровательный *Машукъ*, изъ нѣдръ котораго стремятся сотни ключей; черный крестъ и бѣлая колонна украшаютъ эту чашу Божьей воды, зеленый вѣнокъ садовъ облегаетъ его вершину, за нимъ широкоплечій, рогатый *Бештау*, обсыпанный снѣгомъ какъ парикъ пудрою, тянется къ небу, силясь, кажется, задѣть за него своею острою верхушкою, а у ногъ тщеславнаго великана, подобно зеленому ковру, перевитому лазуревою лентою, стелется бархатная равнина и по ней скользитъ змѣйстая рѣчка *Подкумокъ*; но тамъ, надъ *Бештовой* горой какая льдистая громада выситъ свою бѣлую главу, оспоривая преимущество у сѣдыхъ товарищей своихъ? Это *Эльборусъ*, дикой, снѣжный, угрюмый, это *Царь-гора* между своими подданными, изъ которыхъ одинъ *Машукъ*, силится сорвать лавровый вѣнецъ съ своего повелителя. — И все это озаряется Кавказскимъ солнцемъ, все это лежитъ подъ темнолазуревымъ небомъ, все это освѣщается блѣдною, сребристою луною.

Прелестная картина! Посѣщая *Кавказскую область* нельзя не заглянуть въ трудолюбивый *Моздокъ*, населенный *Армянами* и *Грузинами*, много занимающимися торговлею. Быстрый *Терекъ* уже здѣсь является оживляя своимъ присутствіемъ природу и служа очень полезно городу, который покрываетъ его барками и судами, отправляющися въ разныя Губерніи съ медомъ, шелкомъ, воскомъ и проч. Сюда сбираются *Горцы* для покупки всего нужнаго. *Кизляръ*, встрѣтившійся намъ на дорогѣ, также очень дѣятеленъ и имѣетъ большіе виноградные сады, доставляющіе ему большой доходъ. Содержаніе пчелъ и шелковичныхъ червей также приноситъ ему не мало. *Каспійское море* реветъ у береговъ этого города. Зачѣмъ мы не живописцы, зачѣмъ не можемъ снять изящную картину, представляющуюся намъ съ этаго моста, дерзко перекинутаго на каменныхъ столбахъ черезъ свирѣпый потокъ: въ виду у насъ крѣпость *Владикавказъ* съ ея земляным валомъ, гдѣ между пра-

вильными рядами липъ мелькаютъ лица гуляющихъ какъ ночныя тѣни, за нимъ громады горъ, поднимающіяся однѣ надъ другими своими бѣлыми главами, дикой, *Эльборусъ* насупившись угрюмо поглядываетъ на насъ, омывая свою широкую подошву въ глубокомъ *Терекѣ*, а онъ то? Каково реветъ онъ подъ нашими ногами: два крутыхъ утеса сжали его въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ и потокъ силясь изъ нихъ вырваться бушуетъ съ неимовѣрною силою; скалы, камни не останавливаютъ изступленнаго: онъ, какъ бѣшеный конь, удерживаемый *Черкесомъ*, реветъ, порывается возвратиться къ свободѣ, рветъ огромные камни унося ихъ въ своемъ стремительномъ теченіи, обрызгиваетъ сосѣднія скалы бѣлою пѣною, клубится, то сбѣжавъ стремглавъ внизъ ищетъ выходъ между скалами, грозно нависнувшими надъ нимъ, то взлетѣвъ вверхъ вырываетъ темную сосну, скромно любовавшуюся своею грустною зеленью въ мутныхъ водахъ и встрѣтивъ новое препятствіе на пути, но не бывъ

въ состояніи его преодолѣть *Терекъ* вздымается бѣлымъ столбомъ къ небу, разсыпается въ тысячи брызгъ и снова принимается за свою трудную работу ни чѣмъ не останавливаемый.

Однако конвой, насъ сопровождающій, завидѣлъ какую то опасность и совѣтуетъ намъ скорѣе своротить съ этого пути. Послушаемъ совѣта опытности и покинувъ дорогу, ведущую насъ въ *Грузію*, обратимся къ *Черноморіи*. Видите тамъ на скалѣ человѣка верхомъ въ косматой черной буркѣ и такой же шапкѣ. Шашка его въ зубахъ, ружье заряжено; это *Горецъ*, поджидающій жертвы, его товарищи, спрятанныеза горою, при первомъ знакѣ выскочили бы изъ за своей осады и набросивъ конямъ на глаза бурки, ринулись бы въ воду съ непостижимою отвагою. Эти дерзкіе разбойники имѣютъ чрезвычайно мѣткой глазъ, привыкшій съ малолѣтства отличать врага отъ друга и завидѣвъ издали путешественника они какъ тигры налетаютъ на него, набрасываютъ на глаза повязку,

кладутъ поперегъ сѣдла; привычный конь, чуя пойманную добычу, мчится прямо къ водѣ, бросается разбивая широкою грудью набѣгающія волны и никакое препятствіе не удерживаетъ его бѣга: онъ стрѣлою минуетъ скалы, искусно увертывается отъ ударовъ, наносимыхъ ему преслѣдователями, презираетъ свистъ пуль, летающихъ вокругъ него и съ рѣдкимъ умѣніемъ прибѣгаетъ къ жилищу своего хозяина. Я упомянулъ вамъ собственно о *Горцахъ*, которые состоятъ изъ многихъ племенъ; къ нимъ должно причислить собратьевъ тѣхъ *Черкесовъ*, одеждою которыхъ вы такъ часто любовались въ *Петербургѣ;* но эти послѣдніе не опасны, они принадлежатъ къ мирному подраздѣленію, служатъ вѣрно Русскому Царю и очень рѣдко нѣкоторые изъ нихъ, оставшіеся въ отечествѣ, присоединяются къ буйнымъ собратьямъ.

Изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ *Кавказъ*, *Черкесское* есть безъ сомнѣнія самое занимательное и потому мы имъ

займемся исключительно. — Вы первоначально спросите, гдѣ оно живетъ? И на этотъ вопросъ мнѣ довольно трудно отвѣчать, потому что *Черкесы*, не зная обыкновенія назначать границъ своимъ владѣніямъ, безпрестанно ихъ мѣняютъ и смѣшиваютъ участки одного племени съ другимъ, отъ чего не рѣдко происходятъ междоусобія. Народъ этотъ живетъ и около береговъ *Чернаго моря* и въ ущеліяхъ *Кавказскихъ горъ* и по разнымъ рѣкамъ смотря гдѣ климатъ, мѣстоположеніе, почва лучше согласуются съ ихъ дикими нравами, гдѣ кони, лучшее ихъ богатство, могутъ свободно пастись, гдѣ быкамъ, столь полезнымъ въ трудныхъ работахъ по искусству, съ которымъ они взбираются на утесы и голыя скалы, найдется сочная и обильная пища, гдѣ изъ за скалы хорошо можно видѣть вдаль для наблюденій за добычами, но объ удобностяхъ жилищъ они вовсе не заботятся: взгляните на эти землянки, кое какъ вырытыя и служащія убѣжищемъ безпокойнымъ поколѣніямъ,

посмотрите также на это незавидное строеніе, состоящее изъ четырехъ столбовъ, обнесенныхъ плетнемъ, накрытыхъ крышею изъ тростника и обмазанныхъ какъ снаружи такъ и внутри глиною — трудно ли найти удобное мѣсто для такого жилища: оно можетъ вездѣ стоять, а не понравится положеніе, такъ не мудрено выстроить и на другомъ мѣстѣ: въ три дни и домъ готовъ. Однако вы я думаю устали да и быки то наши хорошо переносившіе насъ съ утеса на утесъ, со скалы на скалу, такъ осторожно ступавшіе гдѣ нетвердый камень скользитъ подъ ихъ ногами и гдѣ быстрая и живая *Горская лошадь* давно бы нѣсколько разъ сбросила насъ съ сѣдла, кажется очень изнурены; дадимъ имъ отдохнуть, а сами попросимъ гостепріимства у одного изъ этихъ *Черкесскихъ племенъ*, гдѣ знакомство наше съ *Горскимъ Гаче* или проводникомъ доставитъ повсюду вѣрный пріютъ: пространная долина разстилается передъ нами испещренная множествомъ въ безпорядкѣ раз-

бросанныхъ *Черкесскихъ жилищъ*, образецъ которыхъ я вамъ уже показывалъ, стада коней, быковъ, овецъ свободно разгуливаютъ по прекраснымъ пастбищамъ, поросшимъ дикою травою, но которыя ожидаютъ только старательнаго земледѣльца, чтобы сдѣлаться пышными и богатыми полями; цѣлыя рощицы фруктовыхъ деревьевъ веселятъ наши взоры; тутовое дерево склоняется къ водамъ прозрачной рѣчки, тонкой лавръ красуется близь величественнаго кипариса, гибкая пальма клонится къ шумящему явору, обвившемуся около вѣковаго дуба. Эта сельская картина производитъ странную противоположность съ угрюмыми, преисполненными дикости ландшафтами, которые до сихъ поръ представлялись нашимъ глазамъ. Мы попали въ поколѣніе *мирныхъ Черкесовъ*. Одни забравшись въ фруктовую рощу собираютъ ея плоды въ такомъ изобиліи и такъ легко имъ доставляемые, другіе какъ бы сжалясь надъ бездѣйствіемъ прекраснѣйшей изъ почвъ, покрыли ее табакомъ,

пшеницей, рожью, ячменемъ и другими растеніями, третіи взобравшись на тутовое дерево очень прилежно сбираютъ паутину, выпускаемую трудолюбивыми червячками, четвертые обуздываютъ легкихъ *Горскихъ коней*, которыхъ красивая наружность, неутомимость въ бѣгѣ ставятъ ихъ на равнѣ съ первѣйшими конями въ свѣтѣ, пятые на сильныхъ волахъ перевозятъ разныя тяжести, между тѣмъ какъ жены ихъ, сидя у дверей дома или въ самой мазанкѣ, ткутъ, вяжутъ, шьютъ. Гостепріимство у этого народа не трудно получить: имѣйте только *Гаче;* и вотъ нашъ знакомецъ подошедъ къ первому жилищу, беретъ дружелюбно хозяина за руку, не снимая однако шапки, показываетъ на насъ и *Черкесъ* подходитъ къ пришельцамъ, показываетъ имъ на свою *саклю*, произнося слова, которыя мы не понимаемъ, но которыя вѣроятно служатъ изъявленіемъ его преданности и готовности къ услугамъ.

Мазанка *Сафира* (такъ зовутъ нашего

хозяина) отличается отъ многихъ другихъ нѣкоторою обширностью, что показываетъ хорошее состояніе владѣльца. Внутри она чисто выбѣлена и все ея скромное убранство говоритъ, что *Черкесъ* гораздо болѣе соблюдаетъ опрятность чѣмъ всякой другой горный житель. Каминъ пылаетъ у одной стѣны и въ огнѣ стоитъ котелъ, въ которомъ просяная каша, обыкновенная пища этого народа, кипитъ съ нетерпѣніемъ ожидая хозяина. Насупротивъ камина почти стелится по землѣ низкой диванъ, служащій постелью и софою; оружіе, збруя, сѣдло висятъ по стѣнамъ, а въ углу одинъ на другомъ порядочно положены тюфякъ, подушки и другія домашнія принадлежности; на полу, близь котла на цыпочкахъ сидитъ мальчикъ лѣтъ десяти съ выразительными черными глазами, блестящими какъ угольки на смугломъ лицѣ въ суконной шапкѣ, подбитой овчинкою и переплетенной крестообразно серебренною узенькою тесьмою, въ черномъ суконномъ полукафтаньѣ похожемъ

на казацкій чекмень, подпоясанномъ ремешкомъ и у котораго противъ груди пришито по четыре мѣста для вкладыванія патроновъ, широкіе *халверы* верблюжьяго цвѣта и узкіе *чирики* безъ подошвъ оканчиваютъ одежду красиваго мальчика. «Это сынъ твой? Спрашиваемъ мы у *Сафира*. «Нѣтъ, это питомецъ мой, сынъ нашего Князя, который поручилъ мнѣ его, боясь, что мальчикъ сдѣлается дома бабою.» — «А гдѣ же жена твоя?» — Нашъ хозяинъ посмотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ. «Гость! здѣсь не водится спрашивать о женѣ или дочери, такой вотросъ считается за обиду, но ты чужой, не знаешь нашихъ обычаевъ и къ тому же гость мой, а потому я и извиняю тебя. Жены у насъ не живутъ въ однихъ сакляхъ съ мужьями и *Фатима* хозяйкою въ сосѣдней саклѣ. Славная *Черкешенка* моя *Фатима*, гость: плечи широкіе, бѣлизна необыкновенная, глаза какъ огонь, а станъ—подобенъ гибкой пальмѣ и тонкому тростнику. А потому и люблю я наряжать мою черно-

окую *Фатилу*, люблю смотрѣть на нее когда она затянетъ свой станъ, этотъ тонкой станъ, въ шелковое полукафтанье, когда голубая шапка украситъ смоляные волосы, убѣгающіе длинною косою изъ подъ лазуревой ревнивицы, когда маленькая ножка скроется въ узкомъ *чирикѣ*, когда прозрачная *фата*, наброшенная на лице, скроетъ отъ любопытныхъ яркой румянецъ стыдливости. И она меня очень любитъ, добрая *Фатима*, потому что разъ вспомнивъ давнишнюю брань съ однимъ *узденемъ* (дворяниномъ) за украденнаго быка, я старался съ нимъ встрѣтиться. Алла мнѣ помогъ: мы увидѣли другъ друга и заснувшая месть возгорѣлась при этой встрѣчи: кони брошены, шашки въ руки и уже одинъ изъ насъ скоро долженъ бы былъ искать спасенія отъ преслѣдованій родственниковъ убитаго какъ вдругъ посреди насъ является моя *Фатима* безъ покрывала и съ растрепанными волосами; она схватываетъ меня за руку и шашка падаетъ на землю, а противникъ мой, увѣренный,

что послѣ такого заступленія поединокъ не начнется, протянулъ мнѣ руку и мы помирились.»

Въ ту минуту какъ онъ кончалъ этотъ занимательный разсказъ, передъ деревяннымъ диваномъ, гдѣ мы сидѣли, задымилась вкусная баранина; дичина и домашнія птицы, содѣлавшись жертвою искусной *фатилы*, окружили жаренаго барана и вѣтеръ вбѣгая въ саклю навѣвалъ на насъ пріятнымъ запахомъ вкуснаго жаркаго. Крѣпкая *буза*, сдѣланная изъ ячменя и замѣняющая для гостей кислое или прѣсное молоко, заструилась въ серебренной кружкѣ, поднесенной намъ привѣтливымъ хозяиномъ. «Фатима провѣдала, что у меня дорогіе гости, сказалъ онъ, такъ и захотѣлось ей ихъ поподчивать хорошенько и показать свое мастерство. Попробуйте эти *чиреки*, сдѣланные изъ пшеницы и которые мы употребляемъ вмѣсто хлѣба, а вотъ *бѣлёный медъ*, но берегитесь его пить много потому, что этотъ напитокъ, смѣшанный съ медомъ, производитъ дурь

на нѣсколько часовъ; вина у насъ не ищите, мы его не употребляемъ.» — «А гдѣ же просяная каша?» — «Ее съѣлъ *Аслалъ*, видя, что обѣдъ, по милости дорогихъ гостей, будетъ получше обыкновенной просяной каши, вареной на водѣ, куска баранины, да кружки кислаго молока.» — «Можемъ ли мы теперь безопасно продолжать наше путешествіе?» — «Я буду служить вамъ вмѣсто *Гаче*, отвѣчаетъ услужливый *Сафиръ*, иначе могутъ васъ обезпокоить, но тотъ, кого сопровождаетъ *Гаче*, безъ всякаго опасенія можетъ идти куда ему угодно, вездѣ получитъ радушный пріемъ, угощенія и привѣтливость.

Зачѣмъ собралось такъ много народа на площадкѣ, раскинутой передъ этою рѣчкою? *Князь Ахметъ* впервые сегодня увидѣлъ своего сына *Али*, воспитывавшагося у одного Узденя и возвращеннаго наконецъ отцу. Уже *Аталыкъ* (воспитатель) получилъ свою награду .... Этотъ конь, рвущійся въ рукахъ *Нукера* или конюха, это богатое оружіе,

блестящее драгоцѣнными камнями, эти прекрасныя овцы и наконецъ эта завидная пара здоровыхъ воловъ — все это принадлежитъ счастливому аталыку *Али* за то, что онъ нѣсколько лѣтъ трудился учить его мѣткою рукою посылать свинцовый подарокъ врагу, ловко держать добраго коня и зоркимъ глазомъ узнавать добычу. Посмотримъ, дѣлаетъ ли честь ученикъ своему учителю: нѣсколько узденей на богатоубранныхъ лошадяхъ, въ лучшихъ одеждахъ и съ дорогимъ оружіемъ выѣхали на площадку, хвалясь бѣгомъ своихъ коней, и въ самомъ дѣлѣ дѣти Кавказа какъ будто чувствуя, что дѣло идетъ о самолюбіи, гордо повертываютъ красивыми головами, тысячу искръ метаютъ изъ огненныхъ глазъ, нетерпѣливо ржатъ и роютъ землю кусая повода, бѣлая пѣна клубится у рта, пламя пышетъ изъ ноздрей. Но вотъ заколыхалась шапка въ рукѣ *Князя Ахмета* и уздени быстрою стрѣлою изчезли изъ глазъ; толпа умолкла, обви-

тая пыльнымъ облакомъ; а гдѣ же *Али?* Гдѣ же герой праздника? Вотъ онъ выѣхалъ на ворономъ конѣ еще красивѣе всѣхъ нами видѣнныхъ, золотая збруя горитъ на немъ огнемъ, сѣдло осыпано камнями, острая шашка виситъ у дорогаго пояса, обхватывающаго гибкой станъ, черное суконное полукафтанье, шитое золотомъ и голубая шапка, перекрещенная такою же тесьмою — вотъ его нарядъ. Узкіе чирики обтягиваютъ ногу, легкій лукъ перекинутъ черезъ плечо. *Али* ласково поклонился всѣмъ присутствующимъ, а особливо отцу и аталыку, слѣдящему его заботливымъ глазомъ, тронулъ коня икрою и быстрѣе молніи изчезъ изъ глазъ радостной толпы, сопровождающей его веселыми восклицаніями. Но вотъ все умолкло; всѣ взоры устремились въ ту сторону, гдѣ прибитая цѣль должна была вручить побѣдителю богатое ружье — даръ Княжескій счастливому удальцу. Нѣсколько минутъ глубокое молчаніе замѣнило прежній шумъ, только издалека

слышился бѣгъ коней и изъ за разсѣявшихся на минуту пыльныхъ облаковъ виднѣлись скачущіе всадники. Вдругъ крикъ: »*Игидъ Игидъ!*» т. е. удалецъ, раздается въ толпѣ и черезъ минуту *Али* съ перекинутымъ черезъ плечо богатымъ ружьемъ является передъ восхищеннымъ отцомъ и обрадованнымъ аталыкомъ.—Поздравленія сыплются на него градомъ; добрый конь покрытъ мыломъ, пѣна комками падаетъ на землю.

Теперь посмотримъ какъ то онъ попадетъ въ рубль, брошенный не въ дальнемъ разстояніи. *Гассанъ*, одинъ изъ *Черкесскихъ* узденей, прославившій себя особенно мѣткостью въ стрѣльбѣ, выступаетъ на зовъ *Али*, спрашивающаго: кто хочетъ состязаться съ нимъ въ ловкости и умѣніи играть пистолетомъ. Первый шагъ данъ *Гассану*, который бросивъ гордый взглядъ на юношу, хотящаго перебить славу у давнишняго богатыря, выѣзжаетъ изъ толпы сопровождаемый своимъ Нукеромъ или прислужникомъ.

По данному знаку послѣдній пускаетъ свою лошадь въ скачь и опередивъ немного господина своего бросаетъ вверхъ монету; пистолетъ хлопнулъ, пуля взвилась и пролетѣвъ очень близко рубля воткнулась въ землю не дотронувшись до своей цѣли. Народъ ахнулъ, *Гассанъ* закусилъ губы отъ досады, но *Али*, отвѣтивъ на его прежній взоръ самонадѣяннымъ взглядомъ, взлетѣлъ на коня, помчался быстрѣе мысли сзади своего Нукера, и когда монета взвившись на воздухъ ожидала выстрѣла, молодой Князь, ловко выдернувъ пистолетъ, прицѣлился и рубль, пробитый на сквозь, изчезъ въ изумленной толпѣ. Новыя восклицанія, новыя поздравленія! Но оставимъ веселиться этихъ добрыхъ богатырей, а сами будемъ продолжать наше путешествіе.

Вы замѣтили вѣрно обращеніе исполненное простоты узденей и даже Нукеровъ съ Князьями, вамъ странно казалось, что подданные не оказываютъ имъ никакаго особливаго уваженія? Да, эта

короткость происходитъ еще отъ остатковъ рыцарскаго духа и здѣсь *Черкесъ*, проходя мимо сакли своего владѣльца, можетъ въ нее войти, сѣсть возлѣ Хана и раздѣлить съ нимъ его обѣдъ, ни мало не обидѣвъ его этимъ; Нукеръ же каждому Узденю столь же необходимъ какъ намъ первый слуга, потому что онъ ему рѣжетъ мясо на столѣ, подводитъ коня, взнуздываетъ его и сопровождаетъ своего господина повсюду.

Вѣра у нихъ слабая Магометанская, перемѣшанная частью съ идолопоклонствомъ, а частью съ Христіанствомъ по тому, что вамъ еще случится во многихъ мѣстахъ видѣть праздники въ тѣ дни, когда у насъ бываетъ Рождество Христово или Свѣтлое Воскресеніе. И вообще не въ одинъ праздникъ *Черкешенка* не возьметъ иглы въ руки, а мужъ ея не выйдетъ на работу, потому что они считаютъ это грѣхомъ; — все это заставляетъ сказать, что настоящей вѣры у нихъ совсѣмъ нѣтъ и что *Черкесы*, бывшіе сперва идолопоклонниками,

потомъ Магометанами, наконецъ вѣроятно содѣлаются и Христіанами, принимая столь легко всѣ обряды, но однако, ведя жизнь столь непостоянную, они никогда не будутъ вѣрными сынами нашей Церкви.

Ахъ, Боже мой! какіе вопли! чемъ такъ огорчаются эти женщины? Зачѣмъ онѣ царапаютъ прекрасныя лица, дѣлая чрезъ то его безобразнымъ? А мущины, они не плачутъ, нѣтъ, *Черкесу* слишкомъ стыдно плакать, но для чего же они такъ безжалостно себя хлещутъ по лицу? У нихъ умеръ отецъ, и сыновья равно какъ и дочери съ матерью изъявляютъ свою горесть этими жестокими средствами; вотъ изъ сакли вынесли тѣло, обвернутое въ простыню, ближайшіе родственники сопровождаютъ усопшаго до его послѣдняго мѣста отдохновенія, гдѣ положивъ въ могилу безъ гроба задыпаютъ землею и накладываютъ камень. Такое погребеніе отправляется совершенно по Магометанскимъ обрядамъ, но иногда къ нимъ примѣшивается идолопоклонническое обыкновеніе хоронить

въ могилѣ и всѣ дары, приносимые покойнику отъ родни и знакомыхъ, однако этотъ обычай равно какъ и изъявленіе печали различными истязаніями начинаетъ изчезать.—

Теперь вы видѣли сами *Черкешенокъ* и могли судить объ ихъ красотѣ, издавно прославляемой въ цѣломъ свѣтѣ: Какъ вамъ понравились эти быстрые черные глаза, эти прекрасные темнорусые волосы, маленькій ротъ, носъ самой правильный и прелестный, немного смугловатый цвѣтъ лица, на которомъ играетъ живой румянецъ, а станъ, а маленькая ножка, затянутая въ узкой *чирикъ* до того, что часто нельзя освободить ее прежде чѣмъ совершенно износится обувь? Многія по бѣдности носятъ деревянные сандаліи, а нѣкоторые даже ходятъ обыкновенно босикомъ, надѣвая башмаки только въ случаѣ пира, свадьбы . . . . къ статѣ о свадьбѣ: знаете ли, что здѣсь такъ же какъ и у многихъ народовъ, нами видѣнныхъ, не невѣста приноситъ приданое, но женихъ платитъ за

нее выкупъ или калымъ, состоящій обыкновенно изъ стада, табуна лошадей или чего нибудь другаго, но когда родится первый ребенокъ, а особенно если сынъ, тогда отецъ молодой даетъ большой пиръ, одариваетъ щедро свою дочь и событіе это празднуется торжественнѣйшимъ образомъ.

Эти прекрасныя *Черкешенки* не держатся здѣсь въ заперти какъ въ *Турецкихъ Гаремахъ*, хотя и живутъ отдѣльно отъ мужей; но это не мѣшаетъ имъ имѣть позволеніе видѣться съ мущинами и путешественникъ, сопровождаемый гачеемъ, всегда получитъ свободный входъ въ женскую саклю, будетъ угощаемъ наилучшимъ образомъ *Черкешенкою*, можетъ разговаривать съ нею сколько ему угодно и мужъ не скажетъ на все это ни слова, но должно замѣтить, что когда у жены его бываютъ гости, какого бы они пола не были, онъ не имѣетъ позволенія присутствовать при ея бесѣдѣ.

Не думайте однако, чтобы всѣ *Черкесы* жили такъ тихо какъ эти поколѣнія,

къ которымъ насъ завелъ случай, нѣтъ, многіе ихъ братья, какъ я уже вамъ говорилъ, живутъ грабежами и набѣгами, торгуютъ безжалостно невольниками и чрезвычайно жестоко обходятся съ этими несчастными жертвами. Вотъ здѣсь, между этими *Кавказскими* горами, среди совершенно дикой и кажется созданной для разбойничьихъ притоновъ, природы, обитаютъ эти племена, извѣстныя подъ общимъ именемъ Горцевъ. Тутъ увидите вы и свирѣпаго *Чеченца* и предпріимчиваго *Кабардинца* и буйнаго *Черкеса* и храбраго *Ингуша*, племена, чрезвычайно схожія между собою, но первый народъ превосходитъ всѣхъ ихъ своею злобою, хищничествомъ и страстью къ набѣгамъ. *Чеченецъ* не можетъ видѣть равнодушно кровь, онъ приходитъ въ неистовство, мечетъ кинжаломъ въ кого попало, стрѣляетъ, рубитъ безъ оглядки и не дай Богъ подпасть подъ гнѣвъ этого свирѣпаго дикаря: месть, получающая уже начало въ ребенкѣ, ростетъ все болѣе, увеличива-

ясь ежедневно: онъ ищетъ средствъ вылить всю желчь на своего врага, но мщеніе кажется ему слишкомъ слабо. Буйная голова трудится въ изобрѣтеніи жестокаго наказанія за обиду и если смерть отцу не дастъ отомстить, то сынъ старается это исполнить за него; такимъ образомъ месть, переходя отъ одного къ другому, часто разражается надъ двумя жертвами, совершенно невинными въ распряхъ своихъ отцовъ. Доказательствомъ также ихъ буйнаго и дерзкаго характера можетъ служить варварское обращеніе съ своими плѣнниками.

Соединяя съ злостью чрезвычайное лукавство они подходятъ къ Россійскимъ границамъ малыми шайками, разсѣваются на берегу Терека, укладываютъ платье и оружіе въ кожанные мѣшки, называемые *тулуками*, потомъ тихомолкомъ, когда вечеръ начинаетъ спускаться на землю, переплываютъ на ту сторону рѣки и залегши въ кустарники зоркимъ привычнымъ глазомъ подсматриваютъ за неосторожными путешественни-

ками. Едва завидятъ они издалека земледѣльца, идущаго на работу, или офицера, спокойно проѣзжающаго въ *Пятигорскъ*, то присмирѣвъ въ своей осадѣ ожидаютъ приближенія бѣдной жертвы; тутъ бросившись на нее изъ за кустовъ крѣпко перевязываютъ веревкой и тащатъ за собою чрезъ *Терекъ*, всячески подмогая несчастной добычѣ, потому что совсѣмъ не хотятъ ее утопить. На противуположномъ берегу уже ожидаютъ ихъ вѣрные кони и они завязавъ плѣнику глаза мчатся съ нимъ черезъ лѣса и горы всячески стараясь, чтобы онъ не могъ узнать потомъ дороги, черезъ кототорую его везли.—Горе бѣдному страдальцу, если онъ купецъ или зажиточный человѣкъ, тогда мученіямъ его не будетъ конца: злодѣи изсушатъ его какъ скелета, изранятъ тяжелыми оковами и наконецъ, когда замѣтятъ, что онъ начинаетъ прощаться съ жизнью, приносятъ ему все нужное для письма, требуя, чтобы онъ просилъ за себя выкупа въ Россіи. Всегда готовое прибѣгать на

помощь страждущему сыну, наше правительство спѣшитъ исполнить требованіе *Горцевъ*, которые получивъ это пріятное извѣстіе совершенно перемѣняютъ обращеніе съ своимъ плѣнникомъ; если же некому выкупить несчастнаго бѣдняка, то мучители обращаютъ его въ пастухи. Россія однако смирила уже весьма много этихъ разбойниковъ и между ними есть поколѣнія извѣстныя подъ именемъ *мирныхъ Чеченцовъ*, потому что они занимаются земледѣліемъ, разводятъ стада и хотя очень любятъ производить грабежи, которые называются у нихъ *молодечествомъ*, но не имѣютъ никакихъ дурныхъ слѣдствій: поссорятся два *Чеченца*, поищутъ средствъ встрѣтиться въ чистомъ полѣ, да и помирятся. Однако, не смѣя вести звѣрскаго образа жизни своихъ братьевъ явно, потому что ему страшны *Казаки*, узнавшіе теперь всѣ его хитрости, это поколѣніе тѣмъ не менѣе очень полезно служитъ разбойничьимъ шакамъ, скрывая ихъ отъ преслѣдованій Правительства и доставляя имъ средства из-

бавляться отъ наказанія. Всѣ сосѣди *Горныхъ Чеченцовъ* боятся ихъ за злобу, варварство и частыя придирки къ войнѣ, такъ что этотъ народъ, внушая ужасъ всякому, отдѣляется отъ своихъ *Закавказскихъ* собратьевъ и только въ одеждѣ чрезвычайно похожъ на *Черкесовъ*, отъ которыхъ трудно его отличить. Напрасно Старшины ихъ, потому что здѣсь нѣтъ Князей, взявшись иногда за умъ, уговариваютъ разбойниковъ немного смириться и принести покорность Россіи, но *вътренники*, такъ называютъ они своихъ подданныхъ, и слушать не хотятъ, отвѣчая, что бабами не хотятъ быть, а что *шалить* имъ еще не надоѣло.—

Хотите ли видѣть какъ празднуютъ *Джуму Дагестанцы*. Конечно, но прежде мы хотимъ знать, что это за народъ? Храброе, отважное *Татарское* племя, почитающее все свое счастье въ хорошемъ оружіи и добромъ конѣ, съ трудомъ принимающее покровительство Россіи, всегда готовое воротиться къ своей беззаботной, независимой жизни, вѣрный

отпечатокъ рыцарства; вотъ вамъ въ краткихъ словахъ характеристика этого народа, съ нравами котораго мы нѣсколько познакимимся въ празднованіи *Джумы*, а образъ жизни узнаемъ потомъ, по немногу, съ помощью услужливаго *Гаче.* Знаете ли что значитъ *Джума?* По нашему Воскресенье, день, въ который *Дагестанецъ* считаетъ величайшимъ грѣхомъ работать и который онъ проводитъ въ своихъ богатырскихъ играхъ.—Кипитъ народъ на долинѣ; пестрятся цвѣтные платки, свернутые чалмами, на головахъ женщинъ, рисуются легкіе кони подъ ловкими всадниками, воздухъ полонъ ароматическихъ испареній, поднимающихся изъ цвѣтовъ, раскинутыхъ по зеленому ковру. Тамъ тяжелая *арба* скрыпя подъ грузомъ тянется влекомая парою крѣпкихъ воловъ, здѣсь стада играя и отдыхая подъ тѣнью миндальныхъ деревъ покрытыхъ бѣлыми цвѣтами и развѣсистыхъ вѣковыхъ дубовъ, наслаждаются прелестью *Дагестанскаго* вечера, далѣе группа мущинъ,

собравшись въ кружокъ, толкуетъ о красотѣ добрыхъ коней и острой шашки; тутъ опытный старецъ съ бѣлыми, уже лѣниво выходящими изъ подъ шапки, *зильфлярами*, разсказываетъ съ краснорѣчіемъ юноши молодому *Дагестанцу* о славномъ прошломъ времени, когда *Ханъ Ахметъ* подарилъ ему богатую саблю, осыпанную драгоцѣнными камнями, за то что онъ молодецки сбилъ яблоко на всемъ скаку, тамъ толпа дѣтей собравшись на плоской кровли сакли пробуетъ свои силы въ борбѣ, въ дракахъ и въ метаніе стрѣлъ. Вдругъ толпа наѣздниковъ, безъ всякаго порядка и очереди, бросается впередъ, гарцуетъ, перегоняется, перерѣзываетъ другъ другу дорогу, то сдерживая коней, то пуская ихъ во всю прыть. — Только раздаются крики: *качь! качь!* и народъ какъ движущаяся стѣна мгновенно отхлынетъ, давая дорогу бѣгунамъ. Но одинъ изъ нихъ особенно отличается своею ловкостью и богатымъ платьемъ: *Персидская чуха* обложена свѣтлымъ галу-

номъ и висячіе рукава перевиваются за плечами при каждомъ движеніи лошади, великолѣпный *архалухъ* или тюникъ подпоясанъ *Турецкою* шалью, красные шаровары забѣгаютъ въ желтые сапоги съ высокими каблуками, темные зильфляры упадаютъ изъ подъ высокой шапки, опушенной богатымъ мѣхомъ, за плечами лежитъ ружье, осыпанное камнями, у пояса торчитъ дорогой пистолетъ и привязана не менѣе богатая сабля. Збруя воронаго коня блеститъ какъ золото, а круглый разшитый шелками и утыканный блестками чепракъ прельщаетъ невольно взоры каждаго. Это *Сеидъ—Бекъ*, первый наѣздникъ и стрѣлокъ въ цѣломъ *Дагестанѣ* и *Ширванѣ*, безъ котораго не бываетъ ни скачетъ, ни *джигитовки* т. е. метанія копій, ни стрѣльбы, ни какихъ праздниковъ, котораго товарищи его не любятъ за самонадѣянность и гордость въ обращеніе, но которому хотя и нехотя, а должны они уступать первенство. Посмотрите съ какимъ презрѣніемъ посматриваетъ онъ на пеструю

толпу лучшихъ наѣздниковъ, старающихся перегнать другъ друга, какъ злобно улыбается онъ ихъ игрѣ и взоръ его кажется говоритъ: «Вы всѣ передо мною —ничто» Трепля по шеѣ ретиваго коня, онъ безпечно разговариваетъ съ кузнецомъ или *джигадаролиъ*, поправляющимъ подкову у его лошади, но вдругъ кольнувъ горячее животное въ крѣпкіе бока, онъ вихремъ пускается по равнинѣ, опережаетъ всѣхъ и тутъ сдержавъ добраго бѣгуна, останавливается какъ вкопаный среди изумленныхъ наѣздниковъ, не ожидавшихъ такого соперника. Шумная толпа застонала: *Игидъ! Игидъ!* а *Бекъ* презирая такими похвалами, получаемыми имъ безпрестанно, отъѣзжаетъ въ сторону въ сопровожденіи своихъ *Нукеровъ*. Начинается джигитовка небольшія копья крестятся въ воздухѣ, кони рвутся изъ рукъ наѣздниковъ, *Кавказскіе* богатыри то падаютъ подъ ударами противниковъ, то разгоряченные ободреніями, которыя сыплются на побѣдителей, съ новою силою вскакиваютъ на коней.

«Кто хочетъ со мною джигитовать? спрашиваетъ одинъ изъ богатырей примѣченный нами по своей необыкновенной силѣ, *Сеидъ-Бекъ* полно надъ нами шутить, поиграй со мною.» На этотъ вызовъ *Сеидъ* спѣшитъ отвѣтить по своему: онъ пускаетъ коня, подъѣзжаетъ къ силачу и крѣпкою рукою сбрасываетъ его изъ стремянъ. Толпа ахнула, а пристыженный богатырь, вскочивъ на скакуна, дружески протягиваетъ руки своему побѣдителю отъѣхавшему преспокойно нѣсколько шаговъ и снова приглашаетъ на *джигитовку*, Но уязвленное самолюбіе проглядываетъ на его смугломъ челѣ и въ блестящихъ глазахъ. Лихіе наѣздники сотворенные кажется одинъ для другаго, съѣхались, добрые кони сошлись грудь съ грудью, копья. закругились надъ головами *Дагестанцовъ*. Вдругъ силачь дернулъ свою лошадь, она попятилась и *джигитъ*, пущеный вѣрною никогда еще неошибавшеюся рукою—промахнулся: конь *Сеида*, видя летящее копье отшатнулся, взвился на дыбы, отпрянулъ

и понесся по гладкому мѣсту. Господинъ его, извѣстный своими военными хитростями, пустилъ его бѣжать, но вдругъ притянувъ поводъ, быстро обернулъ его, подскочилъ къ противнику, началъ около него кружиться, не давая ему времени опомниться, потомъ, отдернувъ коня назадъ, мѣтко пустилъ *джигидъ*, который, разрѣзавъ воздухъ, ударилъ въ непріятеля и вырвавъ его изъ сѣдла воткнулся возлѣ него въ землю. О! какой крикъ поднялъ народъ, съ какимъ шумомъ обступилъ онъ побѣдителя! А это что будутъ дѣлать? рядъ шестовъ воткнутъ въ землю и на каждомъ изъ нихъ повѣшено по шапкѣ. Стрѣлокъ, не умѣряя бѣга, долженъ сбить всѣ эти шапки одну за другою, чтобъ получить одобренія и быть названнымъ *Игидомъ*. Вотъ выѣхалъ на равнину одинъ изъ стрѣльцевъ, пафъ! первая шапка сбита, но вотъ конь его зартачился, ружье осѣклось! Другой заступаетъ его мѣсто, — не болѣе успѣха, третій, четвертый и все послѣдніе шапки оста-

ются невредимы. Посмотримъ, что то сдѣлаетъ противникъ *Сеида*, отдохнувшій уже отъ своего паденія: онъ помчался мимо шестовъ, ударъ за ударомъ раздаются въ воздухѣ, шапка одна за другою падаютъ на землю.... о! онъ вѣрно собьетъ ихъ всѣхъ .... послѣдній ударъ и — шапка невредимо виситъ на шестѣ. Досада взяла бѣднаго богатыря: онъ выхватилъ пистолетъ и не цѣлившись повергъ мертвою далеко по голубой тверди летѣвшую птицу. *Сеидъ*, принимавшій участіе въ его игрѣ, лукаво усмѣхнулся и пустивъ свою лошадь вскачь нѣсколько разъ промчался мимо десяти шестовъ крутя ружье надъ головою, но вотъ онъ всталъ на стремена, кинулъ повода на шею быстро летѣвшей лошади, прицѣлился и— шапка на полу. Не умѣряя бѣгу гордецъ еще разъ прицѣливается — тотъ же успѣхъ, тамъ еще, еще, еще и всѣ десять шапокъ, протыканныя свинцовыми игрушками, легли рядомъ возлѣ своихъ шестовъ. Молодецъ *Сеидъ!* славно стрѣ-

ляетъ, съ тобой дурно врагомъ быть, твоя шашка разрубитъ въ кусочки, а горячая пуля отыщетъ хоть гдѣ ни прячься.

Объ нравахъ *Дагестанцевъ* могу я вамъ очень мало сказать хорошаго, потому что къ лѣности, буйству и грабительству своихъ сосѣдей *Горцевъ*, они присоединяютъ хитрость, гордость и притворство, но гостепріимство и сохраненіе вѣрности гостю у нихъ въ той же силѣ какъ у прочихъ народовъ и если вы въ гостяхъ у *Дагестанца*, то можете быть твердо увѣренными, что никто не осмѣлится тронуть васъ пальцемъ, что хозяинъ, желая уподчивать васъ, угоститъ жареною бараниною, приготовленною на вертелѣ, поставитъ передъ вами прохладительный *аріанъ*, дѣлаемый изъ кислаго молока напитокъ, принесетъ вкусный *шербетъ*, въ доказательство *Татарской* роскоши, закуритъ *Персидскій кальянъ*, котораго прохлажденный водою дымъ, такъ восхищаетъ *Дагестанцевъ*, что священное здѣсь имя гостя доставитъ вамъ

все нужное, но не полагайтесь болѣе на вашего бывшаго хозяина, когда однажды вы вышли изъ его *сакли*: онъ можетъ быть поджидаетъ васъ за кустомъ и вы возвратитесь къ нему не какъ гость но какъ плѣнникъ. Этотъ народъ, одинъ изъ всѣхъ *Горскихъ* племенъ, не принимаетъ въ образцы *Кабардинцевъ*, которые всѣмъ служатъ примѣромъ въ храбрости, дерзости и военномъ искусствѣ. Знаете ли что значитъ названіе страны этой *Дагестанъ*? Страна горъ, потому что точно здѣсь проходятъ величайшія горы почти въ цѣломъ *Кавказскомъ* краѣ, придавая тѣмъ землѣ чрезвычайно дикой видъ, совершенно сообразный образу жизни ея жителей.— *Почва* здѣсь чрезвычайно разнообразна, то являясь въ видѣ прелестнѣйшей долины, царства плодовитыхъ деревьевъ, исполненнаго ароматовъ, исходящихъ изъ тысячи цвѣтовъ, пестрѣющихъ по зеленымъ лугамъ, то вдругъ представляетъ одичалую массу горъ, опушенную густымъ лѣсомъ, гдѣ Творецъ кажется со-

бралъ всѣ ужасы природы, гдѣ человѣкъ не осмѣливается очистить себѣ путь и куда только одинъ дерзкій *Дагестанецъ* осмѣливается заглядывать, бывъ твердо увѣренъ въ легкости своего коня и положась совершенно на его умѣніе карабкаться по утесамъ, камнямъ и вершинамъ, покрытымъ снѣгомъ. Тамъ вѣковые дубы, яворы, сосны, тополи, липы, сплелись вѣтьвями, составивъ непроходимый сводъ, тамъ медвѣди, чекалки, волки только служатъ грустными *товарищами* безстрашному *Горцу*, тамъ *Сентябрская* буря воетъ на раздольѣ и громъ, пробѣжавъ по долинѣ, клокочетъ въ ущеліяхъ горъ, вторимый многократнымъ эхомъ.

«*Хошь - Гяльды!*» (милости просимъ) говоритъ нашъ *Дагестанецъ*, отворяя калитку своей сакли и приглашая насъ войти, переговоривъ сперва съ нашимъ *Гаче*.

Сакля есть ничто иное какъ одноэтажное, сложенное изъ камней, связанныхъ между собою глиною, съ плоскою земля-

ною кровлею строеніе, въ которомъ стекла въ окнахъ замѣнены деревянными рѣшетками. Молодое лице *Дагестанки*, выглядывающее изъ подъ суконной шапки, опушенной мѣхомъ, прильнуло къ окну, когда мы входили въ саклю, но вошедъ въ жилище, мы уже не видимъ его болѣе: оно скрылось. А, да вотъ и минутная знакомка наша: это дочь нашего хозяина, миловидная *Зюлема*, которую онъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ и которую старается наряжать какъ куколку: въ самомъ дѣлѣ ея глазетовый архалухъ съ эмалевыми пуговочками очень богатъ, оранжевая сорочка выткана изъ прекраснаго шелка, желтые сапожки красивѣе чѣмъ у ея подругъ, но не смотря на весь этотъ нарядъ *Зюлема* должна уступить въ красотѣ *Черкешенкамъ*, которыя не имѣютъ соперницъ въ цѣломъ *Кавказѣ*. Она принесла намъ плоды, искусно засахаренные, конфекты изъ Турецкаго гороха, любимое здѣсь лакомство и сосудъ полный вкуснаго шербета, приготовлен-

наго изъ сока разныхъ фруктовъ. *Зюлема*, какъ и всѣ здѣшнія дѣвушки, имѣетъ полную свободу ходить куда ей угодно и крѣпкіе запоры Гаремовъ, ни ихъ золотыя рѣшетки не извѣстны въ *Дагестанѣ*, она безпрепятственно пробѣгаетъ по отдаленнымъ долинамъ, блуждаетъ въ густыхъ лѣсахъ съ любимою прислужницею и никому не покажется это странно, а всякой напротивъ встрѣтивъ ее, ласково ей поклонится со словами: Здравствуй милая *Зюлема!*

И, вотъ ея меньшой братъ, славный мальчикъ, съ глазами полными огня и говорящими, что онъ весь будетъ въ своего отца; малютка вбѣжалъ въ саклю, не видя насъ и съ крикомъ помахивая саблею бросился къ отцу: «*Кесь!* (молчи) закричалъ *Дагестанецъ*, у меня гость!» и дитя, какъ бы уже понимая всю важность этаго слова, присмирѣлъ обглядывая насъ съ ногъ до головы съ удивленіемъ.

Дагестанъ, *Ширванъ* и нѣсколько принадлежащихъ имъ Ханствъ, состоятъ подъ

самовластнымъ управленіемъ *Шамхала*, знающаго надъ собою только одну власть: Россійской Имперіи, но теперь могущество его чрезвычайно ослабло и онъ остался силенъ еще только собственно въ своемъ округѣ, котораго главный городъ *Тарку* мы теперь посѣтимъ. Эта столица *Шамхала* расположена на крутизнахъ оврага, идущаго уступами къ *Каспійскому морю*, по всему пространству разбросаны однообразныя сакли, между двумя рѣчками тянется рядъ садовъ, окруженныхъ рвами и заборами и посреди всего этого незначущаго строенія величаво возвышается *Шамхальскій* дворецъ выстроенный на самомъ возвышенномъ пунктѣ — вотъ въ чемъ состоитъ столица владѣтеля, въ которой достойны вниманія только водопроводы, посредствомъ которыхъ съ сосѣдственной горы проведена ключевая вода въ городъ. А вотъ *Дербентъ*, прекрасная крѣпость по своему выгодному мѣстоположенію между *Каспійскимъ моремъ* и цѣпью горъ, крѣпость, основаніе которой теряется въ

глуши вѣковъ и которая до сихъ поръ сохраняетъ остатки древности въ своей возвышенной цитадели и въ развалинахъ длинной стѣны. Природа видимо подавала помощь при созданіи этого города, который изобилуетъ всѣми оборонительными средствами и ни мало не долженъ бояться нападеній непріятеля потому что благодаря его возвышенному положенію издали можно видѣть опасность; суда по мелководію не могутъ останавливаться у самаго берега—еще новое удобство и къ тому же неприступныя горы, ставшія съ Сѣвера высокою стѣною. — Такое отличное положеніе не могло не обратить на *Дербентъ* всеобщаго вниманія и вотъ Петръ Великій, предводительствуя Самъ войсками, подступилъ къ непобѣдимому; послѣ того еще разъ Русскія знамена развѣвалисъ на его стѣнахъ осѣняя армію *Графа Зубова* и наконецъ въ 1806 году *Дербентъ* призналъ надъ собою власть Россіи, давъ ей обѣщаніе пребывать вѣрнымъ новой покровительницѣ.

Но довольно уже намъ скитаться ме-

жду дикарями, чуждыми всякаго образованія и провождающими всю жизнь свою въ грабежахъ да разбояхъ, отдохнемъ немного у скромныхъ, трудолюбивыхъ *Армянъ*, занявшихъ большое пространство *Кавказа*, но настоящія границы ихъ владѣній опредѣлить очень трудно, потому что этотъ народъ, въ древности столь славный, теперь разсѣянъ по всей землѣ, придерживаясь тѣхъ мѣстъ, гдѣ можетъ свободно торговать, а особливо поселился онъ въ странѣ, видѣвшей нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, его славное, процвѣтающее Царство. Тутъ то, въ этой странѣ, столь обильной для *Армянъ* горестными воспоминаніями о милой роднѣ, мы познакомимся съ этимъ народомъ, очень занимательнымъ и достойнымъ всеобщаго уваженія. Кто владѣетъ исключительно всею торговлею *Закавказскаго края? Армяне.* Кто мало по малу, какъ трудолюбивая пчела, скопляетъ большія богатства? *Армснія.* Кто завладѣлъ рукодѣліями, мастерствами, торговлею въ *Турецкихъ и Персидскихъ*

областяхъ? Арменія. Какъ же послѣ этого безпрестаннаго труда и неусыпной дѣятельности не обратить вниманія на такую страну. Долго область эта была игрушкою сосѣднихъ народовъ, нѣсколько столѣтій видѣли ея упадокъ, неволю, страданія, но наконецъ, склонясь подъ тѣнь Россіи, она отдохнула, встрепенулась и развила весь свой оборотливый умъ такъ, что теперь, не смотря на недружелюбіе, которое питаютъ къ ней *Турція*, *Персія* и *Грузія*, онѣ принуждены прибѣгать къ ней, потому что безъ ея помощи совершенно пропадутъ. Пріятно замѣтить, что эти самыя несчастія, безпрестанныя перемѣны владѣтелей, сближеніе съ поклонниками *Магомета*, не могли заставить *Армснію* измѣнить Христіанской Вѣрѣ и она осталась ей вѣрна вопреки всѣмъ усиліямъ *Арабовъ*, *Персіянъ*, *Турокъ* и проч.

Армснія пріобрѣтена Россіею отъ Персіи въ послѣднюю войну и состоитъ изъ областей *Нахичеванской* и *Эриванской*. Округи или *Махале* управляются *Наибами*, избираемыми жителями, но по бе-

регамъ рѣчки *Абарана* живутъ кочующіе *Армяне*, находящіеся подъ владѣніемъ своихъ Султановъ. Земля ихъ одарена прекраснѣйшими произведеніями, климатъ очень пріятный и здоровый, а положеніе для торговли весьма выгодное. Чего́ же болѣе такому народу, котораго промышленность составляетъ главное занятіе? Прекрасные луга покрыты жирными стадами, въ селеніяхъ приготовляютъ вкусные сыры и масло, а въ городахъ на каждомъ шагу встрѣтите мыловаренныя, кожевенныя, шелковыя, шерстяныя и бумажныя фабрики.

Народъ этотъ, столько лѣтъ притѣсняемый, угнетаемый, сдѣлался мало по малу дерзокъ, мстителенъ, вспыльчивъ и сохранилъ важный видъ, полученный имъ отъ несчастій, разражавшихся надъ нимъ безпрестанно. *Армянинъ* молчаливъ, угрюмъ, будетъ отвѣчать вамъ всегда коротко и отрывисто, избѣгая большихъ разговоровъ и особливо собратія ихъ, придерживающіеся къ *Шіитской* и *Суннитской* сектѣ. Не довѣряйте этому чело-

вѣку, одѣтому въ Персидское платье: онъ обманетъ васъ самымъ хитрымъ образомъ, будетъ льстить вамъ, искать вашей дружбы, но берегитесь: быть можетъ возвратясь домой вы не найдете болѣе чего нибудь изъ вашего имущества, утащеннаго лукавымъ *Армянинолъ*, а этотъ дородный, по Турецки одѣтый, человѣкъ, предлагающій вамъ куски мыла, придерживается Сунитской секты и всю жизнь свою проводитъ въ лѣнивомъ бездѣйствіи или же случится ему чѣмъ нибудь торговать, способъ, къ которому онъ прибѣгаетъ не по охотѣ, но единственно по нуждѣ, то онъ старается заставить васъ заплатить за его товаръ какъ можно подороже, чтобы тѣмъ, такъ сказать, выкупить свою скуку. Но *Армяне Христіане* — отличаются отъ своихъ Магометанскихъ собратьевъ трудолюбіемъ, гостепріимствомъ и хотя долгія гоненія наложили и на нихъ свою печать, отъ чего они сдѣлались очень молчаливы и угрюмы, однако они не сдѣлаютъ вамъ дерзости, когда вы обрати-

тесь къ нимъ съ какою нибудь просьбою, не отвѣтятъ вамъ грубо на ваши вопросы. Отдохнувъ у этого добраго *Армянина*, подчиваюшаго насъ рыбою, свѣжимъ масломъ, сыромъ и жаренымъ зайцемъ, пойманнымъ имъ самимъ въ здѣшнихъ лѣсахъ, мы пойдемъ прогуливаться по городамъ.

Дорога здѣсь препріятная: горы, страшные обрывы, темная зелень лѣсовъ, свѣтлыя рѣки, сокращаютъ ее чрезвычайно и мы вовсе не примѣчая доѣхали до *Эривани*, главнаго города области, отдѣляемой отъ *Нахичеванской* небольшою рѣчкою *Арпа-Чай*. Сѣверъ ея покрытъ горами, между которыми встрѣчаешь множество безплодныхъ мѣстъ, по суровому климату; шумный *Аракс*ъ бѣжитъ по границѣ Персіи съ Россіею, обширное озеро *Севанга*, оцѣпленное горами, какъ сторожами, надѣляетъ область вкусною рыбою, живущею здѣсь во множествѣ, можетъ быть отъ того, что это озеро имѣетъ достоинство никогда не замерзать и на берегахъ

двухъ рѣкъ расположенъ наконецъ главный городъ. Но не селеніе ли это? Земляная крѣпость, крытая соломою и камышемъ, нѣсколько полуразвалившихся зданій, разбросанныхъ около канала и двухъ водопроводовъ, посредствомъ которыхъ жители получаютъ воду и каменный мостъ, довольно красиво переброшенный черезъ *Зангу* — вотъ рамка *Эриванн*, вотъ она вся. Бѣдняжка еще больно чувствуетъ удары, нанесенные ей въ послѣднюю нашу войну съ Персіею и до сихъ поръ не можетъ опомниться отъ испуга, который причинило ей появленіе храбраго *Паскевича;* скоро, скоро попечительность добраго Государя, подъ власть котораго ты подпала, вылѣчитъ эти легкія раны.—Прежде чѣмъ совершенно проститься съ *Эриванью,* мы взглянемъ на главное ея украшеніе, которое хотя и полуразрушено въ настоящія времена, однако даже своими остатками привлекаетъ путешественника. Его великолѣпіе, красота помирятъ насъ не много съ безпорядочною *Эриванью,*

и мы будемъ одолжены ей нѣсколькими очень пріятными часами. »Проведи насъ, добрый *Армянинъ*, къ дворцу послѣдняго *Сардара;*» и вотъ мы уже гуляемъ по его великолѣпнымъ дворамъ, среди богатыхъ развалинъ пышныхъ стѣнъ, украшенныхъ золотыми и серебренными узорами, попираемъ мраморные остатки половъ, бродимъ между грудами досокъ, сдѣланныхъ изъ драгоцѣннаго дерева и обклеенныхъ перламутовыми кусочками; вотъ здѣсь, это срубленное, пустое мѣсто, занималъ прекрасный садъ, гдѣ востокъ истощилъ все свое умѣнье въ украшеніяхъ, и гдѣ природа, непримиримый врагъ искусства, дружно помогала ему на этотъ разъ всѣми средствами, которыми одарилъ ее Творецъ: какіе фонтаны били со всѣхъ сторонъ, сколько прелестныхъ рощъ приглашали подъ свою прохладительную тѣнь, какой ароматъ цвѣтовъ и деревьевъ наполнялъ воздухъ, какія здѣсь были прелестныя бесѣдки! А тамъ *Сардаръ* на пышныхъ, шелковыхъ диванахъ обли-

тый и окруженный золотомъ, принималъ своихъ чиновниковъ, далѣе златистый *Гарелиъ* скрывалъ отъ любопытныхъ взоровъ, его женъ, жившихъ въ великолѣпныхъ отдѣленіяхъ, для украшенія которыхъ не жалѣли ни камней драгоцѣнныхъ, ни металловъ, и гдѣ прелестнѣйшій садъ, собраніе роскоши, служилъ прекраснымъ ежедневною прогулкою.—Но вотъ предметъ нашего любопытства, драгоцѣнность еще довольно счастливо избѣжавшая истребительной руки времени. Это великолѣпнѣйшій остатокъ всего дворца, извѣстный подъ названіемъ *Зеркальнаго домика.* Что за богатство! Поднимите голову: мраморный потолокъ затканъ золотомъ и серебромъ, самыя яркія краски перемѣшаны на немъ въ видѣ фруктовъ, арабесковъ, цвѣтовъ, фигуръ; кажется что этотъ прелестный мозаикъ составленъ изъ драгоцѣнныхъ камней; взгляните на полъ: вы ходите по изумрудамъ, яхонтамъ, алмазамъ, аметистамъ, расположеннымъ и кругами и четвероугольни-

ками и звѣздами и многоугольниками, а окна, они составляютъ длинную зеркальную галлерею, изъ небольшихъ разныхъ цвѣтовъ стеклышекъ, вставленныхъ въ перломутовыя рамочки и исписанныхъ золотыми вычурами, отъ чего въ комнатахъ всегда темно, но принесите свѣчу и зеркальная зала запылаетъ, взгляните же снаружи и вамъ представится прозрачныя картины, какъ во время фейерверка. Куда вы не оборотитесь — вездѣ видите свое изображеніе: и на полу, и на потолкѣ и въ карнизахъ и около колоннъ и на стѣнахъ, повсюду тысячи зеркальцевъ, передадутъ вамъ впрочемъ довольно неправильно вашъ портретъ. А столбы, поддерживающіе галлерею, каковы? Они зеркальные, шестигранные и отражаютъ солнечные лучи милліонами блестокъ; зеленые, прекрасно подражающіе природѣ, виноградные листья вьются вокругъ нихъ, а янтарныя грозды красивыми пучками, висятъ изъ подъ нихъ. — Могли ли вы представить себѣ такое великолѣпіе?

Взгляните же теперь на видъ, открывающійся предъ вами изъ дворца: шумная *Занга* кипитъ съ яростью внизу обрыва, по крайней мѣрѣ сажень на 40, бурнымъ потокомъ несется къ деревянному мосту, перепрыгиваетъ черезъ него и пѣнясь и ярясь исчезаетъ въ отдаленности. Слѣдуя глазами за ея занимательнымъ теченіемъ, вы невольно останавливаетесь передъ двумя Гигантами — Араратами и вспоминаете чудесное событіе, которымъ ознаменовался старшій, вѣчно напудренный изъ двухъ братьевъ. Далѣе встрѣчается гряда мѣловыхъ горъ, спереди зеленѣются кое гдѣ оставшіеся вѣковые дубы, стройныя пальмы, темныя сосны, уцѣлѣвшія еще изъ всѣхъ прежнихъ украшеній Сардарскаго сада и между ними на высокомъ курганѣ виднѣется въ Китайскомъ вкусѣ выстроенная бесѣдка. Жилища Эриванскихъ жителей разбросаны въ безпорядкѣ въ разныхъ мѣстахъ. Зайдемъ помолиться въ близъ лежащую Церковь во имя *Покрова Пресвятыя Богородицы*, выстроенной на

мѣстѣ великолѣпной Сардарской мечети, и здѣсь мы съ благоговѣніемъ взглянемъ на работы Императрицы Маріи Ѳеодоровны и нынѣ благополучно царствующей Государыни Александры Ѳеодоровны. Эти одежды на престолъ и жертвенникъ, эти три воздуха, шиты Ихъ Собственными руками и дары эти, напоминающія намъ столь любимыхъ всѣми Русскими Особъ, несказанно радуютъ путешественника въ этомъ отдаленномъ, дикомъ мѣстѣ.

Оставимъ *Эривань* и будемъ продолжать нашъ путь черезъ этотъ каменный мостъ на красивыхъ аркахъ, вдоль садовъ, мимо горъ и по берегамъ свѣтлыхъ ручьевъ; передъ нами открылась равнина и тутъ на высокой *горѣ Эчміадзинской* возносится къ небесамъ извѣстный *Эчміадзинскій монастырь*, столь богатый своими прекрасными рукописями и драгоцѣнными книгами; множество келій разбросано у подошвы горы и тутъ святые отшельники проводятъ дни и ночи въ молитвѣ, постѣ и самой воз-

держной жизни. *Патріархъ Ефремъ* очень много способствовалъ къ благоустройству этого заведенія и благодаря его стараніямъ иноки имѣютъ теперь прекрасный погребъ, для сохраненія винъ, анбаръ для хлѣба, базаръ, конюшни и каждый путешественникъ, вступая въ теплую, хорошую комнату гостинницы, имъ же устроенной, невольно ощутитъ благодарность въ честь того, кто это завелъ. Въ *Арменіи*, безпрестанно готовившейся къ оборонѣ, на всякомъ шагу встрѣтишь крѣпости, служившія ей защитою противъ частыхъ непріятелей; напримѣръ передъ вами открывается *Сардаръ-Абадъ* и вы по ея двойнымъ стѣнамъ и по прочнымъ башнямъ тотчасъ видите съ какою цѣлью она была построена, а *Абасъ-Абадъ*, лежащій на лѣвомъ берегу *Аракса*, не говоритъ ли вамъ ясно, что съ этихъ крѣпкихъ стѣнъ, почитаемыхъ *Персіянами* вѣрною защитою противъ Россіи, не одно Персидское ядро летало въ наши безчисленные ряды воиновъ, не говорю уже объ ви-

дѣнной нами *Эривани,* гдѣ въ 1826 году текли кровавыя рѣки и гдѣ ужаснувшаяся Персія смирилась передъ Россіею, но обратите ваше вниманіе на это множество селеній и маленькихъ городишковъ, разсѣянныхъ по горамъ, рѣчкамъ и долинамъ: въ каждомъ увидите хотя маленькую крѣпостцу и въ каждомъ 1826-й годъ ознаменовался храбрымъ сопротивленіемъ Армянъ и мужествомъ Русскихъ, которыми предводительствовалъ герой *Паскевичъ!* — Но вотъ наконецъ *Нахичевань,* главный городъ области, того же имени, прежде славный, многолюдный, цвѣтущій; теперь покрытый развалинами и едва вмѣщающій до 5000 жителей. Напрасно *Персіяне* и *Армяне* силились отстоять свою крѣпость у Русскихъ, они отняли ее и теперь со всѣмъ своимъ округомъ по *Туркменчайскому трактату* она вошла въ составъ *Армянской области.* Еще одинъ шагъ и мы будемъ на священномъ *Араратѣ;* а знаете ли чѣмъ онъ примѣчателенъ? Какъ не знать: здѣсь Ноевъ ковчегъ по 40

суточномъ плаваніи во время потопа наконецъ остановился. Такъ точно и *Армяне* полагаютъ, что первымъ своимъ мѣстопребываніемъ праведный мужъ избралъ *Нахичевань*, названіе котораго означаетъ *первое пристанище*. Теперь что шагъ, то новыя красоты будутъ представляться нашимъ глазамъ: мы въ *Грузіи*. Какое волшебное слово! Съ какимъ удовольствіемъ ступаемъ мы на эту землю, полную прелестей, съ какимъ вниманіемъ разсматриваемъ каждый утесъ, каждую стремнину, прислушиваемся къ шуму бурливаго *Терека*, любуемся его разнообразнымъ теченіемъ! Хорошъ *Кавказъ* своею дикою красотою, хороша *Арменія*, своими развалинами, раждающими въ насъ тысячу воспоминаній, но *Грузія*.... О! *Грузія* превышаетъ ихъ своею дикостью, угрюмостью, ужасами! Эта единственная страна, заброшенная такъ далеко, невольно приманиваетъ къ себѣ путешественника, но сколько долженъ онъ перенести трудностей, чтобы достигнуть цѣли своихъ

желаній, какъ устанетъ онъ карабкаясь по горамъ, да утесамъ, покуда доберется до *Тифлиса*, но онъ въ *Грузіи* и эта мысль заставляетъ его все забыть. А плоды здѣсь, о! какіе плоды! Что за ароматъ, что за вкусъ, что за дешевизна. Про виноградъ и говорить нечего, войдите въ любой садъ, кушайте сколько угодно и никто вамъ слова не скажетъ, хозяинъ даже не поморщится, потому что здѣсь эти ягоды почти ничего не стоятъ; но груши здѣшнія, называемыя *гуллябы*, особливо вкусны, попробуйте и вы скажете что это точно рѣдкость въ прозябаемомъ царствѣ, а персики какъ бархатъ, а абрикосы, а винныя ягоды, а сливы!....

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 воду, въ 1795 году *Ага Магмедъ* разорилъ *Тифлисъ*, но съ 1802 года она снова возвращена Россіи, Александромъ Благословеннымъ и съ тѣхъ поръ она наслаждается спокойствіемъ подъ тихимъ кровомъ нашего отечества. *Грузины* народъ очень воинствен-

ный, храбрый, веселый, гостепріимный, но образованность на чрезвычайно низкой степени. Слышите ли какъ весело они распѣваютъ гуляя по улицамъ; завтра у нихъ праздникъ въ городкѣ *Мухетѣ,* древнемъ мѣстѣ, освященномъ, какъ говорятъ, присутствіемъ *праведной дѣвы Нины,* пришедшей изъ Іерусалима водрузить крестъ Христіанскій на чужой землѣ. Вотъ здѣсь, въ этихъ пещерахъ, выкопанныхъ ея собственными руками, она спасалась съ нѣсколькими монахинями, здѣсь возымѣла великую мысль заставить всю древнюю *Иверію* просвѣтиться лучезарнымъ свѣтомъ Христіанства и вотъ крестъ, сплетенный изъ виноградныхъ лозъ и перевязанный ея волосами, которымъ она благословляла вѣрующихъ. Когда Государь Александръ посѣтилъ *Грузію,* то Князь Грузинскій поднесъ Ему эту святыню.—Видъ города прелестный! Онъ такъ живописно раскинулся множествомъ низкихъ саклей, при подошвѣ лѣсистыхъ скалъ, такъ красиво разлегся по берегамъ соединившихся

Куры и *Арагвы*, древній храмъ его, ясно говорящій, что Греки были его архитекторами, такъ величественно возвышается между плоскими саклями. Дорога къ нему покрыта идущими и ѣдущими на богомолье; широкой, церковный дворъ заставленъ повозками, лошадьми и толпы безпорядочными групами прохаживаются за высокою, каменною оградою. Войдемте въ церковъ, и здѣсь, столпившійся народъ едва даетъ мѣсто новому пришельцу, толкаясь, шумя, бранясь и часто забывая о мѣстѣ, въ которомъ онъ находится; но вотъ наконецъ намъ очистилась дорога, приложимтеся къ хитону Господню, найденному подъ однимъ изъ здѣшнихъ кедровъ и тщательсохраняемому, а потомъ пойдемте отдохнуть въ саклѣ этого богатаго *Грузина*, приглашающаго насъ къ обѣду. Пышные, Персидскіе ковры раскинуты по полу и на нихъ множество разнообразныхъ кушаньевъ: тамъ сыръ разлегся на серебренномъ блюдѣ, здѣсь множество приправленныхъ травъ навѣваютъ на

насъ пріятнымъ паромъ, далѣе базбаге изъ баранины манитъ любителя его, тутъ *плов*ъ изъ бѣлаго какъ снѣгъ сарачинскаго пшена, подкрашеннаго шафраномъ, возлѣ него зарумянился *ташлык*ъ или баранье мясо, жареное на вертелѣ и наконецъ нѣсколько кувшиновъ краснаго и бѣлаго вина. Хозяинъ усердно насъ подчиваетъ, то однимъ, то другимъ и мы насилу успѣваемъ отвѣдывать его разнообразныхъ кушаньевъ; ну вотъ, наконецъ подали десертъ. Каковъ виноградъ? И въ какомъ изобиліи! Но нѣтъ, обѣдъ еще не конченъ, теперь начнутся заздравные тосты и никто не смѣетъ отказываться ни отъ одного изъ нихъ. Почтенный старецъ, почетнѣйшій изъ гостей, выбираегся пирующими *толубашемъ* т. е. всеобщимъ распорядителемъ пиршества, онъ беретъ кувшинъ, наливаетъ въ кубокъ хозяина свѣтлый напитокъ и *Грузинъ* со словами: *ала верди!* относящимися къ *Толубашу*, выпиваетъ свой стаканъ до дна; почетный же старецъ немного наклоня голову отвѣчаетъ:

яхти олъ! и наливаетъ вино сосѣду своему, произносящему тѣ же слова и получающему тотъ же отвѣтъ. Вотъ заздравный кубокъ обошелъ всѣхъ гостей и теперь *Толубашъ*, наливъ себѣ стаканъ, благодаритъ все общество и пьетъ за общее здоровье. Что это? Еще должно пить? Да сперва подчивали въ кубкахъ, а теперь начнутъ разносить серебренныя чашки, извѣстныя подъ названіемъ *тасъ*, послѣ же этого являются рога дикихъ козъ, оправленные въ серебро. Наконецъ то мы вышли изъ за стола, зазвенѣли колокольчики, ударили въ бубны и черноокія, статныя *Грузинки* заплясали *лезгинку*, прелестный танецъ, когда его хорошо танцуютъ, но здѣшнія красавицы славятся своею ловкостью и мило на нихъ смотрѣть, когда они ныряютъ по полу сакли, то скрываясь подъ длинными покрывалами, то свиваясь пестрою цѣпью. Однако мы на нихъ очень загляделись, а вечеръ уже давно покрылъ землю мракомъ и такъ какъ намъ довольно далеко до квартиры, то мы и

поспѣшимъ возвратиться домой, чтобы завтра поранѣе могли быть готовы къ обѣдни.—Боже мой! Что это за дикой крикъ! подъ самыми нашими окнами! *Арало! Арало!* кричатъ *Грузины*, собравшіеся пестрыми толпами на улицѣ; уже ночь началась, за чѣмъ они нейдутъ спать? Развѣ вы не знаете, что богомольцы, съѣхавшіеся на завтрешній праздникъ, не будутъ сегодня спать и всю ночь пропируютъ по улицамъ съ этимъ заунывнымъ крикомъ: *Арало!* Но вотъ и свѣтъ блеснулъ въ окнѣ, заря занялась, а несносные *Грузины* не унимаются; вотъ ужъ и разсвѣло, одѣньтесь и пойдемте въ Соборъ, гдѣ уже вѣрно прежде насъ собрались многочисленныя толпы богомольцевъ. Да, мы отгадали, церковь ломится отъ народа, но что дѣлаетъ этотъ человѣкъ въ сѣромъ чехѣ съ закидными рукавами? Онъ рѣжетъ на помостѣ барана по *Грузинскому* обычаю; народъ замкнувъ его въ своей движущейся оградѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ловкаго удара!.., Ножъ блеснулъ,

кровавый ручей потекъ къ ногамъ отхлынувшей черни и обезглавленное животное рухнулось на мѣстѣ своей казни; но вотъ ударили въ колоколъ, еще, еще; всѣ бросились къ храму и Божественная Литургія вознеслась прямо къ небесамъ. Какъ пріятно помолиться съ вѣрными Христіанами послѣ столь продолжительнаго гощенія у иновѣрцовъ; какъ сладко чувствовать, что каждое слово Архимандрита, есть хвала Богу и Его Святому Сыну, знать что мысли каждаго обращены къ одному предмету: прославленію Св. Троицы. Обѣдня кончена, почтенный пастырь принимаетъ общія поздравленія и приглашаетъ почетнѣйшихъ изъ посѣтителей раздѣлить съ нимъ его скромную трапезу; многіе Русскіе находятся въ этомъ числѣ, но мы должны отказать Его Высокопреподобію, потому что лошади уже готовы и наши друзья въ *Тифлисѣ* давно насъ ожидаютъ. — Глубокая и быстрая *Кура*, величаво служитъ намъ проводникомъ, пробѣгая красиво между острыми ска-

лами, рисуя множество изгибовъ, то журча по прелестнѣйшей долинѣ, то омывая подошвы высокихъ горъ, глядящихся въ ея свѣтлыя воды; плоскія сакли разбросаны по дорогѣ, бѣдные жители усѣвшись около своихъ жилищъ, то поигрываютъ на балалайкѣ, соединяя съ ея нестройными звуками унылый напѣвъ Грузинской пѣсни, то нагружаютъ столь полезныхъ здѣсьословъ, кулями полными пшена, то изнуренные жарами, происходящими отъ острыхъ скалъ, на которыя безпрепятственно ударяетъ солнце, они отдыхаютъ подъ тѣнью развѣсистой груши, плодами которой утоляютъ свою жажду. Но что за пригорки видимъ мы по обѣимъ сторонамъ каждой сакли? Тамъ зарыты кувшины, полные вина. Какъ? Да, потому что въ *Грузіи* нѣтъ погребовъ и вино очень скоро портится, почему и изобрѣли это средство сохранять его отъ порчи нѣсколько долѣе; когда же приходитъ время, что его надобно начать употреблять, то выкапываніе кувшиновъ

дѣлается съ большимъ торжествомъ, сбираются сосѣди и друзья хозяина, дающаго праздникъ, пируютъ у него весь день, пляшутъ, играютъ на балалайкѣ, распиваютъ откупоренное винцо и весь день проводятъ очень весело, расходясь по домамъ уже тогда только, когда луна начнетъ спорить съ солнцемъ и когда послѣднее побѣдитъ первую.

Съ какимъ нетерпѣніемъ мчались мы къ *Тифлису*, какъ скучали мы безпрестанными препятствіями, представлявшимися на нашей дорогѣ, то въ видѣ голой скалы, наклонившейся надъ самою тропинкою, по которой мы съ чрезвычайною опасностью пробирались, то подъ формою бурливаго *Терека*, вырвавшагося изъ разсѣлинъ дикихъ горъ; иногда лошади наши цѣпляясь за кусты, камни, катившіеся у нихъ изъ подъ ногъ, принуждены были останавливаться отъ усталости и часто шумный водопадъ, низвергающійся съ обнаженныхъ высотъ, въ каменныхъ нѣдрахъ которыхъ онъ умѣлъ проточить себѣ дорогу, пугалъ

робкихъ животныхъ: они останавливались, фыркали, подымали уши и мы не могли ихъ заставить подвинуться. О! если бы мы знали что̀ ожидаетъ насъ въ *Тифлисѣ*, то конечно не торопились бы такъ, не роптали бы на Бога, сотворившаго столько дикихъ красотъ на нашемъ пути, не лили бы на бѣдныхъ лошадей обильный дождь ударовъ; но кто могъ ожидать, что первый городъ *Закавказа* есть нечто иное какъ неровный четвероугольникъ, перерѣзанный въ разныхъ направленіяхъ кривыми и узкими улицами, гдѣ плоскія сакли, еле-еле видимыя изъ подъ земли, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прерываются довольно обширными зданіями, показывающими Европейской вкусъ, между которыми особенно примѣчательны: домъ Губернатора, украшенный порядочнымъ садомъ, рѣдкимъ явленіемъ въ *Тифлисѣ*, гдѣ однако такъ легко можно было бы заняться садоводствомъ, *Гостинный дворъ*, полный грязныхъ *Азіатцевъ*, нагружающихъ и разгружающихъ

длинноухихъ ословъ, *Гошпиталь*, радующій видомъ зелени и особенно здѣсь поражаетъ большая четвероугольная площадь, называемая *Царскою*, украшенная хорошимъ каменнымъ строеніемъ и являющаяся какъ перла посреди булыжника. — Но заглянемъ въ здѣшнія бани желѣзосѣрнаго горячаго источника. Говорятъ, что этимъ водамъ и *Тифлисъ* одолженъ своимъ существованіемъ, потому что пользу они доставляютъ большую больнымъ, стекающимся сюда въ достаточномъ количествѣ; а замѣтьте странный способъ лѣченія ими: страждущій ложится на каменномъ тепломъ полу и баньщикъ, служащій при этомъ заведеніи, искусно начинаетъ расправлять ему каждый составъ особенно, потомъ бьетъ кулакомъ, но это совсѣмъ не больно, напротивъ больные увѣряютъ, что очень пріятно; послѣ этого надѣваетъ на руку шерстяную перчатку и вытеревъ ею крѣпко всѣ больныя мѣста, обливаетъ страдальца горячимъ мыломъ, что лѣчащіеся чрезвычайно любятъ,

иногда же баньщикъ приходитъ въ такое безпамятство, что вспрыгиваетъ на плеча своей жертвы, скользитъ по бедрамъ, не причинивъ ей однако ни малѣйшей боли. — Прощай *Тифлисъ*, въ другой разъ мы не будемъ до такой степени торопиться посмотрѣть на тебя, прощай, желаемъ чтобы къ будущему нашему посѣщенію ты былъ бы не много покрасивѣе убранъ, чтобы уродливые сакли замѣнились бы хорошими домами и чтобы прелестная зелень, перемѣшанная цвѣтами, вспоминала бы намъ что мы въ *Грузіи*. Впрочемъ и теперь здѣсь есть большія зданія, публичный роскошный садъ, бульвары почти какъ въ Петербургѣ, только несравненно потѣнистѣе.

Чѣмъ далѣе ѣдемъ, тѣмъ картина дѣлается ужаснѣе: вотъ мы спустились въ какой то ровъ, надъ нами по обѣимъ сторонамъ склонились одна къ другой двѣ горы, образовавъ такимъ образомъ что то въ родѣ пещеры, подъ нашими ногами ревetъ рѣка и отъ времени до

времени, найдя свободный проходъ, она съ шумомъ вырывается къ намъ на встрѣчу, разбиваясь у самыхъ ногъ нашихъ лошадей въ тысячу брызговъ; вотъ мы немного поднялись и вдругъ передъ нами какъ баснословный великанъ, заслонявшій непослушному мальчику дорогу, высунулась остроконечная громада, по которой взвилась какъ змѣйка узкая тропинка; вершина ея теряется въ облакахъ, а мохнатая подошва уперлась въ черную какъ ночь пропасть, Чу! Выстрѣлъ! Это *Горецъ* забавляется изъ за куста! Слышите ли шумъ? Это *Терекъ*, увлекающій въ своемъ теченіи огромные камни и порывающійся вырваться изъ дикаго ущелья, въ которое сперла его природа. А это? Рѣзвая *Арагва*, отдѣлясь отъ своего свирѣпаго брата, побѣжала по долинѣ. Вотъ мы и добрались вершины: подъ нами облака, надъ нами чистое, лазуревое небо; а пропасть въ которой мы сей часъ пробирались, она намъ предстаявляется черным пятномъ, вотъ и *Тифлисъ*, а тамъ?

Терекъ, круто и съ яростью поворачивающій въ противоположную сторону, гдѣ съ новою силою открываетъ себѣ путь. Что за видъ! Вокругъ насъ, какъ солдаты на карауле, стоятъ огромныя горы, закованныя въ ледяныя оковы, а внизу разбросаны сакли, гдѣ уже воображеніе представляетъ мнѣ бѣдность, неопрятность, печаль. И въ самомъ дѣлѣ войдите къ *Грузину* поселянину въ жилище: ни сундуковъ Татарскихъ не встрѣтите, ни ковровъ Турецкихъ не увидите; вы спуститесь въ темную яму, прикрытую въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли плоскою кровлею; отъ глиняныхъ стѣнъ и землянаго пола пышетъ сыростью, тяжелый запахъ которой распространяется на всю саклю; ветхая, полусогнившая перегородка отдѣляетъ только жителей отъ скота, котораго рогатыя головы безсмысленно выглядываютъ изъ за щелей, продѣланныхъ ихъ рогами, или просунувъ головы въ дыры, лакаютъ изъ тѣхъ же сосудовъ, изъ которыхъ дѣти таскаютъ лепешки, состря-

панныя изъ муки и воды и какъ состряпаны! О! вы вѣрно не хотѣли бы ихъ и попробовать: видите ли эту небольшую ямку, вымазанную внутри глиною и въ срединѣ которой пылаетъ огонь? Это Грузинская печь, другихъ печей здѣсь не знаютъ. Хозяинъ, сдѣлавъ изъ муки и воды тѣсто, бросаетъ его въ ямку, лишь только замѣтитъ, что вымазка разгорячилась. Тѣсто приставая къ сторонамъ ямки, испекается въ видѣ лепешекъ, но разумѣется, что пополамъ съ землею и золою. Бѣдные *Грузины* ѣдятъ это неопрятное кушанье съ большимъ удовольствіемъ.

Въ *Елисаветполѣ* мы не будемъ останавливаться, но вспомнимъ только, что здѣсь въ 1826 году Персы испытали сильное пораженіе со стороны Русскихъ. Взглянемъ на крѣпость, живописно стоящую при величавой *Курѣ;* посѣтимъ и крѣпость городка *Сигнаха*, у крѣпкихъ стѣнъ которой течетъ блестящая *Алазань*, оживляя своимъ присутствіемъ мертвую природу этого мѣс-

та, а въ *Ананурѣ* насъ удержитъ карантинъ потому что ѣхавъ изъ *Тифлиса* мы могли занести оттуда чуму, очень часто тамъ свирѣпствующую; какъ скучно сидѣть въ заперти! Мы точно-какъ въ тюрмѣ; насилу то насъ выпустили и вотъ мы опять на чистомъ воздухѣ, опять можемъ любоваться прелестною, разнообразною природою.

Теперь дорога дѣлается очень опасною; берегитесь, хорошенько правте вашими лошадьми, потому что малѣйшая оплошность можетъ стоить вамъ жизни. До сихъ поръ мы видѣли голые утесы, но здѣсь опять являются высокія, ужасныя горы, въ нѣдрахъ которыхъ своенравная природа, то копала пропасти, то точила отверстія для рѣкъ, низвергающихся со всѣхъ сторонъ съ ужаснымъ шумомъ; мы насилу преодолѣваемъ эти трудности, но вотъ *Казбекъ* у насъ въ виду; его готическій храмъ величаво возносится къ небесамъ, поднимаемый какъ игрушка высочайшею изъ горъ; его сакли живописно разбросаны по высотамъ и по о-

врагамъ, то изчезая въ пропасти, то скромно выглядывая изъ за горы.

Возвышенности эти почти вѣчно бываютъ покрыты снѣгомъ, но когда солнце ударивъ съ силою столь ему обыкновенною въ *Грузіи* на ихъ оледенѣлыя вершины, то лучи его заставляютъ мгновенно таять снѣгъ и ручей, пересѣкающій дорогу къ *Казбеку*, всегда скромный, тихой такъ что его легко можно переходить въ бродъ, вдругъ превращается въ шумную рѣку, которая пѣнясь и бушуя стремится съ горъ, унося камни, подкапывая утесы, крутя цѣлыя льдины въ своихъ бѣлыхъ волнахъ. Объятые невольнымъ ужасомъ мы останавливаемся передъ изступленною, ожидаемъ утишенія ея гнѣва, но она кажется не намѣрена смягчиться и мы долго, долго еще слышимъ ея ревъ, ея клокотанье. Уже горы скрыли ее отъ нашихъ глазъ, а она все еще шумитъ, уже Готическій гротъ *Казбека* потонулъ въ отдаленности, а эхо еще доноситъ до насъ ревъ свирѣпой рѣки.

По мѣрѣ какъ мы приближаемся къ

берегамъ *Чернаго моря* воздухъ дѣлается сырѣе, безпрестанные туманы поднимаются съ земли, на всякомъ шагу встрѣчаются болоты, камыши и сырой вѣтеръ дуя съ моря навѣваетъ на насъ очень непріятный запахъ испорченныхъ веществъ, гніющихъ рыбъ, стоячихъ водъ и проч. Вообще здѣсь климатъ очень вредный для здоровья, но что до того за дѣло *Черноморскимъ козакамъ?* они увидѣли привольную страну, гдѣ козакъ можетъ какъ сыръ въ маслѣ кататься, а до прочаго имъ и дѣла мало.

Козаки эти, воинственные обитатели бывшей *Запорожской сѣчи*, нѣкоторое время послѣ разоренія ихъ пріюта на берегахъ *Днѣпра*, оставались безъ земли и въ совершенномъ бездѣйствіи, но когда возгорѣлась война съ *Турціею*, то Екатерина дала приказаніе *Князю Потемкину* собрать подъ свои знамена разсѣянныхъ *Запорожцевъ*, которыхъ львиная храбрость могла очень много доставить пользы Россіи. Кто бы не жертвовалъ жизнью за такую Царицу, какова бы-

ла Екатерина и Козаки, желая отличиться въ глазахъ своей Повелительницы, дрались съ невѣрными необыкновенно мужественно. Миръ заключенъ съ поклонниками луны и Екатерина, всегда справедливая, всегда готовая вознаграждать усердіе, повелѣла *Запорожцамъ* принять отъ нее въ подарокъ землю, лежащую между *Азовскимъ моремъ и Кавказскою областью*, съ тѣмъ условіемъ, чтобы впредь Козаки вѣрно защищали Россію отъ набѣговъ дикихъ *Горцевъ*. Вотъ вамъ вкратце происхожденіе *Черноморскихъ Козаковъ*, теперь нами посѣщаемыхъ. Эти дѣти страны запущенной, заросшей лѣсами и покрытой болотами, уже вовсе не входятъ въ составъ *Кавказской области*, совершенно различествуя съ его жителями какъ въ отношеніи вѣры такъ и нравовъ, обычаевъ, привычекъ, болѣе схожихъ съ вѣрою, правами и обычаями *Донскихъ Козаковъ*.

Черноморія представляетъ собою большею частью равнину плоскую, низкую и болотистую, прорѣзанную только го-

рами по берегамъ *Азовскаго моря*, но и эти весьма малозначущи и болѣе похожи на холмы чѣмъ на порядочныя горы, такая почва, какъ вы можете видѣть, очень мало способна для хлѣбопашества, однако съ нѣкоторыми стараніями на ней могли бы произрастать прекрасные сады, потому что всѣ деревья, свойственныя жаркому климату, здѣсь очень хорошо родятся, что и видно по остаткамъ садовъ, взрощенныхъ прежними обывателями, но теперь совершенно забытыхъ.

Въ *Черноморіи* нѣтъ дикой, *Кавказской* красоты, здѣсь вы не найдете прелестныхъ ландшафтовъ и лѣса, краса всякаго вида, такъ малозначущи въ этой странѣ, что для топленія употребляется камышь, во множествѣ покрывающій болота и стоячія воды, а иногда даже Козаки отваживаются пробираться въ владѣнія своихъ сосѣдей для набиранія дровъ изъ тамошнихъ лѣсовъ. Но горе неосторожному, если онъ попадется на глаза мстительнаго *Черкеса: Горецъ* хорошо помнитъ, что *Черноморецъ* есть его вѣч-

ный, непримиримый врагъ и эту невинную покражу заставитъ его заплатить очень дорого и часто даже жизнью. Чу! Что это пошевелилось за высокимъ камышемъ? Сторожащій козакъ, всегда готовый къ нападенію, присмирѣлъ, засѣвъ за кустъ и ожидая доброй встрѣчи, держа ружье на готовѣ. Изъ за камыша выглянула мохнатая шапка, высунулась рука вооруженная пистолетомъ и *Горецъ*, согнувшись въ три дуги, началъ пробираться къ стогу сѣна, оставленному по неосторожности безъ присмотра. «Погоди братъ, я тебя перехитрю», думалъ *Черноморецъ* и тихомолкомъ хитрецъ слѣдуетъ за воромъ. Вотъ уже *Горецъ* подползъ къ самому стогу . . . . . онъ уже готовъ его поджечь, какъ вдругъ сильная рука схватываетъ разбойника и услужливая нагайка засвиставъ въ воздухѣ тяжело падаетъ ему на спину. Въ другой разъ *Горецъ* не запрячется въ камышъ, не осмѣлится воровать и поджигать чужое сѣно! — *Черноморцы* славный народъ: день и ночь они работаютъ, то сторожа

свои поля, то служа конвоемъ путешественникамъ, то ночуя въ болотистыхъ камышахъ и кустарникахъ для предупрежденія набѣговъ безпокойныхъ *Горцевъ*. Но въ праздники для отдыха отъ недѣльныхъ трудовъ они собираются кучами около питейныхъ домовъ, начинаются веселые разговоры о томъ и о семъ, разговоры шумные, при которыхъ однако одинъ порядокъ обыкновенно сохраняется въ этихъ обществахъ и когда колоколъ покажетъ, что праздникъ кончелъ, то всѣ расходятся по домамъ и на другой день съ новою бодростью занимаютъ свои мѣста въ грязи, въ болотахъ, на холодѣ и безпрестанномъ вѣтрѣ. Какъ бы вамъ понравилось двѣнадцати часовое пребываніе на этомъ возвышенномъ мѣстѣ, откуда видны всѣ окрестности и гдѣ вы дѣлаетесь жертвою и игрушкою своенравныхъ вѣтровъ, продувающихъ васъ насквозь? Но козакъ не нѣженъ, онъ привыкъ къ этому и завернувшись въ теплую бурку, нахлобучивъ на глаза шапку, онъ презираетъ всѣ вьюги, мятели, не-

погоды; прилежно взглядываетъ въ отдаленность и при малѣйшемъ подозрѣніи готовитъ свое вѣрное ружье. Взявъ въ соображеніе такіе труды, не возможно и требовать, чтобы *Черноморецъ* соблюдалъ опрятность, потому что посудите можетъ ли быть чистъ его мундиръ, когда онъ часто цѣлыя ночи просиживаетъ въ болотѣ, не смѣя пошевельнуться, боясь встревожить приближающагося непріятеля? Дождь, пыль, сырость не щадятъ его ни мало и потому тѣло ихъ всегда очень грязно, хотя на каждомъ почти посту устроены бани по распоряженію заботливаго Правительства, но они мало пользуются этими средствами къ соблюденію опрятности и только лѣтомъ любятъ покупаться въ рѣкѣ.

Но должно отдать имъ честь въ томъ, что у насъ нѣтъ почти лучшихъ сторожевыхъ войскъ какъ *Черноморцы*, проведшіе всю жизнь свою въ грабежахъ, набѣгахъ, такъ что, привыкнувъ съ малолѣтства къ военному искусству они наизусть знаютъ всѣ его хитрости и съ

неимовѣрною ловкостью умѣютъ ихъ предупреждать, за то они и съ избыткомъ надѣлены оружіемъ: чего только нѣтъ у *Черномориа* и пики и ружья, и пистолеты и сабли, а у нѣкоторыхъ вмѣсто нихъ шашки.

Къ стати о шашкахъ: вы видѣли это оружіе у *Горцевъ*, но замѣтили ли чѣмъ оно отличается отъ обыкновенной сабли? Нѣтъ, вы этого не примѣтили; такъ сравните же теперь саблю этого *Черномориа* съ шашкою его товарища: у первой есть рукоятка сдѣланная въ видѣ креста, у второй же просто одна шишка, отъ которой тянется выгнутая сталь и за которую Козакъ выхватываетъ ее изъ ноженъ.— *Черноморцы* носятъ синее платье казацкаго покроя съ откидными красными рукавами, на головѣ же шапка изъ черныхъ бараньихъ смушекъ.

Но вотъ мы въѣхали и въ *Екатеринодаръ*, главное мѣсто Козаковъ, гдѣ живетъ обыкновенно *Войсковой Атаманъ*; этотъ городъ, или скорѣе большое селеніе, принадлежитъ *Черноморцамъ* съ самаго времени ихъ переселенія на этотъ

морской берегъ и даванъ имъ Екатериною, отъ чего и получилъ такое названіе. Долго въ немъ намъ нечего оставаться и мы спустясь на море поплывемъ къ берегамъ безплоднаго и ненаселеннаго острова *Фанагоріи*, куда влечетъ насъ любопытство взглянуть на древній камень, тщательно сохраняемый за желѣзною рѣшеткою съ надписью одного изъ *Тмутаранскихъ Князей*, потому что этотъ островъ прежде былъ славнымъ Княжествомъ, процвѣтавшимъ подъ мудрымъ управленіемъ, но мало по малу начали изчезать слѣды его славы, названіе замѣнилось новымъ, народонаселеніе уменьшилось, жители забыли о трудолюбіи своихъ предковъ и когда Екатерина даровала его козакамъ то новые поселенцы увидѣли только безплодное, одичалое мѣсто, на которомъ торчали кое гдѣ запустѣлые виноградные сады, зеленѣющіе и до сихъ поръ въ безпорядкѣ Но что тамъ дымится въ отдаленіи? Вотъ мы подъѣхали къ острову, выйдемъ: что это? земля колеблется подъ нашими ногами, въ ея нѣдрахъ слышится глухой

ревъ и дымъ сѣрыми клубами выходитъ изъ этаго холма. Поверхность ея разверзлась.... о! какъ въ ней страшно! Черная рѣка вырвалась изъ нея съ шумомъ, вздулась милліонами пузырьковъ и разлившись по холму покрыла его слоями застывшей жидкости. Это миніатюра *Этны*, нашъ Русской *Везувій*, но теперь изверженіе пригорка ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, которое было болѣе чѣмъ за 40 лѣтъ. До сихъ поръ еще жители съ ужасомъ объ немъ вспоминаютъ. Продолжалось оно 12 минутъ. Изъ внутренности холма вылетѣлъ вдругъ пламенный столбъ, раздались удары грома, земля застонала и дымъ черными клубами вырвался изъ раскаленнаго жерла. О! какъ страшно ревѣла буря, разсказываютъ старожилы, съ какимъ шумомъ нефть и илъ хлынули изъ нѣдръ земли, какъ колебалась земля!

Но это не одна здѣсь огнедышущая гора, ихъ очень много и онѣ, какъ полагаютъ, происходятъ отъ горенія угольевъ въ нѣдрахъ земли.

ГЛАВА IV.

Крымъ.

Вотъ благословенная страна! вотъ пища для воображенія, для пера и для кисти! Роскошный *Крымъ* какъ ты хорошъ! сколько въ тебѣ разнообразія, какія картины, какая природа! А воздухъ! Здѣсь рай земной, здѣсь человѣкъ невольно чувствуетъ себя гораздо здоровѣе и съ какимъ то невольнымъ удивленіемъ встрѣчаетъ вдругъ около *Сиваша* сырой, нездоровый климатъ, испорченный дурными испареніями, выходящими изъ этаго залива. Онъ привыкъ наслаждаться и такая встрѣча непріятно его поражаетъ. Взгля-

ните на этотъ Югъ, такъ щедро надѣленный садами, въ которыхъ роскошныя виноградныя лозы, сгибаясь до земли, перевиваются множествомъ вѣтвей, распадаясь по заборамъ и маня прельщеннаго прохожаго, на эту груду горъ, попоставленныхъ одна надъ другою и надъ ними снѣжный *Чатыръ — Дагъ*, т.е. шатеръ, названный такъ потому, что вершина его раскидывается въ видѣ шатра, взгляните на блестящій *Салгиръ*, тихо и пріятно текущій посреди очаровательной долины, на его многочисленные ключи, бьющіе въ разныхъ направленіяхъ изъ *Чатыръ-Дага*, на эту пещеру, искусно скрытую рукою природы въ величественной горѣ, изъ которой бьетъ ключь чистѣйшей воды; но держите путь къ сѣверу и вы начинаете чувствовать постепенную прохладу, гдѣ прекрасныя рѣки *южной Тавриды*, гдѣ лѣса ея такъ красиво расположены по горамъ? гдѣ повсюду роскошные сады, гдѣ трудолюбіе? — Все изчезло; передъ вами гладкая равнина, прерываемая со-

лончаками и покрытая засохлою травою; нѣтъ ни кустовъ, ни деревьевъ, ни пріятной зелени; отъ времени до времени заскрыпитъ двухъ колесная *арбе*, влекомая парою воловъ задыхающихся отъ зноя, отъ мѣста до мѣста проглянетъ фруктовый садъ, избѣ гнувшій истребительной руки лѣниваго Татарина, да пробѣжитъ мелкій источникъ, какъ бы отставшій отъ своихъ товарищей и торопящійся ихъ догнать. Тутъ путешественнику очень скучно ѣхать и онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Юга, гдѣ терпѣніе его съ избыткомъ наградится прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ.

Сколько воспоминаній гнѣздится въ *Крымѣ!* отсюда вышелъ *Чингисъ-Ханъ*, первая туча, разразившаяся съ этой стороны надъ Россію и открывшая входъ Батыю, Тамерлану, Мамаю; здѣсь въ глубокой древности поселились дикіе *Тавры*, приносившіе какой то дѣвѣ несчастныхъ, претерпѣвавшихъ кораблекрушеніе около ихъ береговъ, здѣсь *Скиѳы* позволили селиться Грекамъ не зная что однажды

сами содѣлаются рабами своихъ поселенцовъ, здѣсь Татары отражали Турокъ, хотѣвшихъ завладѣть ихъ полуостровомъ и здѣсь наконецъ въ 1783 году водворились Русскіе по мановенію Екатерины Великой, которой въ этомъ такъ много способствовалъ *Князь Потемкинъ*, названный за эту побѣду *Таврическимъ*. Здѣсь къ стати упомянуть объ единственномъ праздникѣ, данномъ ея Величеству этимъ храбрымъ воинамъ въ стѣнахъ Петербургскаго дворца, извѣстнаго подъ названіемъ Таврическаго. Входъ былъ украшенъ тріумфальными воротами, поддерживаемыми яшмовыми и гранитными столбами съ надписью: Екатеринѣ Великой. Первое отдѣленіе состояло изъ круглой залы, украшенной великолѣпными колоннами и множествомъ драгоцѣннаго *Китайскаго* фарфора; далѣе новое великолѣпіе, новое богатство, но исчислять я его всего не буду, а особенно обращу ваше вниманіе на главную залу, гдѣ изящный вкусъ спорилъ съ роскошью, пышностью ослѣпительными; гдѣ сотни

величественныхъ колоннъ поддерживали позлащенный куполъ, гдѣ дорогіе камни играли тысячами цвѣтовъ при солнечныхъ лучахъ, гдѣ цѣльные зеркала, огромныя лампы, прекрасные выходы въ садъ довершали очарованіе, гдѣ два богатыхъ фонтана сливали свои серебристыя воды и гдѣ отличная музыка соединяла свои волшебные звуки съ изящностію всего окружающаго. Но теперь хотите ли перенестись воображеніемъ въ нынѣшій зимній садъ Таврическаго старца; тутъ то природа и искуство истощили всѣ свои средства, тутъ то *Потемкинъ* показалъ свое умѣнье нравиться, тутъ то ожидалъ царицу пріятнѣйшій сюрпризъ; вообразите, что вся огромная зала превратилась въ прелестнѣйшій садъ, гдѣ ряды лавровыхъ, лимонныхъ, миртовыхъ, померанцевыхъ деревьевъ составляли прекраснѣйшія рощи, гдѣ тысячи птицъ летали на свободѣ, воспѣвая по своему хвалу хозяину и Великой Посѣтительницѣ, гдѣ по свѣжей, живой зелени пробѣгали золотыя дорожки, осѣняемыя доро-

гими деревьями и прохлаждаемыя кристальными водоемами; а по срединѣ этого сада разсаженнаго кажется волшебною рукою, возвышалась во весь ростъ статуя Екатерины, окруженная лампами, чашами и хрусталемъ. Начался маскарадъ, на который стекся кажется весь Петербургъ въ богатѣйшихъ платьяхъ; самъ хозяинъ, обремененный бриліянтами, облитый золотомъ съ чувствомъ глубочайшаго почтенія встрѣтилъ Царицу. Едва ступила она въ залу какъ раздался стройный хоръ: «Громъ побѣды раздавайся!» музыкой котораго одолжены мы *Козловскому*, а словами *Державину* и Государыня, бросивъ *Потемкину* благодарной взоръ, прожолжала обсматривать свой пересозданный дворецъ. О! какъ веселилась добрая Государыня при зрѣлищѣ шумной радости народа, пировавшаго въ одной изъ залъ около бочекъ вина и меда, разныхъ кушаньевъ, одеждъ и множествъ другихъ подарковъ, дарованныхъ ему щедростью Князя. Переходя отъ удивленія къ удивленію Царица

воротилась наконецъ въ главную залу и занявъ богатоубранное для Нея приготовленное мѣсто она подала знакъ, чтобы начался балъ. Великіе Князья Александръ и Константинъ удостоили его своимъ присутствіемъ. Но вотъ приближается золотой слонъ, попона котораго осыпана дарогими камнями; Персіянинъ, сидящій на немъ, ударяетъ въ колоколъ и чтоже? стѣны поднимаютея, открывается обширная сцена и приглашенные актеры представляютъ піесу, имѣющую предметомъ благоговѣніе Русскихъ къ Екатеринѣ, за нею слѣдовалъ балетъ: *Смирнской купецъ, торгующій невольниками* и по окончаніи, когда Царица сбиралась воротиться въ залу, послышалась тихая, пріятная музыка и Государыня отступила отъ удивленія при видѣ волшебнаго освѣщенія тысяти лампъ, разноцвѣтныхъ шкаликовъ, милліоновъ звѣздъ наполнявшихъ зимній садъ и главное отдѣленіе. «Тамъ ли мы, гдѣ прежде были?» спросила Екатерина хозяина и этотъ вопросъ былъ лучшей

наградою за всѣ его старанія И опять начались угощенія, танцы, пѣнія; народъ, пышно угощаемый, кричалъ веселое ура! Пѣсельники затянули пріятныя Русскія пѣсни, которыхъ сладкіе звуки перемѣшивались съ плесканьемъ струй многочисленныхъ прудовъ, по которымъ катались лодки и вдругъ по одному знаку въ залѣ явились роскошные столы, обремененные всѣми возможными кушаньями и подъ звуками пріятнѣйшей музыки начался ужинъ. Описывать ли вамъ его? Прочтите эти стихи и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе объ его великолѣпіи:

Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро;
Восточный, Западный, сѣдые Океаны,
Трясяся чрезами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна классами хлѣбъ Волга подавала;
Съ плодами сладкими принесъ корзинку Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ алмазы, аметистны

Лилъ кубки медъ златой, древъ искрометный сокъ;
И съ Дона сладкія и Крымски внуспы вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ,
Въ фарфоръ кристалѣ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ . . . .

Императрица была чрезвычайно довольна, много благодарила Князя, который, бросясь передъ нею на колѣни, преисполненный непонятнаго чувства, воскликнулъ со слезами: О Государыня! Но болѣе произнести ничего не могъ и когда экипажъ ея застучалъ по мостовой онъ предался невыразимой печали, предчувствуя, что не увидитъ болѣе Петербуга. Долго говорили объ этомъ праздникѣ и каждый прибавлялъ: такого праздника не было еще, да и не будетъ болѣе.

Было время, когда Крымъ имѣлъ своихъ *Хановъ*, когда у нихъ возвышались великолѣпные дворцы, остатки которыхъ и до сихъ поръ видны во многихъ мѣстахъ, когда *Таврида* облитая золотомъ получаемымъ ею со всѣхъ сторонъ какъ дань, не знала, что однажды то Царство, которое она попирала

ногами, сбросить это тяжелое иго, соберется съ силами и побѣдитъ свою владычицу, обезоружитъ и позволя, только по своей обыкновенной милости, Татарамъ селиться на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда процвѣтало отечество ихъ предковъ.

Какъ жаль, что *Татары* такъ лѣнивы! Передъ ними разсыпано золото: имъ стоитъ только немного покопать землю и она тотчасъ начнетъ вознаграждать ихъ малѣйшее усиліе, прекраснѣйшія поля разостлались бы даже тамъ, гдѣ теперь видимъ одну степь, величественныя деревья осѣнили бы сады, а лѣнивцы эти не только не хотятъ ни къ чему рукъ приложитъ, но еще очень часто вырываютъ прекрасные фруктовые сады, насажденые ихъ старательными предками. Одно скотоводство ихъ и занимаетъ, потому что обширные луга, покрытые прекраснѣйшею травою, кажется упрекали бы ихъ, если бы они и эту отрасль промышленности упускали бы изъ виду.—Татары, разсѣянные по городамъ, занимаются выдѣлываніемъ ножей, кожи,

нанимаются у ремесленниковъ, но съ непривычки дѣлаютъ всѣ эти работы очень грубо; объ мануфактурахъ же не имѣютъ почти никакаго понятія и только съ нѣкотораго времени здѣсь начали появляться суконныя и свѣчныя фабрики.

Но что за человѣкъ къ намъ подходитъ? Это Татарскій дворянинъ или *Мурза*; верхнее платье его довольно похожс на Польское съ закидными назадъ рукавами, а на головѣ Черкеская шапка. Онъ приглашаетъ насъ къ себѣ въ домъ.

Жилище его выстроено изъ неотесаннаго камня съ черепичною крышею; полъ покрытъ хорошими коврами, вокругъ стѣнъ лежатъ подушки въ видѣ дивана, желѣзная рѣшетка оцѣпила окно и привязчивый виноградъ переплелся тысячами изгибовъ вокругъ повиснувъ пышными лозами; въ сѣняхъ *Татарка* въ желтой душегрѣйкѣ стряпаетъ кушанье около печи въ мѣдной посудѣ, порядочно вылуженной и внутри и снаружи; въ первой комнатѣ топится каминъ и *Мур-*

за едва успѣлъ переступить черезъ порогъ какъ служитель подноситъ ему трубку, закуренную на каминномъ огнѣ; множество сундуковъ, окованныхъ въ желѣзныя рѣшетки, служатъ лучшимъ украшеніемъ жилища и замѣняютъ здѣсь наши конторки, комоды, шкафы краснаго дерева. «Скажите пожалуйста, начинаю я, обращясь къ хозяину, зачѣмъ народъ не хочетъ заняться хорошенько земледѣліемъ? Взгляните на эти прекрасныя долины, стелющіяся между величественными горами, на эти густые лѣса, такъ гордо возвышающіе свои черныя главы, на это множество рѣчекъ, пересѣкающихся во всѣхъ направленіяхъ, какіе здѣсь могли бы быть прекрасныя поля, а теперь одни рогатые буйволы лѣниво лежатъ подъ тѣнью красивыхъ деревьевъ, двухгорбные верблюды гордо вытянувъ шею щиплютъ густую траву и жирныя овцы, гоняясь другъ за другомъ, отдыхая кучами или утоляя жажду въ чистыхъ струяхъ завладѣли этими мѣстами?„ Зачѣмъ Татарину такъ много трудиться, если онъ богатъ и безъ того,

отвѣчаетъ *Мурза*, у него есть хорошій кинжалъ, добрый конь, богатая сбруя, а съ этимъ имуществомъ онъ никогда не пропадетъ. Но вотъ принесли намъ обѣдать; милости просимъ.«

Слуга, въ мѣдномъ, чистомъ сосудѣ подаетъ намъ воду. Вымойте сперва руки и тогда мы начнемъ нашъ обѣдъ; это здѣсь обычай.

Какъ? мы будемъ обѣдать безъ стола? Да, мои милыя вотъ на этомъ сундукѣ прикрытомъ ковромъ; приборовъ намъ не дадутъ, ножей здѣсь и въ заводѣ нѣтъ, ложки деревянныя, а вилки намъ подали право не знаю по какому чуду, потому что здѣсь онѣ очень рѣдки. Вотъ яичница довольно вкусная, но пирожки эти слишкомъ жирны, они такъ и плаваютъ въ маслѣ; что это? Лошадиное мясо! Фи! этого мы есть не будемъ. Но посмотрите съ какимъ удовольствіемъ ѣстъ его нашъ хозяинъ, онъ удивляется какъ можно не любить такое прекрасное кушанье. — А вино здѣсь совсѣмъ не хорошо, оно и кисло и не вкусно, отъ чего это происходитъ? Въ

Крыму кажется много винограда. Да' конечно, но Татары не умѣютъ его употреблять; выжимаютъ сокъ изъ каждой ягоды не разбирая, годится ли она или нѣтъ, къ тому же погребовъ у нихъ нѣтъ и отъ того вино очень скоро портится; однако они его много продаютъ въ Херсонѣ, въ Новоросійскомъ краѣ, Харьковѣ, Николаевѣ и частью даже въ Малороссіи. Но что странно такъ это то, что здѣсь почти не приготовляютъ изюму, миндалю также очень мало, хотя деревья эти произрастаютъ почти безъ присмотра и фигъ также не сушатъ, оставляя ихъ гнить на вѣтьвяхъ. Все это отъ лѣности!—Жаль смотрѣть, что страна, такъ щедро надѣленная, остается въ совершенномъ запущеніи; напримѣръ сколько каперсовъ на морскомъ берегу, но ими не пользуются, сколько тутовыхъ деревьевъ, а они въ забытьи, сколько прекраснѣйшихъ сельдей, ловлею которыхъ лѣнятся заняться, сколько каштановъ, лавровыхъ, гранатныхъ, персиковыхъ деревьевъ, растущихъ въ совершенной неизвѣстно-

сти. Но чу! раздался голосъ Муадзина, призывающаю на молитву Магометанъ; вотъ его слова: "Алла великъ! Алла великъ! Нѣтъ другаго Аллы кромѣ однаго; Магометъ пророкъ его; поспѣшайте молиться и творить хорошее дѣло богослуженія!„

И вотъ нашъ хозяинъ, умывъ скорѣе руки, беретъ свою шапку и спѣшитъ на молитву потому, что Татары очень набожны и стараются сколько можно менѣе пропускать службу, дѣлая это только по болѣзни или по какому нибудь столь же важному случаю. Мечеть ихъ дѣлится на три части: на *преддвѣріе*, гдѣ Татары входя снимаютъ съ себя обувь и остаются въ чулкахъ, *храмъ* въ которомъ они молятся и *мѣстечко*, сдѣланное на подобіе олтаря, обращеннаго на сторону Мекки, куда всякой Магометанинъ и молится. Украшеній никакихъ нѣтъ, а на правой сторонѣ сдѣлано возвышенное мѣсто для Муллы. Вотъ онъ взошелъ на него, произноситъ рѣчь, сходитъ съ каѳедры и ставъ противъ *мѣ-*

стечка начинаетъ говорить молитвы безпрестанно кланяясь въ землю; Татары на колѣняхъ слѣдуютъ его примѣру, часто вытираютъ лице руками и обора-чиваясь, то на право, то на лѣво, шепчутъ: »Здравствуйте благіе Ангелы Божіи!» Наконецъ Мулла всходитъ снова на возвы-шеніе и богослуженіе кончено.

Зачѣмъ изъ этого дома такъ стара-тельно выгоняютъ кошекъ? — Это зна-читъ, что тамъ кто нибудь умеръ, отвѣ-чаютъ намъ и въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ выносятъ носилки, а на нихъ мертваго съ связанными ногами и головою; родственники въ глубокомъ молчаніи слѣдуютъ за шествіемъ, а тол-пы нищихъ и школьниковъ, въ ожиданіи хорошаго обѣда (потому что покойникъ былъ богатый *мурза*), слѣдуютъ за тра-урною процессіею, заранѣе споря о луч-шихъ кускахъ. Безпорядочно разброса-ныя избушки безъ крышъ, въ срединѣ которыхъ посажены разнообразные цвѣ-ты — вотъ *Магометанское* кладбище, имѣющее издали совершенно видъ хоро-

шенькаго цвѣтника; на иныхъ могилахъ лежатъ камни съ надписями. Сюда то принесли умершаго *Мурзу; Мулла* говоритъ надъ тѣломъ молитвы, потомъ опускаютъ его въ могилу, зарываютъ и тутъ то начинается пиръ для нищихъ и школьниковъ: зарѣзаннаго сейчасъ барана какъ будто и не бывало. О! нищіе очень любятъ похороны!

Вотъ городъ нѣкогда большой, великолѣпный! А теперь . . . . *Ениколь!* гдѣ твое величіе? Одинъ нефтяный источникъ привлекаетъ къ тебѣ любопытныхъ и въ самомъ дѣлѣ онъ достоинъ вниманія: посмотрите какъ сильно бьетъ онъ изъ этой горы; черная жидкость кипитъ будто на огнѣ, струится внизъ тонкими нитями, хладѣетъ и наконецъ образуетъ столь полезное минеральное масло.

Какая скучная дорога! Вездѣ бѣдный народъ, порядочныхъ станцій нигдѣ нѣтъ, а въ здѣшнихъ *Ханахъ* столовъ и стульевъ мы еще не видѣли и должны были, поджавъ ноги на коврѣ, ѣсть дурное мясо руками потому, что ни вилокъ,

ни ножей намъ не давали. Куда какъ это не ловко! Хоть бы чѣмъ нибудь себя разсѣять . . . . а! легко на поминѣ, вотъ намъ и развлеченіе! Нѣсколько музыкантовъ, побрякивая на дурныхъ инструментахъ и попѣвая нескладныя пѣсни, предшествуютъ длинную безъ желѣза *мажару* или четырехъ колесную телѣгу, закрытую со всѣхъ сторонъ коврами и влекомую двумя тучными волами, а въ ней? Терпѣніе, увидимъ. За мажарою на доброй лошади слѣдуетъ молодой *Татаринъ* въ хорошей одеждѣ какъ видно совсѣмъ новенькой; вотъ поѣздъ приблизился къ жилищу, сдѣланному просто изъ плетня съ земляною крышею, ковры, закрывавшіе мажары, отдернулись, на порогѣ появился старый *Татаринъ* и молодая дѣвушка подъ легкою фатою, выпрыгнувъ изъ экипажа, подошла къ старику, который поднявъ ее на руки внесъ въ домъ. Это сватьба. Дѣвушка есть невѣста, а молодой *Татаринъ* женихъ. Гдѣ же она? Ее унесли въ особенную комнату, потому что по здѣшне-

му закону ей не прилично быть съ мущинами, но нарѣченный остается тутъ и ожидаетъ только минуты, когда *Мулла* позоветъ въ мечеть; между тѣмъ гости набираются въ домъ и каждому изъ нихъ дѣлаютъ въ знакъ пріязни черту на рукѣ какою то мазью; вотъ входитъ *Мулла*, зоветъ жениха въ храмъ и онъ, умывъ себѣ руки, отправляется въ мечеть . . . . но невѣста? Женщинамъ во всякомъ случаѣ возбраняется входъ въ молельню. Сватьба кончена, а завтра будетъ данъ пиръ и молодежь покажетъ свое удальство въ борьбахъ, въ скачкахъ и въ другихъ играхъ. Которую беретъ ужъ онъ жену? Спрашиваетъ одинъ молодой *Татаринъ* своего товарища. Да четвертую, и разсказываютъ, что хочетъ взять еще пятую.

Вы удивлены? Но развѣ уже забыли вы, что *Магометъ* позволилъ многоженство и что потому его поклонникъ имѣетъ часто до 20, смотря по состоянію и каждая зависитъ отъ первой т. е. старшей.

Вотъ портъ значительный на *Черномъ морѣ*, но самъ посебѣ *Керчь* не имѣетъ ничего любопытнаго: это просто бѣдное селеніе, въ которомъ нѣтъ ни одного порядочнаго строенія, но въ немъ есть Христіанская Церковь, прожившая столѣтія, видѣвшая и славу и упадокъ *Крыма*, пострадавшая съ нимъ вмѣстѣ, но оставшаяся неприкосновенною даже среди этой всеобщей грозы. По останкамъ серебренныхъ и золотыхъ украшеній видно, сколь она была богата въ лучшія времена своей молодости; вотъ ветхое Евангеліе, сохранившееся еще до нашихъ временъ въ цѣлости, а вотъ камень и на немъ замѣтны слѣды пятъ человѣческихъ. Преданіе говоритъ, что это слѣды одного Святаго мужа.

Крымъ занимаетъ маленькое пространство въ Европѣ и какъ бы приплывъ съ *Чернаго моря*, онъ ухватился за узкій *Перекопъ*, соединясь такимъ образомъ съ твердою землею, но какъ щедро этотъ уголокъ одаренъ природою. Чего тутъ нѣтъ? Въ одномъ мѣстѣ видимъ мы ве-

личественныя горы, увѣнчанныя густыми лѣсами оливковыхъ, кедровыхъ, пальмовыхъ деревьевъ, задумчиво глядящихся въ воды *Салгира,* въ другомъ встрѣчаемъ живописнѣйшія долины, покрытыя прекрасными стадами; далѣе взоръ тонетъ въ безпредѣльномъ морѣ, ударяющемъ своею синею грудью о зеленый берегъ, огромнѣйшіе корабли носятся по его темнымъ волнамъ презирая непостоянство стихіи, на произволъ которой бросила ихъ судьба, городскіе порты оживлены шумною дѣятельностью нагруженія и выгруженія товара; но взгляните въ эту сторону: о! какія ужасныя пропасти, какъ шумитъ этотъ водопадъ, низвергающійся съ крутизны, онъ стремится, бьетъ, вздымается, разбивается въ тысячи блестящихъ брызгъ о камни, серебреннымъ столбомъ летитъ къ небу и пѣнясь низпадаетъ внизъ; а эта темная пещера, вырытая въ горѣ своенравною природою, какъ въ ней темно! Кажется тамъ живутъ одни свирѣпые звѣри, да вотъ и кровожадная гіена выглянула

изъ ущелія; глаза ея раскалены, она скрежещетъ зубами, устремивъ ужасный взоръ на барана, зашедшаго по неосторожности въ это дикое мѣсто! . . . О! скроемся, скроемся отсюда скорѣе! Мохнатые утесы, нависнувъ въ видѣ арки надъ рѣкою, полощутъ въ ней черную вершину сосны, дикой вепрь мчится въ густотѣ лѣсовъ, преслѣдуемый охотникомъ, земля разверзается подъ его клыками, но вотъ передъ нимъ равнина, обезпамятѣвъ отъ ярости онъ бросается на вѣрную погибель, пуля свиснула и дикарь плаваетъ въ крови, испуская послѣдній ревъ. Какъ хорошо мѣсто смерти его! Прелестный лугъ разостлался какъ изумрудное покрывало, блестящая рѣчка засверкала играя солнечными лучами и обнявъ зеленый пригорокъ сплелась рукавомъ какъ рукою съ тихою, скромною своею подругою. Лугъ покрытъ народомъ, шумящимъ около лавочекъ, расположенныхъ подъ плетеными кровлями; арбы и мажары безпорядочными кучами стоятъ полныя пло-

довъ; неуклюжіе верблюды и волы безъ-заботно щиплютъ траву близъ обозовъ, въ одномъ мѣстѣ на небольшомъ возвышеніи чернымъ клубомъ поднимается дымъ изъ харчевни и толпа *Татаръ*, *Армянъ*, *Жидовъ*, окруживъ жарящагося барана, съ жадностью ожидаетъ когда за звонкой *юзлукъ* получитъ вкусный кусочикъ жаркаго, запахъ котораго такъ и манитъ голоднаго; въ другомъ маленькія зеркальцы, мѣдныя серьги, кольцы, кусочки мыла, гребни разложены заманчивымъ порядкомъ и вотъ молодой *Татаринъ* на гнѣдой лошади съ трубкою во рту подъѣхалъ къ лавочкѣ, гдѣ продается этотъ мѣлочный товаръ, бросилъ на скамью продавца блестящій *екилокъ* и выбравъ сережки съ краснымъ камушкомъ поворотилъ лошадь унося свою покупку, которою онъ хочетъ подарить свою сестру въ праздникъ *бейрама*, скоро приближающійся. Далѣе нѣсколько *Муллъ* и *Мурзъ* собравшись въ кофейной пьютъ кофе, курятъ табакъ изъ длинныхъ чубуковъ, играютъ въ шашки, а

напротивъ ихъ толпа *Татаръ* наполнивъ *Бузню* или питейный домъ, забывъ запрещеніе Корана, подливаетъ себѣ невкуснаго, кислаго вина, закусывая его сладкими лепешками, купленными у молодцовъ, обступивъ ихъ входъ Бузни. Множество нищихъ жалобнымъ голосомъ умоляютъ о милостынѣ, толкаясь между покупателями, осаждая лавочки и не пропуская никого безъ вниманія. Отвяжемтеся отъ ихъ докучливости нѣсколькими копѣйками и оставимъ базаръ, на который попали мы нечаянно, не зная что сегодня Суббота.

Я замѣтилъ, что вы желали имѣть объясненіе праздника *Бейрама* мною сей-часъ названнаго; извольте, я удовлетворю ваше любопытство: *Магометане*, какъ вы знаете, чрезвычайно набожны и съ величайшимъ усердіемъ соблюдаютъ посты и праздники, учрежденные ихъ мнимымъ пророкомъ. Но главнѣйшій изъ первыхъ *Рамазанъ* производится тридцать дней и это время *Музульмане* проводятъ бо́льшею частью въ молитвѣ,

посѣщая какъ обыкновенно мечеть 5 разъ въ день, но молясь также и въ домахъ. До захожденія солнца они не могутъ видѣть женъ своихъ, не принимаютъ никакой пищи, но лишь только дневной Царь спрячетъ за горою свою золотую колесницу, какъ ва все слѣдуетъ разрѣшеніе: яичница, мяса, масленные пирожки заставляютъ сундуки, *Татарки* входятъ къ своимъ мужьямъ и поста какъ будто не бывало. Двадцать седьмой день *Ралазана* называется таинственнымъ потому что въ это время по мнѣнію *Татаръ* Богъ даетъ на цѣлый годъ назначеніе человѣку и никто въ эту ночь не предается сну.—Наконецъ постъ проходитъ, раздается на колокольнѣ голосъ *Муаззинда*: «Алла! поспѣшайте молиться и творить доброе дѣло богослуженія, молиться Богу лучше чѣмъ спать!» и поклонники *Магомета* въ лучшихъ одеждахъ, кто съ корзиною плодовъ, кто съ богатымъ платьемъ въ рукахъ, кто влача барана за веревку, привязанную къ рогамъ, собираются къ

Муллѣ, дѣлаютъ ему подарки именемъ Божіимъ и Его пророка, потомъ идутъ въ мечеть и усердно помолившись возвращаются домой, гдѣ начинаются обоюдныя поздравленія и подарки, продолжающіяся три дни. Вотъ, мои милыя, что значитъ праздникъ *Байрама* и какимъ образомъ онъ отправляется. Какая превосходная рейда, какой удобный портъ для кораблей! Но гдѣ же они? Отъ чего такъ мало судовъ пришлыло въ гавань, нѣкогда загроможденную кораблями съ разноцвѣтными флагами? Гдѣ великолѣпные дворцы, мечети, бани? Гдѣ древняя Кафа? Друзья мои, бѣдная *Ѳеодосія* замѣнила ее, *Турки* утратили ея красоту, она повяла какъ нѣжный цвѣтокъ при дуновеніи сѣвернаго вѣтра и только показывая посѣтителю богатые остатки кажется говоритъ ему: «Я была хороша!» И точно: возобновите этотъ Ханскій дворецъ, развалины котораго еще такъ великолѣпны, заставьте играть воду въ этихъ фонтанахъ, роскошные басейны которыхъ поросли травою, по-

ставте снова эти мраморныя колонны, лежащія въ пыли и обвитыя прилипчивымъ виноградомъ, обновите немного огромныя башни и крѣпкія стѣны изъ дикаго камня, надъ которыми протекло не одно столѣтіе, соберите кипарисныя обломки и передъ вами явится прежняя *Кафа* красавица, пышная, богатая, любимая игрушка трудолюбивыхъ *Генуезцовъ*, предметъ зависти сосѣднихъ народовъ. О! судьба!

Вотъ и *Чатыръ-Дагъ* передъ нами; какъ гордый великанъ онъ высунулъ свою широкую главу изъ за своихъ товарищей и какъ будто съ высоты насмѣшливо улыбается крошкѣ — путешественнику, дерзающему на него взбираться. Тихій *Салгиръ* журчитъ около него и какъ дитя онъ, умоляющимъ голосомъ просится ему на руки, но великанъ неумолимъ; рѣка начинаетъ сердиться, ударяетъ о его скалистые бока, низвергается множествомъ ключей, клокочетъ подъ землею, бьетъ изъ подъ камня. Здѣсь, оставивъ повозку нашу

внизу, мы возмемъ верховыхъ лошадей и съ помощью опытнаго проводника взберемся на покатую вершину *Чатырь-Дага*. Берегитесь! не давайте вашимъ лошадямъ воли въ бѣгѣ, потому что здѣсь дорога очень опасна; того и смотри, что не добравшись до вершины спустишся назадъ. До сихъ поръ еще виды горы очень пріятны: намъ встрѣчаются небольшіе лѣсочки, пересѣкаемые красивыми равнинами; тамъ пастухъ раскинулъ свой шалашъ, здѣсь большое стадо улеглось подъ тѣнью деревъ; но вотъ подулъ пріятный вѣтерокъ, воздухъ чувствительно прохладился, прелестный ландшафтъ замѣненъ голыми скалами, солнце безпрепятственно ударило на ихъ обнаженныя чела, лошади наши пріостановились, насилу дыша отъ усталости. Ну, вотъ, мы опять тронулись..., уфъ! какъ холодно! Насилу-то добрался до конца нашего утомительнаго вскарабкиванія, и теперь получимъ награду за непріятность этой дороги. Взгляните на видъ, открывающійся передъ вами: Чер-

ное море широко раскинуло свой покровъ и множество облаковъ повисло въ воздухѣ между нами и имъ; величайшія птицы, какъ крохотные воробьи, ныряютъ въ бездонномъ пространствѣ и низко, очень низко видны луга, долины, дикія скалы; а тамъ, вдалекѣ, какія виднѣются точки? Это *Ахмечеть*, куда мы сейчасъ поѣдимъ, далѣе великолѣпный *Бакчисарай* съ своими прекрасными фонтанами, воспѣтыми нашимъ Пушкинымъ и восточными воспоминаніями, а вотъ малютка *Карасу-Базаръ*, въ окрестностяхъ котораго въ 1783 году небо внимало клятвы жителей Екатерины II. Теперь посмотрите на эти ледяныя пропасти, прорытыя рукою природы въ горѣ; тысячи источниковъ и рѣкъ стремятся изъ нихъ по покатостямъ, соединяясь съ тихими водами *Салгира!* Послѣдуемъ за его токомъ и мы неприметно дойдемъ до *Симферополя*, древней *Ахмечети.*

Какъ пріятенъ видъ зеленой, пышной равнины послѣ ужасовъ, которые до сихъ

поръ намъ сопутствовали; дикія горы какъ бы вдругъ разступясь открыли обрадованному взору прелестный ландшафтъ: живописный *Симферополь*, Царь *Крымскихъ* городовъ, раскинутый на бархатномъ ковръ. Виноградные сады какъ изумрудный вѣнецъ обвили главу его, а рѣзвая *Салгиръ*, подобно лазуревой лентѣ, извивается сребристою змѣйкою изъ подъ этого великолѣпнаго вѣнца и солнце, озолотя ее своими лучами, осыпаетъ множествомъ блестокъ. Что за разнообразіе въ этомъ городѣ! Здѣсь длинная нить *музульманъ* тянется по дорогѣ къ скромной *мечети*, съ кровли которой раздается призывный голосъ *Муадзина*, тамъ вѣрные Христіане столпились на паперти Св. Храма въ ожиданіи своего священника; далѣе плутоватый *Жидъ* подъ видомъ дружелюбія и простоты обманываетъ легковѣрнаго, добраго, Нѣмца, не понимающаго какъ можно такъ безчестно поступать, тутъ важный *Грекъ* толкуетъ съ молчаливымъ *Армяниномъ* о пользѣ промышленности и показываетъ

на судно, полное плодовъ, которое онъ отправляетъ во внутреннія губерніи. Множество узкихъ, излучистыхъ и кривыхъ улицъ пересѣкаютъ городъ во всѣхъ направленіяхъ и безъ проводника здѣсь очень легко заблудиться. Но гдѣ же домы? Каменныя ограды тянутся вдоль улицъ, кудрявыя лозы роскошно покоятся одна на другой, увиваясь около деревьевъ и заплетя ограду въ видѣ зеленаго забора, но раздвиньте вѣтьви немного и вы увидите фонтаны, базары, *мечети*; вамъ представится смѣшеніе *Европейскаго* съ *Азіатскимъ*, вы перенесетесь въ *Турцію* при видѣ здѣшнихъ прекрасныхъ фонтановъ, сребристою горою льющихся въ богатые бассейны, въ *Петербургѣ*, когда взгляните на красивые двухъ этажные дома съ свѣтлыми окнами, изъ которыхъ часто вылетаютъ пріятные звуки фортепіано, въ *Азію*— смотря на базары, гдѣ, кипитъ народъ съ смуглыми лицами и съ рѣзкими чертами Востока, гдѣ плоды разноцвѣтными кучами лежатъ одни возлѣ другихъ и

прекраснѣйшій персикъ, прекраснѣйшій ананасъ продается за ничто, а изумрудный, сквозной виноградъ раскупается чернью какъ у насъ клюква и брусника—Благословенная страна! Кажется Творецъ соединилъ въ *Крыму* всѣ красоты Своей величественной природы и изъ этого земнаго рая сдѣлалъ образецъ, до совершенства котораго должно стараться дойти искусство.—Недалеко отсюда, въ верстахъ въ двухъ, лежитъ селеніе *Сахъ* и сюда то, какъ въ открытую для всѣхъ Богомъ лечебницу стекаются толпы больныхъ. Озеро *Сахъ*, передавшее свое названіе селенію, имѣетъ много цѣлительныхъ свойствъ, открытыхъ въ немъ еще при *Крымскихъ Ханахъ*, которые пользовались этою находкою сами, но когда Россія приняла и *Крымъ* подъ свое покровительство, тогда слава озера, подверженнаго многимъ опытамъ, чрезвычайно увеличилась и теперь всѣ прибѣгаютъ къ его помощи. Это не минеральная вода, ее не пьютъ, но это илъ или грязь, остающіяся на берегахъ

послѣ стеченія воды, испаряемой солнечными лучами, и въ эту то грязь больной зарывается по самую шею... вотъ посмотрите: *Татаринъ*, хорошо знающій это дѣло и обыкновенно нанимаемый пользующимися, искусно и очень скоро выкапываетъ глубокую яму, сажаетъ или лучше сказать кладетъ въ нее больнаго, зарывая въ грязь такимъ образомъ, что онъ можетъ только свободно двигать головою, но туловище его зарыто какъ въ могилѣ, и чтобы солнце не пекло ему въ голову, онъ столь же проворно сплетаетъ надъ нимъ родъ шалаша или поддерживаетъ зонтикъ. Полежавъ въ такомъ положеніи часа полтора больной перейдетъ въ другую яму, въ недальнемъ разстояніи выкопанную и полную теплой воды, гдѣ онъ умоется. Прежде окончанія курса, назначеннаго докторами, польза цѣлительной грязи дѣлается ощутительною и обыкновенно бѣднякъ, страдавшій очень много ломотою во всемъ тѣлѣ, окончивъ леченіе, совершенно выздоравливаетъ и невольно

удивляется, съ какою легкостью можетъ шевелить каждымъ членомъ.

Теперь дорога идетъ прескучная, песчаная; встрѣчаются только неправильныя *Татарскія* деревеньки, гдѣ полунагія дѣти съ бритыми головами бѣгаютъ за прохожими и экипажами; кое гдѣ отъ времени до времени пробѣгаетъ рѣчка и изрѣдка каштанъ, склоняя свои плоды къ ея чистымъ струямъ, вспоминаютъ путнику, что природа еще не совсѣмъ обѣднѣла и какъ бы обѣщаетъ, что его ожидаетъ прежній живописный *Крымъ*. Вотъ передъ нами открылось Черное море, суровое, взволнованное, играющее огромнѣйшими кораблями какъ легкимъ мячемъ; громадныя суда, гордо покачиваясь на волнахъ, столпились у пристани, гдѣ собравшійся народъ глазѣетъ какъ матросы и барочники выгружаютъ и нагружаютъ свои морскіе экипажи. На красивомъ пригоркѣ, въ видѣ амфитеатра стоитъ богатый *Крымскій* городъ *Козловъ*, въ древности *Евпаторія* и любуется собою въ темныхъ водахъ моря,

разлившагося у его ногъ; со всѣхъ сторонъ виднѣются *мечети*, обшитыя свинцомъ и говорящія намъ о прошедшемъ великолѣпіи города; часто глаза падаютъ на разрушенный фонтанъ, въ мраморномъ бассейнѣ котораго стоячая вода затянулась тиною; длинная набережная тянется вдоль всего *Козлова* и тутъ то онъ весь собрался унизавъ перилы какъ разноцвѣтный бисеръ. Въ гавани шумъ, крикъ! Огромные ящики, полные *Анатольскихъ* яблокъ, прекраснѣйшихъ апельсиновъ, каштановъ, грушь, персиковъ, шелковыхъ и бумажныхъ тканей, *Греческаго* мыла, *Сарачинскаго* пшена, табаку, чернаго сафьяна, мѣди, краски *кна*, столь необходимой для *Татарскихъ* модницъ, которыя красятъ ею волосы и ногти, деревяннаго масла, глиняной посуды и проч. безпорядочными кучами лежатъ на землѣ, окруженные новыми хозяевами, для которыхъ они пріѣхали изъ далека и которые няньчатся съ ними какъ съ дѣтьми.

Козловъ и теперь производитъ значительный торгъ; это довольно богатый городъ, но древней *Евпаторіи* въ немъ и узнать нельзя: въ старину портъ ломился отъ кораблей, приплывавшихъ сюда со всѣхъ сторонъ, Востокъ, охотникъ до украшеній, распоряжался обстройкою города, а природа, и теперь прелестная, тогда въ сто разъ роскошнѣе одаряла его своими щедротами и *Евпаторія,* среди унылой, песчаной степи являлась путнику какъ луна посреди тучь, какъ пышная роза посреди ноготковъ. Многія развалины, оставленныя въ пыли какъ бы для того, чтобы показать человѣку всю ничтожность его трудовъ, свидѣтельствуютъ о его бывшей славѣ.

Вы были въ *Америкѣ*, были въ *Грузіи,* на *Кавказѣ*, но признайтесь, что нигдѣ не видали столь прелестной долины какъ въ *Крыму*, извѣстной подъ названіемъ *Судакской.* Что за видъ! Вдали синѣется море; его черныя волны разбиваются съ шумомъ о камни и бѣлый парусъ трепещетъ на поверхности; зеле-

ная долина тихо склоняется къ шумнымъ водамъ, принимая ихъ на своемъ изумрудномъ ложѣ; въ сторонѣ дикія скалы, обычныя принадлежности *Крыма*, насупившись отражаютъ гранитною грудью нападеніе ревущихъ валовъ и рисуютъ въ ихъ взволнованной поверхности живописныя развалины въ древности славной *Солдаи;* напротивъ, темной вѣнецъ виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ вѣнчаетъ красивыя жилища богатыхъ помѣщиковъ, далѣе какъ голубыя змѣйки извиваясь бѣгутъ двѣ чистыя рѣчки, за ними раскинулась живописно Татарская деревня, а тамъ, сзади деревни какъ великанъ, какъ покровитель долины, вознесъ главу свою *Алтшаккайскій хребетъ.* И эта прелестная картина оживлена веселыми пѣснями виноградарей, собирающихъ въ изобиліи плоды съ прекрасныхъ садовъ, ихъ живою работою и особенно единственнымъ, *Крымскимъ* солнцемъ. Эта долина есть самая обширная на Южномъ берегу *Крыма* и кромѣ своей рѣдкой красоты она примѣчательна по своему

винодѣлію, которымъ славится въ цѣлой Россіи.

Пріобрѣтя *Крымъ* наше отечество надѣялось усовершенствовать свое винодѣліе до того, чтобы однажды можно было сказать: у насъ не привозится изъ чужихъ краевъ вино, но все добывается на милой родинѣ; но запущеніе *Крымскихъ* садовъ, лѣность жителей и ихъ слабое желаніе искать совершенства, уничтожили всѣ планы Россіи, которая до сихъ поръ принуждена выписывать вина изъ *Англіи, Франціи, Германіи;* однако это не заставило ее отречься отъ своего намѣренія и Правительство, всегда старающееся о хорошемъ состояніи ему ввѣреннаго Государства, учредило въ *Судакской долинѣ Училище*, гдѣ научаются разводить и усовершенствовать лозы, выдѣлывавь вина, обработывать сады и это полезное заведеніе, на которое не щадили суммъ, можетъ теперь служить образцемъ для другихъ подобныхъ же заведеній. — *Крымскія* вина нынѣче не дурны.

Опять горы! Онѣ взгромоздились другъ

на друга какъ будто стараются одна черезъ другую заглянуть въ долину; мы ѣдимъ и передъ нами ничего нѣтъ кромѣ ужаснѣйшихъ громадъ, захватывающихъ небо, отдѣляющихъ отъ него облака и покрытыхъ вѣчными льдами, никогда не тающими; дорога дѣлается все опаснѣе и опаснѣе, лошади въ изнеможеніи потупили головы, солнце начинаетъ садиться. Но что блеснуло здѣсь на право? Крестъ!... Христіанская Церковь! О! поспѣшимъ къ святому храму, усладимъ молитвою невольный ужасъ, наведенный на насъ безпрестанною угрюмостью здѣшней природы. Углубленная въ каменную, утесистую гору, святая обитель, высѣченная въ честь *Успенія Богородицы*, нѣсколько вѣковъ можетъ быть скрывается въ этомъ дикомъ мѣстѣ, удивляя и радуя попеременно пугника своимъ присутствіемъ; 180 ступеней ведутъ къ вратамъ Церковнымъ, горы служатъ ей стѣнами; изъ нѣдръ ея, какъ изъ темной могилы, слышится голосъ служителя олтаря; скромная лам-

пада теплится у образа и ни одной иконы, никакого украшенія, только въ каменныхъ углубленіяхъ тянется рядъ гробовъ и у входа нависъ утесъ, поддерживаемый нѣсколькими подпорами и въ которомъ высѣчены довольно свѣтлыя кельи. — Видъ этой церкви удивителенъ и ужасенъ такъ, что прохожій невольно содрогается, находясь посреди гробовъ, въ дикой горѣ, между небомъ и землею, вдали отъ всего Христіанства.

Между двухъ горъ, въ прелестной долинѣ, окруженной садами, гдѣ рдѣетъ янтарный виноградъ, стоитъ какъ въ дорогомъ ящикѣ прежняя столица *Крымскихъ Хановъ*, ихъ любимая игрушка, которую они старались какъ можно лучше украшать, пышный *Бахчисарай*, соперникъ *Симферополя* въ красотѣ мѣстоположенія и любопытное для наблюдателя мѣсто остатками великолѣпія. Не буду говорить вамъ о богатыхъ фонтаяхъ, бившихъ со всѣхъ сторонъ алмазными горами въ мраморные бассейны, о роскошныхъ гаремахъ, гдѣ за золоты-

ми рѣшетками жили прекрасныя Ханскія жены, о прелестныхъ садахъ, подъ прохладною тѣнью которыхъ любили отдыхать *Крымскіе властелины*, о богатыхъ базарахъ, полныхъ данью Востока, о великолѣпіи самихъ Хановъ, но поведу васъ въ Ханскій дворецъ, сіяющій золотомъ и драгоцѣнными камнями, по пышности котораго вы будете имѣть достаточное понятіе о всемъ прочемъ. Дворецъ состоитъ изъ многихъ зданій различной архитектуры и величины, но это разнообразіе во все не портитъ цѣлаго, напротивъ оно придаетъ ему привлекательный и очень хорошій видъ.

Входъ во дворецъ раззолоченъ и крупная надпись видна еще издалека; два прекрасныхъ фонтана бьютъ различными изверженіями и вы подъ шумомъ воды входите въ большую комнату въ два свѣта, въ которой нижнее окно составлено изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, верхнее же болѣе, но убрано стеклянными кусочками въ видѣ лалловъ и изумрудовъ, янтарей, аметистовъ и проч. Здѣсь былъ

Диванъ или судилище Ханское, здѣсь онъ рѣшалъ труднѣйшія дѣла, принималъ своихъ чиновниковъ или фирмановъ, предписывалъ уставы; вотъ *Гаремъ* мѣсто роскоши и великолѣпія; тутъ за сквозящими рѣшетчатыми окнами проводили жизнь свою жены Хана, въ этомъ прекрасномъ саду, полномъ фонтановъ, источниковъ, купаленъ, бесѣдокъ, онѣ рѣзвились какъ беззаботныя дѣти, плескались въ чистыхъ струяхъ, играли, глядѣлись въ тихомъ зеркалѣ водъ и любовались своею красотою; вотъ длинный рядъ позлащенныхъ покоевъ, гдѣ великолѣпныя сѣдалища, быстрые водометы, мраморные полы, уже не удивляютъ насъ; здѣсь бѣлая изъ чистаго мрамора сдѣланная комната, тамъ вьется золотою лентою лѣстница, приводящая насъ къ богатымъ покоямъ, гдѣ полы покрыты прекрасными коврами или Египетскими рогожками, гдѣ бѣлый фонтанъ, спускаясь алмазною горою въ бассейнъ, окруженъ диванами, покрытыми бархатомъ и парчею. Розовые садики пріятно улыбаютъ-

ся изъ за темной зелени винограда и вода со всѣхъ сторонъ тонкими, серебренными нитями падаетъ на цвѣты и растенія. Куда не обернитесь — вездѣ проглядываетъ восточный вкусъ, все дышетъ *Азіатскою* роскошью. Жаль разстаться съ этими тѣнистыми рощицами, такъ и хочется попробовать этихъ вкусныхъ плодовъ, а цвѣты, какой ароматъ разливаютъ они вокругъ насъ, какъ пріятно журчитъ у вашихъ ногъ этотъ ручей, какъ величественно бьетъ фонтанъ. Вотъ Ханская мечеть, которой обширность, многочисленные переходы и богатое украшеніе, ясно говорятъ, что въ нее приходилъ молиться привычный къ роскоши властелинъ *Татаръ*. Здѣсь, подъ этими круглыми зданіями съ свинцовыми крышками, погребены Ханы, жены ихъ и дѣти; вотъ и ихъ гробницы; иныя покрыты чернымъ бархатомъ, а иныя сдѣланы изъ мрамора; но чей прахъ покоится подъ этимъ каменнымъ куполомъ, совершенно отличномъ отъ другихъ и находящимся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ

прочихъ? Здѣсь схоронена одна изъ женъ послѣдняго Хана, Христіанка, страстно имъ любимая.

Болѣе нечего смотрѣть въ *Бахчисараѣ*, потому что прочее строеніе въ немъ очень худо и состоитъ изъ бѣдныхъ *Татарскихъ* домовъ съ желѣзными рѣшетками вмѣсто стеколъ, изъ дурнаго базара, гдѣ *Музульмане* сидятъ поджавъ ноги и курятъ трубки, изъ нѣсколькихъ садовъ, оставленныхъ въ небреженіи, въ которыхъ по одной привычкѣ вьется виноградъ и все это разставлено въ тѣсныхъ и узкихъ улицахъ, гдѣ объ мостовой и понятія не имѣютъ.

Выѣхавъ изъ *Бахчисарая* мы начинаемъ примѣтно подниматься на гору; зеленѣющій любимецъ Хановъ изчезъ уже изъ нашихъ глазъ и вотъ передъ нами высунулась перпендикулярная *голая скала*, отдѣляющаяся отъ земли овальнымъ полукругомъ; ея бока столь гладки, что кажется надъ ними трудился весьма долго Художникъ; подъ нею стелются долины, тамъ опять каменныя?

утесистыя горы, далѣе зеленѣется *Бахчисарай*, прелестный *Симферополь* тонетъ въ отдаленіи и далеко, далеко бушуетъ море. И тутъ на этой дикой скалѣ, страшно нависшей надъ землею, готовою кажется раскрыться, чтобы поглотить ее со всѣми ея жилищами, тутъ въ безпрестанномъ страхѣ живутъ люди, здѣсь видя ежеминутно передъ собою гибель и бездну стоитъ *Джуфутъ-Кале*, иначе *Жидовскій городокъ*, названный такъ потому что въ немъ поселились еще при Ханахъ Жиды. Положеніе города самое невыгодное, потому что рѣкъ здѣсь нѣтъ и бѣдные жители должны съ величайшимъ трудомъ по дорогѣ, высѣченной въ горѣ, таскать на лошадяхъ воду изъ городскихъ фонтановъ, устроенныхъ внизу. Каково это? Видите ли тамъ вдали группами расположенныя деревья? Передъ вами Жидовское кладбище, мѣсто священное для каждаго Еврея и при Ханахъ, терпя безпрестанныя гоненія, они платили несмѣтныя суммы, чтобы только не трогали праха ихъ родственниковъ,

чтобы не вырывали деревьевъ, осѣняющихъ ихъ могилы.

Какъ страшно расположенъ этотъ *Греческій Монастырь* на скалѣ, готовой кажется обрушиться надъ головой дерзкаго путника; но онъ безопасно достигаетъ предмета своего любопытства, перекликается съ *Эхомъ*, вѣчнымъ жителемъ пустыхъ мѣстъ, заглядываетъ въ кельи пустынниковъ, спасавшихся здѣсь отъ сустъ мірскихъ, поклоняется скромнымъ гробамъ, гдѣ истлѣлъ ихъ прахъ. Все пусто въ Монастырѣ, все тихо! На живописной долинѣ внизу города разбросаны развалины нѣкогда великолѣпнаго лѣтняго дворца Хана.

Вотъ селеніе, въ которомъ лѣтъ за 40 до этого Татары жили мирно, спокойно, тихо обрабогывали свой скромный уголокъ и прохожій не разъ любовался прелестною долиною, усѣянною жилищами, примыкавшими къ самой подошвѣ чрезвычайно крутой и грозно нависшей надъ землею скалы, не разъ удивлялся ихъ безстрашію и съ ужасомъ показывалъ

имъ на близкую гибель; но Татары отвѣчали: «Алла великъ! Когда пробьетъ нашъ часъ, тогда мы всѣ умремъ!» Однажды, когда все селеніе *Кучукъ - Кой* было уже погружено въ глубокой сонъ, вдругъ раздается необыкновенный шумъ, земля колеблется, громъ клокочетъ въ горахъ, молнія перекрещивается въ небѣ и утесъ отъ внезапнаго землетрясенія рушится, погребая подъ собою цѣлое селеніе съ его жителями. На другое утро солнце ярче обыкновеннаго зажглось въ чистой лазури и освѣтило своими блестящими лучами ужасную картину смерти. Въ *Кучукъ-Коѣ* все молчало; камни лежали на камняхъ, изрытая земля послужила огромною могилою для всѣхъ поселянъ; однако это нимало не устрашило храбрыхъ Татаръ и они снова селятся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ столь ужасно погибли ихъ предки.

Держась ближе къ берегу *Чернаго моря* мы, такъ сказать, наткнемся наконецъ на двѣ дикія, крутыя скалы и между ними въ уныломъ, вовсе не заманчивомъ

мѣстоположеніи встрѣтимъ *Балаклаву*, городъ, въ которомъ, во время владычества *Турокъ*, торговали невольниками. Говорятъ, быть можетъ это сказка, что здѣшняя гавань была нѣкогда главнымъ притономъ *Таврійскихъ разбойниковъ*. Впрочемъ это сказаніе весьма вѣроятно, потому что положеніе порта между неприступными скалами, въ которыя онъ вложенъ, закованъ какъ въ цѣпи, можетъ по справедливости назваться настоящимъ вертепомъ шайки.

Недалеко отсюда находится *Георгіевскій Монастырь* унылый, молчаливый, пустой. Уступъ горы служитъ ему подножіемъ, виноградные кусты, фиговыя и кедровыя деревья окружаютъ его и на одномъ изъ нихъ явился чудотворный образъ *Св: Георгія*, въ честь котораго воздвигнутъ и Монастырь. Храмъ не великъ, кельи низки, вездѣ видны печати древности и простоты.

Остановимтеся отдохнуть въ этомъ селеніи, живописно раскинутомъ по пріятной долинѣ. Это *Алупка*, имѣніе Ново-

россійскаго Генералъ-Губернатора Графа *Воронцова*, который со всею умною проницательностію соединилъ здѣсь роскошь съ рѣдкимъ вкусомъ, — а вотъ и быстрый *Акаръ Су*. Его быстрота никогда не уменьшается, онъ какъ рѣзвое дитя, прыгаетъ съ камня на камень, со скалы на скалу, шумитъ, реветъ, пѣнится, играетъ солнечными лучами какъ тысячами драгоцѣнныхъ алмазовъ, раздѣляется на ручьи, разбрасываетъ по всѣмъ сторонамъ блестящіе брызги, но наконецъ утихнувъ, быстро, но плавно орошаетъ луга и пробѣгаетъ скромно по свѣтлымъ камешкамъ. — *Севастополь!* т. е. прекрасный городъ! Не достоинъ ли онъ вполнѣ этого названія? Взгляните на пріятную дорогу, ведущую къ нему: вездѣ сады съ старыми деревьями и между ними рѣчки чистыя, свѣтлыя сребристыя; кудрявый виноградъ смотрится въ ихъ воды, увиваясь около развѣсистой ивы или стройной фиги; Русскія избы, а не Татарскіе домишки унизываютъ пестрымъ бисеромъ ихъ берега; обратите ваше вни-

маніе на городской портъ: онъ кипитъ народомъ, корабли наполняютъ его и морякъ, съ удовольствіемъ смотря на прекрасное устройство, произноситъ: Правда что *Севастопольскій портъ* есть одинъ изъ самыхъ лучшихъ портовъ въ цѣломъ свѣтѣ! *Черноморскій флотъ* гнѣздится въ немъ, берега его оживлены многолюдствомъ. Здѣсь видимъ мы все Русское, все родное; Европейскій вкусъ въ зданіяхъ, въ правильности улицъ, въ обычаяхъ замѣняетъ напыщенный Восточный; за 50 лѣтъ это мѣсто было покрыто густымъ лѣсомъ и служило убѣжищемъ волкамъ, но когда *Крымъ* былъ покоренъ Великою, оно начало преобразовываться, украшаться, очищаться и теперь *Севастополь* по справедливости можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ Губернскихъ городовъ въ Россіи, какъ по своему живописному положенію въ видѣ амфитеатра на горѣ, такъ и по прекраснымъ строеніямъ и единственному порту.

Едва прошли мы 7 верстъ и вотъ уже передъ нами *Инкерманъ* во время *Гену-*

езцевъ столь цвѣтущій, столь торговый городъ, а теперь примѣчательный только своимъ прекраснымъ положеніемъ между двумя горами и остатками древности. Гдѣ же эти остатки? Видите ли эти пещеры, съ окнами, дверями, сводами и широкими каменными лавками? Онѣ сдѣланы человѣческими руками и здѣсь бѣдные *Генуезцы*, спасаясь отъ меча и огня, скрывались днемъ, молились ночью; въ этой церкви, освѣщаемой только отверстіями, продѣланными сверху, они, старялсь найти спасеніе отъ преслѣдователей, здѣсь часто находили свою смерть. Еще и теперь видны на стѣнахъ остатки ликовъ святыхъ, посреди купола высѣченъ крестъ, а это едва замѣтное возвышеніе служило олтаремъ. Скоро и эти любопытные предметы изчезнутъ, потому что уже пещеры превращены въ пороховые магазины и у входа поставлены Часовые.

Вотъ мѣсто, на которомъ *Владиміръ* принялъ Христіанскую Вѣру, здѣсь, гдѣ заложенъ нынѣ колодезь, совершилось

это торжество; здѣсь же нѣкогда жили *Греки*, и *Херсонесъ* тогда процвѣталъ и науками и торговлею, но теперь можно ли узнать въ этой безпорядочной кучѣ камней, въ этихъ высунувшихся скалахъ, въ полуразвалившейся башнѣ и испорченномъ водопроводѣ, прекрасный, древній, промышленный городъ? Гдѣ его великолѣпіе? Гдѣ слава? Все изчезло и *Херсонесъ* послужилъ на то чтобы изъ части его пышныхъ развалинъ соорудить *Севастополь*.

О! какая скучная дорога! Одни степи и грустныя Татарскія селенія встрѣчаются здѣсь намъ. Не ужели это еще *Крымъ?* Гдѣ же горы? Гдѣ живописные ландшафты, гдѣ рѣки съ своими водопадами? Они остались на Югѣ, мои милыя, и вы простились съ ними невозвратно; узкая полоса земли, называемая *Перекополь* отдѣляетъ васъ только отъ Россіи, безпредѣльное море бушуетъ со всѣхъ сторонъ, кажется готовое поглотить на каждомъ шагу упрямый перешеекъ, который такъ крѣпко захватился за Рос-

сію, предъ вами ровъ, простирающійся на 7 верстъ длины и имѣющій покрайней мѣрѣ 7 саженей глубины, дно его устлано камнемъ. Вы думаете можетъ быть, что это дѣло природы? О! Нѣтъ! Надъ этимъ трудились люди! Не вѣроятно! Вотъ и подъемный мостъ соединяющій *Таврiду* съ *Новороссіею*, мы его перешли и передъ нами *Херсонская Губернія.*

ГЛАВА V.

Новороссія.

Вообще *Херсонская Губернія* представляетъ плоскую степь, особливо въ сосѣдствѣ съ *Азовскимъ моремъ*, къ *Сѣверу* же мѣстоположеніе ея дѣлается нѣсколько возвышеннѣе, являются отрасли *Карпатскихъ горъ*, и чѣмъ ближе къ *Днѣпру*, тѣмъ болѣе встрѣчается холмовъ, которые разнообразятъ немного ея виды; однако не думайте, чтобы *Херсонскія* степи не были бы способны къ произрастанію, о! нѣтъ, и одинъ взглядъ на высокую траву, часто достигающую до человѣческаго роста, докажетъ вамъ

противное; около *Очакова* даже земля очень удобна для хлѣбопашества и вообще вся губернія бывъ орошаема прекрасными рѣками, каковы *Бугъ*, *Днѣпръ* и *Днѣстръ* весьма плодоносна, но бывъ мало населена, въ ней земледѣліе не составляетъ главное занятіе жителей, которые гораздо охотнѣе предаются садоводству и скотоводству. Взгляните на эти прекрасные фруктовые сады: вы увидите въ нихъ и дыни и арбузы и маисъ и виноградъ и разныя овощи и плодовыя деревья, удивляющія васъ множествомъ фруктовъ, подъ тяжестью которыхъ они клонятся къ землѣ и хозяева подставляютъ подъ вѣтьви подпоры, которыя удерживали бы ихъ отъ поврежденія. А здѣшній рогатый скотъ, посмотрите, какъ онъ крупенъ, какъ отлично содержанъ! Вотъ буйволъ съ крутыми рогами и огромной величины разсвирѣпясь побѣжалъ за жеребцомъ, ударившимъ его копытомъ; киргизскій баранъ съ длиннымъ хвостомъ пасется на зеленомъ лугу возлѣ тонкорунnаго меринoса

и коза, уступающая всегда преимущество коровѣ, гораздо съ большимъ попеченіемъ здѣсь содержится чѣмъ ея неуклюжая соперница. Но мы только что упомянули о здѣшнихъ рѣкахъ, которыя достойны большаго вниманія съ нашей стороны, потому что говоря о плодородности *Херсонской губерніи* мы должны помнить, что она имъ особенно этимъ одолжена. Слѣдуйте напримѣръ за теченіемъ Буга; сначала мы видимъ его въ *Подольской губерніи*, потомъ онъ течетъ къ югу и вездѣ, гдѣ протекаетъ, встрѣчаемъ сады, густыя паствы, зеленыя мѣста, только въ сосѣдствѣ съ моремъ разлеглась сухая степь, но здѣсь мы его оставимъ и обратимъ наше вниманіе на *Днѣпръ*, величественную рѣку, древній *Борисѳенъ*, протекающую 1500 верстъ въ длину и вездѣ приносящую довольство и изобиліе; но взгляните на ея пороги, когда она приблизясь къ морю должна пролагать себѣ путь черезъ гранитный проходъ отдѣляющійся отъ *Карпатскихъ горъ:* острые камни въ ви-

дѣ скалъ торчатъ изъ подъ воды, а иные изъ нихъ брошены природою поперегъ рѣки и тутъ то она должна пробираться, тутъ то вѣрная гибель ожидаетъ неосторожнаго пловца. *Днѣпръ*, остановленный въ своемъ теченіи, ударяется съ гнѣвомъ о преполу, разбиваетъ объ нее свою широкою грудь, крутится, шипитъ, реветъ, пѣнится. То бѣлымъ клубомъ онъ завертится около камня, то миліонами брызгъ разсыплется въ воздухѣ; вотъ синяя волна вздулась горою, а тамъ поднялся алмазный столбъ, здѣсь комъ пѣны присталъ къ камню, тутъ столкнулись два черныхъ вала; ужасно! Но эти ужасы не останавливали *Аскольда* и *Дира*, которые, презирая всѣ опасности, на утлыхъ ладіяхъ плыли въ Грецію, они не устрашали ни *Олега* ни *Святослава;* волна крутила ихъ челны въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ, но они играли ею и вырывались отъ нея смѣясь ея усиліямъ удержать или погубить ихъ. — Прекрасный *Днѣстръ* вытекаетъ изъ Галиціи.

Херсонская губернія съ 1795 года вмѣстѣ съ *Екатеринославскою* составляетъ, такъ называемую, *новую Россію* и въ ней вы увидите тоже смѣшенное народонаселеніе, которымъ любовались и въ *Астраханской*. Тутъ встрѣтите *Шведа*, *Русскаго*, *Нѣмца*, *Грека*, *Армянина*, *Жида*, *Поляка*, *Бухарца*, *Молдаванца*, *Серба* и проч. и проч., всѣхъ поколѣній вѣдь не перечтешь.

Дорога наша идетъ посреди степи, покрытой густою травою; тучныя стада свободно разгуливаютъ по лугамъ, а *чобаны*, такъ здѣсь называются пастухи, отложивъ въ сторону посохъ и рожокъ, дружно, большимъ обществомъ ѣдятъ свою обыкновенную *мамелюку* т. е. кукурузу, смолотую въ видѣ муки и приготовленную въ водѣ. Но вотъ потянулись сады и изъ за нихъ выглядываютъ чистые очень пріятной наружности домики; между зеленью заблисталъ величественный *Днѣпръ* неся на своихъ синихъ волнахъ и Русскія и *Греческія* и *Турецкія* суда, раздался колокольный

звонъ, сверкнулъ многоглавный соборъ и городъ, сотворенный Петромъ, явился передъ нами. Мы въ *Херсонѣ*. Насъ встрѣчаетъ дѣятельность, нераздѣльное съ нею трудолюбіе работаетъ на прекрасномъ *Адмиралтействѣ*, въ пристани, устроенной на сваяхъ, на землѣ и на водѣ. Купцы и дворяне толпятся въ гавани, матросы и рыбаки шумятъ на берегу, тысячи работниковъ суетятся около кораблей, которые черезъ нѣсколько дней выползутъ во всей красѣ изъ подъ своего навѣса и поплывутъ по *Днѣпру* прямо въ *Черное* море.—Народъ шумитъ на улицахъ, на площади, въ рынкахъ! городъ прекрасно выстроенъ, хорошія зданія украшаютъ правильныя и широкія улицы, красивыя церкви сверкаютъ своими крестами со всѣхъ сторонъ и надъ ними возвышается *соборъ*, легкой, простой, но изящной архитектуры, построенный въ честь Екатерины II. Въ немъ нѣтъ ни золотыхъ ни серебреныхъ украшеній, но пріятная зелень обвиваетъ его и образа, главная красота всякаго

храма, писаны прекрасно: посмотрите на это изображеніе Великомученицы Екатерины; какое выраженія въ ея чертахъ, какое величіе въ лицѣ! Оно блѣдно но исполнено чувства! А Іоаннъ Богословъ кажется готовъ проповѣдывать! Уста его открыты и изъ нихъ излечаютъ назидательныя поученія; тише! дѣти! тише! Святой мужъ говоритъ вамъ! Вотъ изящная живопись! Въ этомъ храмѣ покоится прахъ вѣрнаго исполнителя мыслей Великой Екатерины храбраго побѣдителя *Таврицы* славнаго....а, вы уже сами произносите имя *Потемкина* и съ благоговѣніемъ преклоняете колѣна передъ его гробницею.—

Земля начинаетъ немного подниматься, Черное море синѣется въ отдаленіи, пестрѣя множествомъ разноцвѣтныхъ флаговъ, предъ нами гора и на ней въ видѣ красиваго амфитеатра раскинулась страшная соперница *Херсона*, живописная, живая *Одесса*. — Что за жизнь, что за шумъ въ городѣ! Биржа унизана народомъ, гавань полна купцовъ; всѣ головы,

всѣ умы заняты однимъ предметомъ— торговлею, слово это прыгаетъ съ языка на языкъ, только и слышно со всѣхъ сторонъ барышъ, да деньги, да промышленность, да товаръ.

Одесса до 1789 года была ничто иное какъ бѣдная Турецкая деревушка, называвшаяся *Хаджибей*. Ея положеніе при Черномъ морѣ очень понравилось Императрицѣ Екатеринѣ и такъ какъ Она давно желала учредить въ этихъ мѣстахъ портъ, то и поручила Князю *Потемкину-Таврическому* овладѣть *Хаджибеемъ*. И вотъ Турецкое селеніе перешло къ намъ во владѣніе, благодаря стараніямъ храбраго Вице-Адмирала *де Рибаса*. Екатерина получивъ извѣстіе о побѣдѣ, приказала *де Рибасу* основать тутъ немедленно городъ и портъ. Говорятъ что въ Русскихъ рукахъ все кипитъ, и вотъ явился сперва маловажный городишко съ плохенькими зданіями, малонаселенный, но такъ какъ портъ его представлялъ очень удоб-

ное убѣжище для кораблей, которые въ немъ были совершенно закрыты отъ всѣхъ вѣтровъ, то скоро со всѣхъ сторонъ приплыли суда, *Одесса* нѣсколько оживилась, главная причина ея будущей славы — торговля основалась и такъ мало по малу намѣренье Великой начало исполняться. Насталъ 1789 годъ и вдругъ въ Россіи явился Французскій *Герцогъ де Ришелье*, искавшій спасенія въ нѣдрахъ нашего отечества отъ безпорядковъ, колебавшихъ Францію; у насъ онъ нашелъ покровительство и въ 1803 году Императоръ Александръ назначилъ его Градоначальникомъ *Одессы*.

Поговорите объ этомъ человѣкѣ съ кѣмъ нибудь изъ здѣшнихъ жителей и каждый съ благодарными слезами скажетъ: »онъ былъ другомъ рода человѣческаго, онъ какъ отецъ родной пекся объ насъ когда здѣсь свирѣпствовала чума, не страшась ни мало смерти, онъ посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ ихъ и мертвымъ самъ, собственными руками приготовлялъ послѣднее убѣжище. Не

онъ ли основалъ этотъ прекрасный *Лицей,* гдѣ дѣти наши получаютъ хорошее образованіе и откуда они выходятъ полезными для отечества людьми? Не онъ ли былъ нашимъ благодѣтелемъ, не онъ ли переродилъ насъ, не онъ ли прославилъ нашъ портъ?« Благодарная *Одесса* воздвигла ему памятникъ на морскомъ берегу возлѣ бульваровъ и каждая мать, прогуливаясь тутъ съ сыномъ, и указывая на бронзовую статую, стоящую на гранитномъ пьедесталѣ, скажетъ: »Вотъ, мой другъ, изображеніе *Герцога де Ришелье,* которому отецъ твой очень многимъ обязанъ. Чти его память, люби его и всегда внутренно благодари за благодѣянія, которыми онъ украсилъ воспоминаніе о себѣ.« Одною рукою указываетъ онъ на портъ, какъ бы любуясь множествомъ судовъ, подъ разноцвѣтными флагами, которые летаютъ по морю на бѣлыхъ парусахъ, въ другой держитъ свитокъ, вѣроятно указъ. Нынѣ начальникомъ *Одессы* назначенъ *Графъ Воронцовъ,* который также очень много

старался и старается объ украшеніи города: онъ снабдилъ его прекрасными зданіями и оживилъ торговлю. Пройдемте на морской булеваръ; какая очаровательная картина представляется нашимъ глазамъ: внизу, въ саженяхъ тридцати волнуется *Черное* море, покрытое красивыми кораблями, плывущими во всѣхъ направленіяхъ, за деревьями мелькаютъ прекрасныя зданія, какъ то: домъ Графа Воронцова, Присутственныя мѣста, Публичная Библіотека; на лѣво открывается прекрасная Биржа, живая, суетящаяся, шумливая и отъ нея тянется рядъ красивыхъ строеній; предъ вами величественная статуя *де Ришелье*, а не много въ сторонѣ красивый, огромный карантинъ, около котораго толпятся нестройными групами корабли. Преполезное заведеніе, дѣлающее большую честь Правительству: теперь *Одесса* ни мало не боится чумы, этого страшнаго бича рода человѣческаго, отъ котораго въ 1812 году здѣсь погибло 6000 чел. Отъ чего же происходитъ эта перемѣна? Отъ

того, что теперь всѣ товары, прежде чѣмъ ихъ отдадутъ въ руки купцовъ, обкуриваются, очищаются въ здѣшнемъ карантинѣ такъ, что чума не подъ какимъ образомъ не можетъ приплыть въ *Одессу*.

А вотъ и прекрасный *Театръ*, гдѣ Италіанская труппа даетъ два раза въ недѣлю свои представленія, тамъ зазеленѣлся *Ботаническій садъ*, здѣсь пересѣкаясь потянулись *Италіанская*, *Ришельевская* и *Греческая* улицы, а тамъ далеко, за городомъ красуются прелестныя дачи. Въ *Одессѣ* все можно найти: хотите ли заняться науками — идите въ *Ришельевскій Лицей*, устали ли вы отъ трудовъ — отдохните на морскомъ бульварѣ въ виду бронзовой статуи великаго преобразователя *Одессы*, посреди шумной толпы гуляющихъ, желаете ли остаться въ уединеніи — а! для этого довольно трудно найти мѣсто, потому что вездѣ кипитъ народъ, ищете ли вы пріятной тѣни—идите въ *Ботаническій* или *Городской* сады; хотите ли что нибудь

почитать — войдите въ богатую публичную библіотеку, угодно ли вамъ слышать прелестную музыку — поѣзжайте въ здѣшній театръ. Однимъ словомъ *Одесса* есть маленькая столица, веселый, живой городокъ, гдѣ можно провести свое время очень пріятно. Однако обращая вниманіе на внутренность города, мы только мимоходомъ взглянули на главное его украшеніе, предметъ, обратившій особенно на себя вниманіе Екатерины, на портъ вѣчно полный кораблей, вѣчно богатый выгруженными товарами. Онъ съ трехъ сторонъ окруженъ горами, такъ что суда здѣсь въ совершенномъ укрытіи отъ морскихъ вѣтровъ и въ близкомъ разстояніи ни одной мѣли, большое удобство, которымъ похвалиться могутъ рѣдкіе порты и потому не чудно, что сюда плывутъ корабли и изъ Франціи и Греціи и Молдавіи и Турціи и Германіи, такъ что въ *Одессѣ* вы можете услышать всевозможные языки, увидѣть различные костюмы, познакомиться съ разными народа-

ми.—Отъ того съ процвѣтаніемъ *Одессы*, *Херсонъ* очень много упала, потому что торговля, его единственная подпора, перешла въ этотъ новый городъ, къ чему много способствовало также и то, что здѣсь воздухъ гораздо чище и здоровѣе, отъ чего каждый гораздо охотнѣе селится здѣсь чѣмъ въ главномъ городѣ губерніи.

Опять потянулись пески. Скучная дорога! Здѣсь, въ этихъ мѣстахъ скрывался Карлъ XII, послѣ Полтавскаго сраженія, тутъ недалеко отъ *Лимана*, находится крѣпостца *Кинбургъ*, бывшая Турецкимъ городомъ и примѣчательная воспоминаніемъ о *Суворовѣ:* армія наша расположилась подъ стѣнами *Кинбурга* въ ожиданіи приближенія Турокъ. Всѣ въ дѣйствіи, всѣ съ нетерпѣніемъ поглядываютъ вдаль, желая скорѣе увидѣть приближеніе непріятеля и начать дѣло; одинъ *Суворовъ* остается спокойнымъ и ни мало не заботится о сраженіи. Наконецъ вдали поднялась пыль столбомъ; ѣдутъ! закричали солдаты. —

Суворовъ молчитъ и преспокойно ложится спать. »Уже Турки въ гавани,« докладываетъ Комендантъ Главнокомадующему, но онъ и не шевелится, а беззаботно поглядываетъ на безпокойетво офицеровъ, насвистываетъ любимый маршъ. Не зная на что рѣшиться, Комендантъ велитъ стрѣлять; начинается сраженіе и *Суворовъ* подъѣхавъ къ распорядителю, говоритъ ему, ударивъ по плечу: »вы знаете свое дѣло, но опасности никакой нѣтъ.« Онъ протянулъ руку и Комендантъ увидѣлъ скачущій во всю прыть Гусарскій полкъ, за которымъ давно послалъ Главнокомандующій и потому оставался спокойнымъ.

Мы въ *Очаковъ*, славной Турецкой крѣпости, которая была взята приступомъ въ 1788 году *Княземъ Потемкинымъ*; здѣсь мы посѣтимъ очень хорошую пристань при *Днѣпрѣ*, входъ которой защищается цитаделью и прекрасный карантинъ, гдѣ больные получаютъ всевозможныя попеченія, гдѣ свѣтлыя комнаты служатъ жилищемъ,

вкусная и легкая пища поддерживаетъ здоровье, тѣнистый садъ служитъ пріятнымъ мѣстомъ для прогулки. Однимъ словомъ здѣсь Правительство чрезвычайно печется о спокойствіи больныхъ и каждой изъ нихъ, выходя изъ карантина, отъ души благодаритъ Государя за его состраданіе и любовь къ подданнымъ.

Намъ остается еще взглянуть на *Николаевъ*, городъ тѣмъ особенно примѣчательный, что въ немъ находится портъ, въ которомъ помѣщается Черноморская гребная флотилія и на *Овидіополь*, построенный Екатериною съ намѣреніемъ назначенія границы между Россіею и Турціею.

Екатеринославская губернія, отнятая у Козаковъ и у Татаръ въ 1783 году, весьма схожа съ *Херсонскою* и почвою и климатомъ и произведеніями: тоже безлѣсіе, почему дома крестьянскіе строятся изъ глины и покрываются тростникомъ, а для топленія употребляется дурная трава, солома, навозъ и проч.,

таже пустота въ видахъ, такъ что часто въ продолженіи нѣсколькихъ дней, вы ничего не встрѣтите кромѣ песчаной земли, по мѣстамъ курганы, скрывающіе тѣла убитыхъ, бѣдныя избы и иногда изрѣдка красивый макъ выглянетъ изъ за огорода и виноградъ, обвившись около тутоваго дерева, повеселитъ васъ своею зеленью; тоже множество дичи, такъ что на каждомъ шагу встрѣтите вы охотника съ сумкою, изъ которой висятъ прострѣленныя головки куропатокъ, дикихъ утокъ, бекасовъ. А въ степяхъ сколько лисицъ, волковъ, зайцевъ, сколько ящерицъ и сусликовъ, бабъптицъ и дикихъ кошекъ; *Днѣпръ* же, *Донъ* и *Азовское* море, обильно надѣляютъ жителей разнаго рода рыбою.

Полагаютъ, что *Козаки* и *Малороссіяне* составляютъ главное народонаселеніе этой губерніи, но торговля ея приманила сюда *Сербовъ*, *Грековъ*, *Армянъ*, *Татаръ*, *Великороссіянъ*, *Нѣмцевъ*, такъ что трудно означить ея настоящихъ поселенцевъ.

Въ *Екатеринославлѣ* мы не долго остановимся; только взглянемъ на здѣшнія шелковыя и чулочныя фабрики, посѣтимъ Гимназію, погуляемъ немного по здѣшнимъ широкимъ, но часто незастроеннымъ улицамъ и отдохнувъ въ прекрасномъ саду *Князя Потемкина*, поплывемъ по небольшой рѣчкѣ, впадающей въ *Днѣпръ* въ *Новороссійскѣ*. Самъ городъ не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго, ни въ историчеекомъ отношеніи, ни въ архитектурномъ, потому что зданій здѣсь совсѣмъ нѣтъ любопытныхъ, но не доходя немного до рѣки, она вдругъ покрывается бѣлою пѣною, разноцвѣтные камни торчатъ изъ подъ воды и рѣзвыя струи крутятся около нихъ, между тѣмъ какъ докучливые водяные столбы разсыпаясь милліонами брызгъ, прерываютъ на минуту ихъ веселую игру; какой шумъ, ревъ! За два шага ничего не слышно! На одномъ берегѣ поднялась гора и огромный камень примыкая къ ней однимъ угломъ сзади соединяется съ другимъ, столь же

большимъ камнемъ, такъ что это образуетъ родъ дивана. Вглядитесь хорошенько: не кажется ли вамъ что еще и теперь видите передъ собою сидящаго Петра? Ему подносятъ кушанье, вставляютъ блюда въ круглоты, выдолбленныя въ камнѣ и Великій обѣдаетъ на чистомъ воздухѣ; обѣдъ конченъ, Петръ ложится отдыхать на твердомъ ложѣ, шумъ пороговъ усыпляетъ Его. Да, мои милыя, передъ вами мѣсто, гдѣ Царь не разъ просиживалъ по нѣсколько часовъ, внимая шуму ревущаго *Днѣпра* и любуясь разнообразною игрою водъ. —

Какой жаръ! Намъ хочется пить, но вода не утоляетъ жажды!... А! вотъ ѣдетъ тѣлега, нагруженная арбузами и дынями. »Мужичекъ! продай арбузъ!« — »Давай гривну!« И арбузъ намъ принадлежитъ. За гривну получить такой плодъ! Каково?

Не трудно послѣ этого что каждый крестьянинъ утоляетъ имъ жажду, а нищій получаетъ его въ подаяніе.

Миновавъ *Маріуполь*, довольно хоро-

шій торговый городъ, мы посѣтимъ *Таганрогъ*, грустный для каждаго Русскаго своими воспоминаніями: здѣсь въ 1825 году 19 Ноября, Покровитель нашего отечества, тихій Ангелъ, однимъ словомъ Александръ Благословенный вознесся къ небесамъ, оставивъ на землѣ вѣчно незабвенную память по себѣ. *Таганрогъ* лежитъ на возвышенномъ мѣстѣ и оканчивается довольно глубокимъ заливомъ, образуемымъ *Азовскимъ* моремъ и если бы онъ былъ не много еще поглубже, то составилъ бы прекрасный портъ для кораблей, однако *Таганрогъ* бывъ хорошо укрѣпленъ, считается вторымъ портомъ на югѣ Россіи. — Началомъ своего существованія онъ одолженъ Петру I, исполнительница же Его великихъ мыслей Екатерина II обратила особенно Свое вниманіе на этотъ городъ и всѣми средствами старалась помогать его торговлѣ; Александръ Благословенный много украсилъ *Таганрогъ*, учредивъ въ немъ карантинъ, Коммерческій судъ, разныя

конторы; въ Его царствованіе выстроилось очень много хорошихъ домовъ и Онъ тщательно старался объ очищеніи весьма засорившейся гавани, устроивая на ней пристани и помосты.—Благословенный украшалъ этотъ городъ какъ бы предчувствуя, что здѣсь суждено Ему кончить Свою славную жизнь.

Перенеситесь въ *Азовъ*, когда онъ находился подъ владычествомъ *Генуезцевъ*. Вы увидите его цвѣтущимъ, торговымъ, славнымъ любимцемъ *Босфорскихъ Грековъ*, предметомъ зависти окрестныхъ городовъ, а теперь въ его портъ приплываютъ только небольшія лодки, потому что порядочные корабли никакъ не могутъ подходить къ берегамъ по чрезвычайно засоренному дну.

Вотъ *Нахичевань*, городъ выстроенный въ восточномъ вкусѣ и обитаемый *Армянами*, занимающимися здѣсь торговлею. Онъ совершенно отличается своимъ устройствомъ отъ прочихъ городовъ *Екатеринославской* губерніи и толь-

ко это приманило насъ къ нему, потому что иначе, ни мало не обративъ на него вниманія мы проѣхали бы въ *Бессарабію.*

Бухарестскій миръ, заключенный съ *Турками* въ 1812 году доставилъ Россіи эту область и присоединилъ къ ней часть *Молдавіи. Бессарабія* съ самаго начала своего существованія безпрестанно переходила изъ рукъ въ руки, то находилась подъ покровительствомъ *Крымскихъ Хановъ*, то принадлежала Огоманской портѣ, но когда въ 1812 году она перешла во владѣнія Русскаго Царя, то ея жители, *Нагайцы*, боясь владычества Россіи и предпочитая ему даже власть *Турокъ*, переплыли *Дунай* и поселились на южномъ берегу, а земля ихъ сдѣлалась собраніемъ Русскихъ, *Татаръ*, *Молдаванъ*, *Нѣмцевъ*, *Сербовъ*, *Армянъ*, *Цыганъ*, *Грековъ и Булгаровъ*, управляемыхъ нашими законами сообразно съ ихъ нравами и обычаями. Мѣстоположеніе области вообще ровное, но въ *Молдавіи* являются горы, отрасли *Карпата*, которыя наполь-

няютъ етрану красивыми холмами, понижающимися по мѣрѣ склоненія къ югу такъ, что здѣсь представляется совершенно гладкая плоскость, безлѣсная, но чрезвычайно плодородная, особливо между *Прутомъ* и *Днѣстромъ*. Какія тутъ прекрасныя паствы, луга, что за стада на нихъ! А около *Акермана* посмотрите какъ много соленыхъ озеръ, доставляющихъ большую выгоду землѣ; о винограде и плодахъ нечего и говорить: *Бессарабія* на югѣ.

Пріобрѣтеніе этой области важно для насъ не только потому, что здѣсь прекрасная почва, что множество рѣкъ ее орошаютъ, что въ ней множество очень удобныхъ портовъ, но еще и потому, что она составила лучшую и надежнѣйшую границу между двумя сосѣдками—Россіею и *Турціею*. И сколько воспоминаній гнѣздится при словѣ *Бессарабія!* Не здѣсьли развернулись высокія дарованія *Потемкина*, не здѣсь ли слава увѣнчала *Багратіона*, *Кутузова*, *Румянцова*, *Суворова*, *Рѣпнина*, *Панина*? Не здѣсь ли Петръ,

показалъ свою любовь къ отечеству? Вспомните *Бендеры*, *Измаилъ*, *Рябую могилу*, *Хотинъ*: не напоминаютъ ли они вамъ чего нибудь?

Предъ вами деревня *Варницъ*, а тамъ недалеко и *Бендеры*. Не здѣсь ли скрывался *Карлъ* XII послѣ *Полтавскаго* сраженія, не тутъ ли, сбросивъ свою гордость, онъ скитался какъ бѣглецъ, пребывая въ безпрестанномъ страхѣ. А вотъ *Рябая могила*. При этихъ холмахъ Петръ, жертва низкаго вѣроломства, умѣлъ сохранить все свое рѣдкое присутствіе духа и когда каждый офицеръ унывая ожидалъ близкой смерти, онъ предъ образомъ Спасителя въ теплой молитвѣ искалъ спасенія не Себѣ, нѣтъ онъ не думалъ о своей особѣ, но объ отечествѣ, которое гибло съ Нимъ невозвратно. «Если я попаду въ плѣнъ, писалъ Онъ Сенату, то не почитайте болѣе меня своимъ Царемъ, не слушайтесь моихъ собственно-ручныхъ даже повелѣній пока Самъ не появлюся между вами.

Если же погибну, то выберите, на мое мѣсто достойнаго наслѣдника.»

Отдавъ это письмо одному вѣрному офицеру онъ дружески обнимаетъ его и со словами: «Богъ съ тобою!» препоручаетъ себя и всю Россію волѣ Судьбы. Но завтрешній день его занимаетъ, всѣ его мысли обращены къ этому роковому дню, вдругъ дверь палатки Его тихо отворяется и предъ Петромъ является супруга Его, Великая Екатерина. Чело Ея блеститъ какою то радостью, поступь Ея необыкновенно величественна, Она не замѣчаетъ гнѣвнаго взора своего повелителя, удивленнаго Ея приходомъ, тѣмъ болѣе что за минуту онъ отдалъ строгое повелѣніе никого къ Нему невпускать. «Государь!» не робѣя ни мало произноситъ Царица, я нашла средство спасти Россію!» Это магическое слово дѣлаетъ чудесное превращеніе во всей особѣ Государя, Онъ ласково обнимаетъ свою Катю и съ величайшимъ вниманіемъ выслушиваетъ предложеніе Государыни. Можетъ ли Екатерина дать

дурной совѣтъ? Она говоритъ о мирѣ — Петръ хмуритъ брови — Она умоляетъ, представляетъ бѣдственное положéніе Россіи и Петръ соглашается. Тогда Царица признается что уже заранѣе Ею посланъ гонецъ къ *Визирю* съ письмомъ *Фельдмаршала Шереметева.* Настаетъ утро. Раздается пальба со стороны *Турокъ*—гонца нѣтъ съ отвѣтомъ — сраженіе разгорается съ бѣшенствомъ — Петръ бросается въ самую середину непріятеля и въ эту то рѣшительную для Россіи минуту, отъ *Турокъ* является вѣстникъ съ извѣстіемъ мира.—О! какая для всѣхъ радость! Но осторожный Петръ не слишкомъ предается ей, Онъ входитъ въ переговоры съ *Визиремъ* и послѣ многихъ толковъ наконецъ заключено перемиріе. — Послѣ такаго любопытнаго произшествія какъ не удѣлить нѣсколькихъ минутъ *Рябой могилѣ.*

Какъ странно запрягаютъ здѣсь лошадей! Къ дышлу нашей тяжелой повозки запрягли двухъ лошадей и на лѣвой

сѣлъ кучеръ, который управляетъ четверкою впряженною впереди; къ нимъ же присоединены еще двѣ лошади спереди и на одной изъ нихъ усѣлся форейторъ, тамъ опять припрягаютъ четыре въ рядъ лошади, передъ ними еще двѣ, потомъ.....да будетъ ли конецъ? Это старинная *Молдаванская* упряжъ, сохранившаяся здѣсь до сихъ поръ. И замѣтьте, что хомутовъ не употребляютъ, а надѣваютъ лошадямъ только одни нагрудники и онѣ не бывъ ни чѣмъ обезпокоиваемы бѣгутъ очень шибко, но все въ прискачку, рыси же здѣсь не знаютъ. Вотъ *Хотинъ*, служившій обороною *Оттоманской* Портѣ противъ враговъ и сильно защищавшійся противъ Россіи, но не могшій однако противостоять ея гиганскимъ силамъ: 1788 годъ рѣшилъ его судьбу окончательно и теперь этотъ городъ, лежащій въ части *Молдавіи*, присоединенной къ Россіи, столь хорошо защищаемый со всѣхъ сторонъ горами, составляетъ прекрасную крѣпость нашего отечества. Въ *Кишиневѣ*, глав-

номъ городѣ *Бессарабіи*, мы немного отдохнемъ отъ нашего путешествія, погуляемъ въ его многолюдныхъ улицахъ, полюбуемся красивымъ мѣстоположеніемъ на трехъ холмахъ, потолкаемся въ народѣ на ярмаркѣ, бывающей здѣсь очень часто и на которой производится значительный торгъ скотомъ, а потомъ лѣсами и неровною дорогою отправимся далѣе. — Кому воздвигнутъ этотъ памятникъ? Столбъ изъ дикаго камня, поставленный на такомъ же пьедесталѣ, возвышается передъ вами въ видѣ кургана и странно поражаетъ въ дикомъ, запущенномъ мѣстѣ. Тутъ была и надпись, но время стерло ее, однако если могу я вамъ вспомню:

Среди побѣдъ, во славѣ безпредѣльной.
Герой здѣсь кончилъ жизнь. О человѣкъ скудельный:
Коль живъ ты--умствуешь, обемлешь въ мысляхъ свѣтъ,
Смерть придетъ — блескъ изчезъ и съ жизнью все милетъ!

Нѣтъ, Г.нъ поэтъ, нѣтъ, слава, слава, *Потемкина*, которому сооруженъ этотъ

памятникъ, никогда не минуется, но еще съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться, потому что услуги, оказанныя имъ Россіи, слишкомъ велики, чтобы когда нинибудь истереться изъ нашей памяти.

Князь *Григорій Александровичъ Потемкинъ*, возвратясь изъ Петербурга въ *Яссы*, сдѣлался боленъ и не смотря на всѣ свои старанія переломить себя ни какъ не могъ побѣдить природу; она торжествовала, онъ слабѣлъ и чувствуя уже себя на краю гроба пожелалъ переѣхать въ *Смоленскъ*, надѣясь что воздухъ отечества возвратить ему силы и здоровье. Но Богъ рѣшилъ иначе и выѣхавъ изъ *Яссъ* у самаго того мѣста, гдѣ теперь воздвигнута колонна, *Потемкинъ* почувствовалъ такую слабость, что принужденъ былъ остановиться и приказавъ разослать плащь на травѣ онъ заснулъ, чтобы болѣе не—просыпаться.

И такъ предчувствіе, мучившее его послѣ праздника, даннаго имъ Екатеринѣ въ Таврическомъ дворцѣ, его не обмануло: онъ навсегда простился съ Петер-

бургомъ. Государыня, получивъ это горестное извѣстіе, чрезвычайно огорчилась, очень много плакала и въ память своего вѣрнаго помощника соорудила на мѣстѣ его кончины эту скромную колонну.

Яссы довольно порядочный городъ и особенно любопытенъ дворцемъ, составляющимъ его главное украшеніе: въ немъ оконъ столько же сколько дней въ году, а дверей столько, сколько дней въ недѣли. Вотъ странная выдумка!

Здѣсь мы сдѣлаемъ посѣщеніе Господарю *Молдаванскому*, имѣющему свое пребываніе въ этомъ городѣ. Насъ принимаютъ со всею *Азіатскою* вѣжливостью: богато одѣтые *Арнауты* или невольники подаютъ намъ *дульгецы* т. е. варенья, потомъ подносятъ на блюдахъ холодную воду, которою мы запиваемъ сладости, а тамъ въ золотыхъ чашечкахъ приносятъ густой, ароматическій кофе и съ нимъ вмѣстѣ богатыя трубки съ предлинными чубуками; маленькій Арабчикъ кладетъ на колѣни намъ шелковыя салфетки и вытеревъ

каждому изъ насъ губы выходитъ изъ комнаты, оставя насъ съ важнымъ, угрюмымъ Господаремъ.

Отсюда дорога идетъ очень пріятная, гладкая, такъ что мы совсѣмъ не примѣчая далеко уже отъѣхали отъ *Яссъ*; вотъ и мыза, гдѣ долго жилъ Графъ *Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій* въ тишинѣ, между тѣмъ какъ соперникъ его *Потемкинъ* быстрымъ орломъ парилъ надъ побѣдоносною арміею. Вотъ и остатки скромнаго жилища, въ которомъ жилъ герой, вотъ спальня, изъ оконъ которой не разъ онъ смотрѣлъ вдаль на *Рябую могилу*, свидѣтельницу столькихъ славныхъ событій, вотъ небольшая библіотека, его нѣмой, но любимый товарищь, а вотъ и пень, на которомъ всякое утро посѣтители находили или занятаго чтеніемъ или съ легкою удочкою, гдѣ трепетала жадная рыбка. »Наше дѣло, говаривалъ онъ, города плѣнять, да рыбку ловить!» Зная дѣла *Румянцова* нельзя было не удѣлить нѣсколькихъ минутъ остаткамъ его жилища. Торго-

вый городъ *Бендеры* съ своею знаменитою деревнею *Варницъ* изчезъ у насъ изъ глазъ, промышленный *Акерманъ*, стоящій посреди богатыхъ соленныхъ озеръ, скрылся за деревьями, и вотъ заблисталъ *Прутъ*, свидѣтель побѣдъ Русскаго войска, не разъ смывавшій своими свѣтлыми струями ручьи крови, обагрявшіе многократно его берега; широкой *Дунай*, протекая только по небольшому уголку Россіи, сливаетъ свои синія волны съ *Прутомъ* и съ 1812 года образуетъ границу между Россіею и Турціею. А! вотъ и *Измаилъ*, прославленный славною осадою *Суворова*, нѣкогда бывшій прекрасною крѣпостью, но теперь довольно незначущій городокъ, любопытный только прошедшимъ. Жители до сихъ поръ говорятъ еще объ ужасахъ осады Суворова, объ убійствахъ, раззореніи и только этими разсказами поддерживается *Измаилъ*. Нѣсколько верстъ далѣе выглядываетъ *Килія*, довольно промышленный городъ, но нехорошо выстроеный и не слишкомъ примѣча-

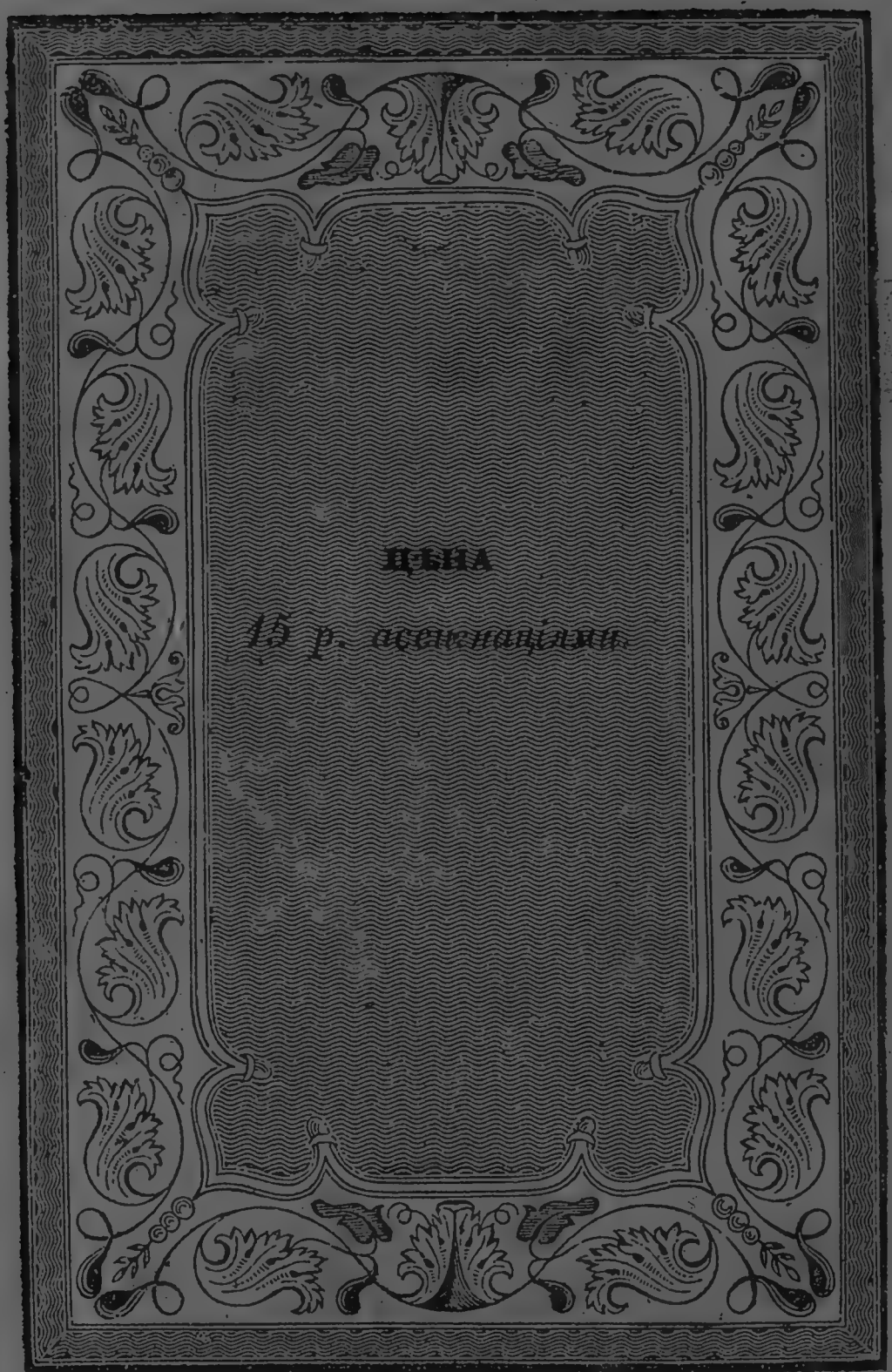
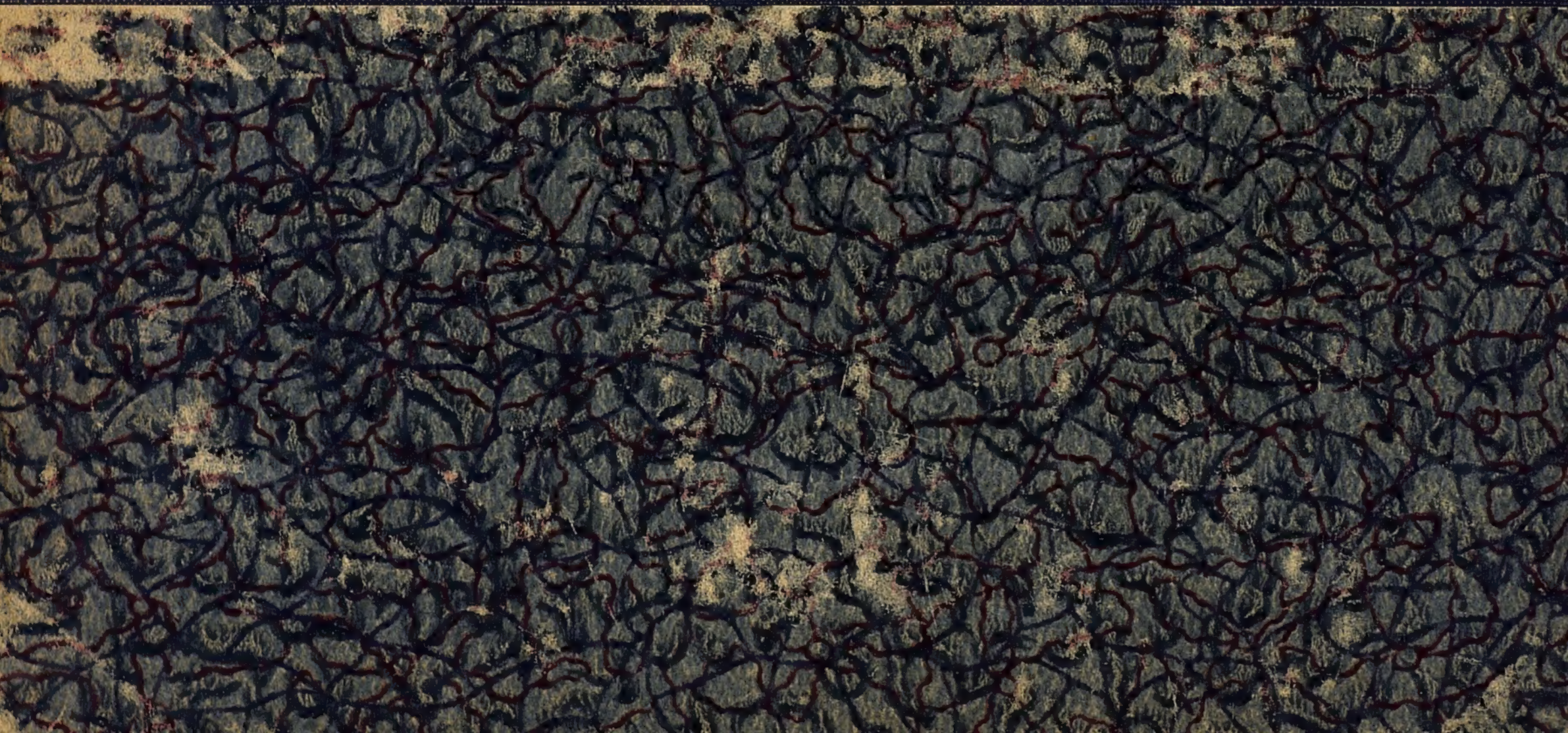
тельный своимъ укрѣпленіемъ. И сюда заходилъ Русскій солдатъ, и здѣсь многіе храбрые погибли невозвратно и тѣла ихъ унесъ волнистый *Дунай* далеко, далеко.

И такъ мы объѣхали Россію, видѣли ее и съ Сѣвера и съ Юга и съ Востока и съ Запада, любовались вездѣ прекраснымъ устройствомъ и по всюду замѣчали слѣдствія попечительности нашего добраго Государя. Да Благословитъ же Богъ Его Царствованіе и да продлитъ драгоцѣнные дни Николая для счастья всѣхъ Его подданныхъ: Воскликнемъ вмѣстѣ дружнымъ хоромъ:

Боже Царя храни!
Сильный, Державный
Царствуй на славу, намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ
Царь Православный!
Боже Царя храни!

Конецъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА


ЦѢНА
15 р. асигнаціями.